

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

26 февраля 2016 года

МАТЕРИАЛЫ X ВСЕРОССИЙСКОГО
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Часть 2

Ставрополь
2016

ББК 67.629.4
УДК 34
К 82

Одобрено
редакционно-издательским советом
Ставропольского филиала
Краснодарского университета
МВД России

К 82 Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всероссийского научно-практического круглого стола, 26 февраля 2016 г. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2016. - Ч. 2. - 212 с.

ISBN 978-5-9266-1055-7 (ч. 2)
ISBN 978-5- 9266-1053-3

В сборнике представлены статьи научных деятелей, преподавателей, аспирантов, адъюнктов ведущих вузов России, в том числе системы МВД, практических работников правоохранительных органов. Научные статьи отличаются оригинальностью в рассмотрении ряда теоретических и практических проблем по исследуемой тематике.

Издание предназначено для преподавателей, докторантов, адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов вузов, практических сотрудников правоохранительных органов.

По решению редакционно-издательского совета статьи печатаются в авторской редакции.

ББК 67.629.4
УДК 34

ISBN 978-5-9266-1055-7 (ч.2)

© СФ КрУ МВД России, 2016
© Коллектив авторов, 2016

Содержание:

Миронов Е.К. Событие преступления как обстоятельство, подлежащее доказыванию.....	6
Михайлов М.А. Специальные (негласные) следственные действия как источник получения криминалистически значимой информации.....	11
Назаркулова Ч.Н. Расследование преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды: проблемы и пути их решения (на примере Кыргызской Республики).....	18
Омельченко Т.В. Криминалистическая ответственность следователя.....	22
Отаров А.А. Особенности технико-криминалистической подготовки лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые поступивших на службу в ОВД.....	27
Панков В.А. Особая процедура возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц.....	31
Пилякин М.И. Природа института малозначительности деяния применительно к расследованию преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов.....	37
Пляс Д.Г. Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних в советский период развития уголовного законодательства.....	43
Попов В.А. Способы противодействия злоупотреблению уголовно-процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты.....	47
Потудинский В.П. О необходимости разработки дополнений к методике почерковедческого исследования рукописей и подписей, с учетом специфических букв, их сочетаний и комбинаций, имеющих в алфавитах республик Северо-Кавказского федерального округа, письменность которых основана на кириллице.....	51
Потудинский М.В. Следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, связанных с угоном автотранспортных средств, совершаемых несовершеннолетними.....	58
Рябова Л.В. Особенности расследования коррупционных преступлений.....	61
Рясов А.А. К вопросу о представлении вещественных доказательств в российском уголовном процессе.....	70
Самищенко С.С., Самищенко А.С. Дактилоскопическое прогнозирование на основе дактилоскопической формулы.....	79
Саньков В.И. Криминалистические недостатки предварительного следствия.....	88
Сахарова Е.Г. Оценка достоверности показаний потерпевших по делам о причинении вреда здоровью.....	94
Светличный А.А. Актуальные вопросы участия специалиста в осмотре трупа на месте происшествия.....	97

Семыкина О.И. К вопросу о генезисе криминализации предложения и обещания взятки.....	104
Славгородская О.А. Реализация криминалистического обеспечения расследования преступлений при производстве допроса свидетеля.....	112
Смык Е.И. Тактические особенности допроса подозреваемого как важный фактор раскрытия и расследования преступлений, связанных с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.....	118
Сотников С.С. Практические меры совершенствования организации проведения профилактического обхода участковым уполномоченным полиции, в целях раскрытия и расследования преступлений, совершённых на административных участках.....	122
Сухорукова А.Н. Особенности проведения первоначальных следственных действий при расследовании разбойных нападений, совершенных несовершеннолетними.....	126
Сыромля Л.Б. К вопросу о конкретизации видов предварительного исследования материальных следов.....	131
Сысенко А.Р. Особенности осмотра транспортного средства при расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	138
Уляева Е.В. Применение мер принуждения в отношении подозреваемого как вид уголовно-процессуальной ответственности.....	141
Федотов И.С. Особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего при расследовании дорожно-транспортных происшествий.....	146
Ханина Н.В. Преодоление противодействия расследованию при инсценировках.....	150
Хасанов Ф.З. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных работниками здравоохранения.....	155
Хижняк Д.С. Оперативное внедрение и дезинформация как методологические категории, релевантные для расследования транснациональных преступлений.....	159
Хмелева А.В. Отдельные вопросы криминалистического обеспечения раскрытия убийств, сопряженных с расчленением трупов (прикладной аспект).....	163
Хорев М.В. О влиянии гражданства субъекта преступления на методику расследования.....	170
Цуканова О.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных в пассажирском поезде.....	173
Черников С.В. Исторические предпосылки участия сведущих лиц в расследовании преступлений.....	181
Чуниха А.А. Теоретические и практические проблемы производства осмотра в уголовном судопроизводстве.....	187
Шабалина Ю.В. Организационные аспекты расследования транснациональных преступлений.....	192

Шадрин О.Ю. Допрос иностранных граждан в современных условиях: тактико-криминалистический аспект.....	200
Шутова Т.В. К методике расследования бандитизма.....	208

Миронов Е. К.,
аспирант 3 курса обучения
кафедры уголовного права и процесса
Юридического института ЧОУ ВО «Ставропольский университет»
(г. Ставрополь)

СОБЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ДОКАЗЫВАНИЮ

На первое место, среди обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ), законодатель ставит *событие преступления*. Такие выделения, как справедливо отмечает И.В. Белоусов, совершенно оправданно, хотя бы в силу того, что в соответствии с п.1 ч.1 ст. 24 УПК РФ отсутствие события преступления признается основанием для отказа в возбуждении или прекращения уголовного дела и лишает всякого смысла попытку установления наличия остальных элементов предмета доказывания [1, с.39].

Термин «событие преступления» принадлежит только уголовно-процессуальному праву. Толковый словарь определяет понятие «событие» как то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни [2, с.256]. В словаре синонимов русского языка сказано, что слово «событие» означает «то, что произошло, случилось, слово событие является основным для выражения значения и употребляется по отношению к тому, что случилось, имело место в общественной или личной жизни» [3, с.453]. Отсюда следует, что в сочетании со словом преступление «событие преступления» как термин, может быть понимаем лишь как случай преступления, явление общественной жизни. Термин «преступление» обозначает понятие, определенное уголовным законом и интерпретированное наукой уголовного права. В ст.14 Уголовного кодекса РФ сказано, что «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». В теории уголовного права в качестве базового служит понятие преступления, как действие (или бездействие), содержащее четыре элемента состава преступления: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону.

Иногда считают, что два последних элемента преступления обозначены в п.2 ст.73 УПК РФ термином «виновность лица, в совершении преступления, форма его вины и мотивы» [4, с.71]. В «Теории доказательств в советском уголовном процессе» по этому поводу отмечалось: «Если же интерпретировать указания в п.2 ст. 68 УПК РСФСР (*ныне п.2 ст.73 УПК – Е.М.*) через уголовно-правовые понятия, то речь идет об установлении обстоятельств, определяющих лицо, совершившее преступление (субъект) и субъективную сторону преступления» [5, с.171]. Указанное толкование имеет место и в современных источниках. Мы с такой позицией категори-

чески не согласны, считаем данное толкование произвольным и ошибочным, но в более серьезную дискуссию вступим позже, при рассмотрении вопроса о понятии виновности и его отграничении от уголовно-правового понятия вины.

Итак, под событием преступления понимается факт его проявления в объективной реальности. Доказать событие преступления, значит выявить характер действий (бездействия) преступника, установить, в чем оно конкретно выражалось по способу и форме совершения [6, с.27].

«Событие преступления» – термин собирательный, законодатель не дает ему определения, однако указывает на обязательность исследования таких элементов, как время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. Эти обстоятельства по ряду преступлений являются обязательными элементами, характеризующими объективную сторону преступления. По другим преступлениям они таковыми не являются. Однако законодатель требует устанавливать их по каждому уголовному делу, ибо без их выяснения невозможно иметь полное представление о подлинной картине преступления.

Наверное, нелишним будет заметить, что характеристику «события» преступления законодатель дает посредством исследования определенных элементов «состава» преступления. Отчасти это явилось причиной возникновения спора о соотношении этих двух терминов. Так, И.А. Крючатов считает содержание понятий «событие преступления» и «состав преступления» тождественными [7, с.17]. В.С. Бурданова высказывалась в том плане, что «событие преступления понимается не в юридическом, а в физическом смысле» [8, с.46]. Авторами «Теории доказательств в советском уголовном процессе» указано, что «законодатель использует понятие «события преступления» в том смысле, что это событие может наличествовать, и в то же время в деянии обвиняемого, вызвавшем это «событие преступления», может отсутствовать состав преступления. При ином толковании нельзя объяснить, зачем введено такое основание, как «отсутствие в деянии состава преступления», если уже раньше сформулировано всеобъемлющее основание – отсутствие события преступления» [9, с.164-165]. Мы поддерживаем третью точку зрения и считаем заблуждением мнение о тождественности понятий «состав преступления» и «событие преступления».

Как указывалось ранее, при характеристике события преступления, как элемента предмета доказывания, законодатель обращает внимание на такие составляющие, как время, место, способ и иные обстоятельства совершения преступления.

Время совершения преступления – это определенный промежуток времени или момент, в течение которого совершено событие преступления. Исследование времени совершения преступления дает возможность правильно решить вопросы об уголовной ответственности лиц, не достиг-

ших возраста, при котором возможна уголовная ответственность, о применении закона, действовавшего во время совершения рассматриваемого деяния, о проверке алиби обвиняемого. Время совершения преступления иногда является одним из признаков состава преступления. Так, например, для определения ответственности за самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК) законодателем четко установлено время, в течение которого может длиться это деяние, – свыше двух, но не более десяти суток. Поэтому одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию по этому преступлению, является время оставления военным части [10, с.51].

Место совершения преступления – это, во-первых, пространство, которое может быть кем-то или чем-то занято, на котором что-то происходит, находится или где может расположиться, во-вторых, участок или местность на земной поверхности и, в-третьих, определенная территория, на которой произошло событие. В Уголовном праве место совершения преступления определяется, прежде всего, его географическим понятием: открытое море, поверхностные или подземные воды, морская среда, континентальный шельф. Это может быть пространство, на котором расположено жилище человека, место захоронения человека. Это может быть территория заповедника или заказника, зона экологического бедствия или чрезвычайной экологической ситуации, исключительная экономическая зона РФ, места нереста или миграционные пути к местам нереста, море или водный путь, таможенная граница, территория Российской Федерации и т.д. Место совершения преступления может быть квалифицирующим признаком состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, может явиться обстоятельством, помогающим установить алиби, определить территориальную подследственность или подсудность, разграничить оконченные составы преступления от неоконченных.

Способ совершения преступления – это система каких-то действий (бездействие), послуживших причиной наступления преступного результата. Если преступление совершено путем действия, то нужно установить, какие именно действия совершил виновный, – это особенно важно в тех случаях, когда преступление было совершено несколькими соучастниками, действия каждого из них должны быть индивидуализированы. Если преступление совершено путем бездействия, то должно быть установлено, какая конкретно обязанность и почему возлагалась на виновного, а также нужно доказать, что у виновного была реальная возможность выполнить свою обязанность, но он не сделал этого. Особенно важно правильно определить способ совершения преступления тогда, когда это влияет на квалификацию преступления. Так, характер насилия, применяемого при хищении, позволяет отграничить грабеж от разбоя; совершение убийства с особой жестокостью – основанием для квалификации по п. «д» ч.2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ.

Установление способа совершения преступления может иметь важное ориентирующее или доказательственное значение, например, совершение нападений в отношении однотипных объектов, одним и тем же способом, с применением одного и того же или однотипного оружия свидетельствует о постоянстве форм и методов преступных действий [11, с.8]. В ряде случаев способ совершения преступления может послужить основанием для выдвижения версии о совершении нескольких преступлений одним и тем же лицом (например, «почерк» убийцы, квартирного вора» банды и т.п.) [12, с.64]. Способ совершения преступления может свидетельствовать и о невиновности в преступлении в том случае, если использование такого способа требует определенных навыков, знаний, умений, которые отсутствуют у определенного лица.

Рассмотренные элементы, характеризующие событие преступления – время, место, способ совершения преступления, конкретизированы законодателем в тексте ст. 73 УПК. Однако, что еще раз подтверждает высказанное убеждение об открытости данного перечня, законодатель, характеризуя событие преступления, использует и понятие, значение которого им не раскрывается, применяя при этом словосочетание «другие обстоятельства совершения преступления». Как неоднократно отмечалось в научной литературе, эти обстоятельства могут быть различными для разных преступлений [13, с.14]. Тем не менее, к таким фактам чаще всего относят: общественную опасность деяния; противоправность; средства, орудия и предмет преступления; обстановку; данные о потерпевшем от преступления. То есть обстоятельства, необходимость установления которых продиктована конструкцией состава конкретного вида преступления.

Литература:

1. Белоусов, И.В. Предмет доказывания по делам о преступлениях, совершенных в соучастии: дисс. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1990.
3. Словарь синонимов русского языка. Л., 1971. - Т.2.
4. Банин, В.А. Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа) / под ред. Ш.К. Вахитова. Саратов, 1981.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973.
6. Прудников, В. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании должностных преступлений / В. Прудников // Законность. 2000. - № 9.

7. Крючатов, И.А. Правовая природа возбуждения уголовного дела в советском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Одесса, 1969.
8. Бурданова, В.С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел доведения до самоубийства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Л., 1966.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973.
10. Ульянова, Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Т.Л. Ульянова. - М., 2008.
11. Дворкин, А.И. Расследование бандитизма: методическое пособие / А.И. Дворкин, Т.А. Боголюбова, Ю.М. Самойлов - М., 2000.
12. Кокорев, Л.Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов - Воронеж, 1995.
13. Ефимичев, П.С. Предмет доказывания и привлечение в качестве обвиняемого по делам о налоговых преступлениях: дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 2002.

Михайлов М. А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Симферополь)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ (НЕГЛАСНЫЕ) СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

В последние годы все отчетливее формируется мнение о необходимости кардинально реформировать уголовно-процессуальное законодательство. Ввиду того что действующий УПК устарел и не отвечает требованиям времени, а его модификация лишь усложняет решение задач судопроизводства, отдельными представителями законодательной власти уже заявлено о начале работы над новым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [1].

Одним из направлений такого реформирования является необходимость расширения арсенала средств получения доказательственной и криминалистически значимой информации. В качестве примера предлагается использовать опыт западных стран и соседей из ближнего зарубежья, которые законодательно закрепили расширение круга следственных действий, большинство из которых не стали для нас новинкой, поскольку использовались в оперативно-розыскной деятельности. Основными причинами поиска и внедрения новых средств получения криминалистически значимой информации стали всплеск организованной преступности в 90-х годах и развитие научно-технического прогресса.

Легитимизация методов оперативно-розыскной деятельности возможна двумя путями. Либо посредством придания результатам оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) доказательственного значения, либо повышением в УПК статуса ОРМ до т.н. специальных (негласных, тайных и т.п.) следственных действий. Многие из них долгие годы апробировались как источники оперативной информации, пока не были признаны процессуалистами. Перлюстрация корреспонденции, наружное наблюдение, прослушивание телефонных разговоров испокон веков применялись для выхода на источники доказательств. Негласный характер этих действий, требования конспирации и безопасности, невозможность порою раскрыть источник получения информации, уязвимость для фальсификаций и злоупотреблений, не позволяли напрямую использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

В то же время становилось понятно, что традиционными уголовно-процессуальными и криминалистическими методами противодействовать организованной преступности малоэффективно, а порою и невозможно.

Научно-технический прогресс, появление технологий химической и физической маркировки лиц и предметов, развитие цифровой фотографии и видеозаписи, сотовой связи, спутниковой навигации дали возможность не только разрабатывать и законодательно оформлять новые следственные действия, но и придавать доказательственное значение результатам ОРД.

Современные технические способы фиксации хода мероприятий и получения значимых результатов, позволили максимально снизить риск, а чаще и избежать вовсе, намеренных искажений этих результатов, провокаций и иных злоупотреблений в доказывании.

Развитие науки и техники, стремление опередить преступный мир в использовании ее достижений в своих интересах, вынудили правоохранителей не только оперативно реагировать на вызовы преступников в этой сфере, но и упреждать их.

Появились новые виды экспертиз, прежде не известные возможности идентификации личности, объекты и формы криминалистической регистрации.

Сначала на Западе, а потом и в странах Ближнего зарубежья, стремящихся им подражать, стали законодательно оформляться в виде следственных действий мероприятия из арсенала ОРД.

Первыми в этом направлении реформировали свое уголовно-процессуальное законодательство страны Прибалтики. И если Эстония пошла по пути законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности, введя в свой УПК 2003 года Раздел 8. «Собирание доказательств путем проведения оперативно-розыскных действий» [2], то в Уголовно-процессуальном законе Латвии 2005 года уже появляется одиннадцать т.н. специальных следственных действий (ст.215).

Грузия в УПК 2009 также придает ОРМ статус тайных следственных действий, расширительно толкуя их круг, достаточно рискованно, на наш взгляд, считая, что он может включать в себя любое тайное следственное действие, ставящее целью получение доказательств.

В УПК Украины 2012 года вновь созданный институт негласных следственных действий (НСД) получил самую детальную регламентацию, которая на первых порах смутила своей открытостью специалистов оперативной работы, привыкших к грифам и конспирации. Из двенадцати следственных действий только два разрешались проведением по всем преступлениям без ограничений [3], а остальные лишь по тяжким и особо тяжким преступлениям.

Казахстан, внимательно следивший за украинским опытом, также использовал терминологию «негласные следственные действия» и вклю-

чил в УПК 2014 года Главу 30 с таким же названием, в которой предусматривалось десять следственных действий негласного характера.

Молдова в 2012 году дополнила действующий УПК частью 5 «Специальная розыскная деятельность», где аналогично эстонскому закону были предусмотрены пятнадцать специальных розыскных мероприятий, на проведение части которых, давал разрешение судья по уголовному преследованию, а на остальные – прокурор.

УПК РФ в этом плане почти не претерпел никаких изменений. Средства и методы ОРД так и остались за семью печатями, не смотря на принятие Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и не трансформировались в следственные действия, как в УПК наших соседей. Научно-технический прогресс лишь слегка модернизировал арсенал следователя. В 2010 году были дополнена статья 186 «Контроль и запись переговоров» и появилась ст.186-1 «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами».

Упоминание в УПК РФ столь архаичного средства фиксации доказательств как киносъемка, также не свидетельствует о его соответствии требованиям времени.

Можно утверждать, что российский законодатель выбрал свой путь использования негласных средств и методов в противодействии преступности, что действующий УПК позволяет результатам ОРД, придавать доказательственное значение, чего вполне достаточно.

На наш взгляд, это ошибочное мнение. Содержание средств и методов ОРД до сих пор относится к сведениям, составляющим государственную тайну, хотя секретом уже давно ни для кого не являются. Получать же доказательства и иную криминалистическую значимую информацию нельзя методами, общая суть и содержание которых секретны. Никакой ведомственный контроль, честность и преданность делу борьбы с преступностью правоохранителей не могут являться гарантией соблюдения Закона и Прав человека. Необходимо придание нового статуса этой деятельности и создание иных форм контроля над ней. В этом плане опыт проб и ошибок соседей может стать хорошим уроком для отечественного законодателя.

Мы уже неоднократно упоминали о чрезмерности судебного контроля деятельности следователя по УПК Украины. Это приводит к тому, что следователь просто не обращается в своем расследовании к возможностям проведения негласных следственных действий. Создание института следственных судей имеет положительное значение в том, что они являются более узкими специалистами в своем деле, способны вникать в различные ситуации, возникающие в ходе предварительного следствия и принимать правильное решение.

Другое дело, насколько быстро судьи поймут, что от них зачастую требуется быстрое принятия решений и нередко во внеурочное время. Следователь не может значительную часть своего времени проводить под

кабинетом следственного судьи, ожидая приема, при наличии доступа к современным технологиям коммуникаций: от электронной почты до видеосвязи.

Следует осторожнее относиться и к вовлечению самого следователя в негласную работу. Мы считаем, что он может участвовать в планировании тактических операций по задержанию с поличным, ведь ему затем предстоит заниматься доказыванием этого факта, причем нередко, в условиях сильного противодействия расследованию. На наш взгляд, в некоторых случаях следователь вправе с разрешения оперативных работников общаться с конфидентами об обстоятельствах проведения того или иного следственного действия. Однако самому заниматься организацией конфиденциального сотрудничества или привлекать лиц для этих целей, как предусматривает УПК Украины (ст. 275) не следует. И дело, прежде всего в небезопасности такой работы для обеих сторон, не говоря уже о ее этичности и эффективности.

Все это приводит к необходимости оформления в уголовно-процессуальном законе отдельной группы специальных следственных действий, исполнение которых следователь поручает специалистам в сфере ОРД и спецтехники, а затем получает от них определенным образом оформленные результаты. При этом нет необходимости в непосредственном участии самого следователя в проведении этих следственных действий, хотя такое участие в некоторых случаях и не исключается.

Представляется уместным в этом плане провести параллель с назначением экспертизы. Следователь излагает в постановлении о назначении экспертизы обстоятельства дела, имеющие значение для эксперта, предоставляет ему необходимые объекты и образцы, если необходимо, то и возможность ознакомиться с материалами уголовного дела, после чего формулирует вопросы, имеющие значение для расследования. Все дальнейшее – это дело эксперта. Выполняя свои обязанности, используя специальные методики, приборы и материалы, эксперт стремится ответить на поставленные следователем вопросы и излагает результаты своей работы в заключении. При этом он может инициативно дать ответы на вопросы, которые не были по какой-то причине поставлены следователем, но ответы на них появились в ходе производства исследования. При этом следователь вправе присутствовать при проведении исследования (например, при вскрытии трупа), следить за его ходом и при необходимости назначить дополнительную экспертизу с новыми вопросами к эксперту.

Конечно, все это переносить буквально на процедуру инициации и проведения специальных следственных действий не следует, но тот факт, что эта сугубо специфическая деятельность должна быть доверена специалистам своего дела – бесспорен.

В принципе следователь имеет возможность с помощью специальных технических средств наблюдать за проведением такого следственного

действия, может быть даже корректировать его ход, но полностью отдавать в его распоряжение этот специфический инструмент получения доказательственной и криминалистически значимой информации не целесообразно.

Специальные следственные действия не должны полностью упразднить и оперативно-розыскную деятельность. Прежде всего, потому, что они проводятся только на стадии предварительного расследования. А на стадии выявления преступления, когда дело еще не возбуждено, без ОРД не обойтись. Не стоит прекращать ее и после окончания предварительного расследования. Именно в этот период чаще всего и включаются рычаги противодействия со стороны преступников и их окружения. Без оперативного сопровождения на этой стадии и принятия мер по предупреждению и преодолению противодействия преступников, возрастает риск того, что на оперативно-следственном жаргоне называют «развалом дела».

В то же время может возникнуть ненужное дублирование проведения специальных следственных действий оперативно-розыскной деятельностью. Думается, что здесь приоритет за следователем в его решении по использованию информации, полученной субъектами ОРД по своей инициативе.

После появления в УПК этих следственных действий, перед криминалистами и специалистами в области ОРД встанут задачи разработки тактики их проведения. Здесь и будет полезен накопленный годами опыт оперативной работы. При этом вовсе необязательно снимать гриф секретности с этой категории сведений. Следует отметить, что проникновение ОРД в криминалистику не однозначно воспринимаются научной общественностью. В той же Латвии, например, В.Н. Терехович довольно резко высказался о том, что если «средствами и методами познания являются хитрость, деньги, случай, подслушивание и подглядывание за людьми, провокации в отношении людей и т.п. это является ошибкой...В таком виде юридическая наука направлена прежде всего на обеспечение нужд полицейского государства» [4].

Но если тактика следственных действий в большей степени определяется следственным мастерством и даже искусством и не подлежит детальной правовой регламентации, то процедура легитимизации информации, полученной негласными методами, требует четкого регулирования в специальных правовых актах и должна строго выполняться.

Источники получения информации, специальные сотрудники и техника могут быть подвергнуты серьезному риску при использовании этих сведений в доказывании. Существующих сегодня в Законе мер по сокрытию сведений об этих источниках и зашифровки их данных будет недостаточно при обращении к результатам специальных следственных действий. В доказывании востребована лишь часть информации, получаемая при их проведении. В то же время, чтобы избежать обвинений в подтасовке фак-

тов, дезинформации и фальсификации, следует определенное время сохранять полный объем сведений. Где, каким образом, и в каком статусе хранить эти сведения, кому разрешить к ним доступ – задача, требующая четкой правовой регламентации. Нам представляется, что для ее решения следует изучать опыт стран, где такие действия уже используются, и эти проблемы более или менее успешно преодолеваются.

В связи с негласным характером проведения специальных следственных действий и засекречиванию части информации следует прогнозировать и рост обвинений в фальсификации, провокациях, подстрекательстве к совершению преступлений и других злоупотреблениях в доказывании по уголовным делам.

Это часто наблюдается при рассмотрении дел по взяточничеству, незаконному обороту наркотиков и др., где были использованы мероприятия по контролю за совершением преступления и операции по задержанию с личным.

Здесь не следует пренебрегать решениями Европейского суда по правам человека, предметом рассмотрения которого, уже неоднократно становились факты использования таких методов. Уже можно говорить о сложившейся практике признания такого рода действий правомерными или незаконными.

Например, суд обязательно должен учесть:

- было бы преступление совершено без вмешательства правоохранителей;

- не было ли от конфиденентов или от специальных сотрудников повторных настойчивых просьб, несмотря на отказ;

- какие имелись основания для проведения специальных (негласных) следственных действий или ОРМ [5].

На решение суда окажет влияние и отказ правоохранителей предоставить возможность общения судьи с конфидентом или специальным сотрудником, участвовавшим в действиях по контролю за совершением преступления. Работа в новых условиях, уже не позволит скрыть грифом секретности недочеты и нарушения в доказывании и потребует от следователя и его коллег более высокого уровня профессионализма, выдержки и знания законов и подзаконных актов.

В заключении следует сделать вывод о том, что при реформировании уголовно-процессуального законодательства назрела необходимость в легитимизации средств и методов оперативно-розыскной деятельности, с приданием им статуса специальных следственных действий, и выделив в отдельную группу в связи со специфичностью их проведения и контроля над ними.

Контроль (надзор) за этой деятельностью следователя судебный или прокурорский, не должен быть чрезмерным, сковывать следственную инициативу и иметь возможность оперативного разрешения в случаях не тер-

пящих отлагательств. Необходимо законодательно предусмотреть возможность заочного общения следователя с контролирующим его субъектов путем использования современных технических средств.

Следует оградить следователя от необходимости лично заниматься негласной деятельностью, подвергая опасности себя и сотрудников.

Специальные следственные действия, представляют собой эффективное средство получения доказательственной криминалистически значимой информации, в то же время являются опасным инструментом, использование которого нередко происходит на грани закона. Поэтому их появление в УПК Российской Федерации возможно после детальной правовой проработки с учетом положительного и отрицательного зарубежного опыта и нашей национальной специфики.

Литература:

1. Михайлов, М.А. Проблемы и перспективы организации предварительного расследования: конференция в академии Следственного комитета Российской Федерации. Обзор выступлений участников / М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко // Международная ассоциация содействия правосудию [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://www.iauaj.net/node/1867> (Дата обращения 30.01.2016)

2. В Эстонии собирание доказательств путем проведения оперативно-розыскных действий разрешается лишь в случаях, когда другим путем получить доказательства невозможно (ч.1 ст.110 УПК).

3. Снятие информации с электронных систем (ст.264) и установление местонахождения радиоэлектронного средства в т.ч. и средств, активированных в сетях мобильной связи (ст.268).

4. Терехович, В.Н. Теория криминалистики. Общая часть: монография / В.Н. Терехович .- Рига, 2015 г. - 304 с.

5. Банникова (Bannikova) против Российской Федерации (Жалоба № 18757/06), Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. Сайт Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс], Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/press/news/bannikova-bannikova-protiv-rossiyskoy-federacii-zhaloba-no-1875706> (Дата обращения 30.01.2016)

Назаркулова Ч. Н.,
адъюнкт кафедры криминалистики
Санкт-Петербургского университета МВД России
(г. Санкт-Петербург)

**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПО
МОТИВУ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ
(на примере Кыргызской Республики)**

В процессе выявления и расследования преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти или вражды возникает необходимость в проведении различных видов экспертиз. Однако в правоприменительной деятельности в основном назначаются религиоведческая экспертиза, которая в зависимости от особенностей каждого преступления и объектов, подлежащих экспертному исследованию, может быть назначена в комплексе с другими видами экспертиз, чаще всего с психологической, лингвистической, психолингвистической и т.д.

Ранее нами были изучены тридцать уголовных дел данной категории, рассмотренных судами г.Бишкек и Чуйской области Кыргызской Республики. Все анализируемые преступления были связаны с деятельностью, признанной судом экстремистской и запрещенной на территории Кыргызской Республики религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир». Проведенный анализ уголовных дел показал, что религиоведческая экспертиза была проведена в 100% случаев, и в 90% случаев была единственно проведенной по делу экспертизой. При этом необходимо заметить, что в ряде случаев религиоведческая экспертиза была заменена теологической экспертизой.

Ограничение следователей только религиоведческой (теологической) экспертизой не может не вызывать тревоги по следующим основаниям. До недавнего времени, членам запрещенной в России и в некоторых странах СНГ международной исламской политической партии «Хизб ут-Тахрир» запрещалось скрывать свое членство в данной организации. По этой причине субъект преступления ни в коей мере не утаивал свои внутренние побуждения, подвигнувшие к совершению преступления, поскольку был глубоко убежден в правильности своих идей и действий, основанных на превосходстве своей религии. Главная цель приверженцев данной организации - построение исламского государства (халифата) являлось настолько сильным, что ответственность по светским законам была для них ничтожной. По этой причине установление членства в указанной запрещенной организации, а также установление мотива совершения преступления не представляла особой трудности. Однако, согласно последним решениям (фетва) указанной организации, ее членам стало дозвоительно скрывать

свою причастность к «Хизб ут-Тахрир», а также скрывать свои взгляды и убеждения, для достижения конечной цели организации.

Данное обстоятельство подтверждается также анализом судебной практики. Так, зачастую подсудимые по данной категории преступлений, в суде отказываются от первоначальных показаний, мотивируя это тем, что на них оказывалось давление в ходе следствия, а обнаруженная и изъятая у них литература была подложена сотрудниками правоохранительных органов. Учитывая тот факт, что по анализируемым преступлениям проводятся только религиозоведческая (теологическая) экспертиза, потерпевших по данным уголовным делам нет, а свидетелями выступают только два понятых, участвовавших в ходе обыска или обследования жилого помещения и сотрудники правоохранительных органов, которые по делу являются заинтересованными лицами, вероятность того, что дело «развалится» в суде высока. Кроме всего прочего, нельзя забывать и о том, что порой по различным причинам дела в судах многократно откладываются и понятые, выступающие в качестве свидетелей, крайне неохотно ходят на заседания суда. По нашему мнению, выход в подобной ситуации, безусловно, кроется в более тщательном подходе к собиранию доказательств с целью выяснения мотива преступления, а также причастности конкретного лица к РЭО и применении более широкого круга специальных знаний.

Так, мы считаем целесообразным назначение почерковедческой экспертизы, поскольку в 30 % уголовных дел у подозреваемых были обнаружены тетради, блокноты, дневники с содержанием рукописных конспектов религиозного характера. Согласно заключению религиозоведческой (теологической) экспертизы, их содержание было признано религиозно-экстремистским. Однако следователи ограничились только заключением религиозоведческой (теологической) экспертизы и ни в одном случае не назначали судебно-почерковедческую экспертизу, заключение которой могла бы стать не опровержимым доказательством по делу, поскольку «почерк – одна из основных составляющих идентификационного комплекса человека» [1]. Судебно-почерковедческая экспертиза могла бы решить не только идентификационные, но и диагностические задачи, поскольку в 16 % уголовных дел в ходе обыска или обследования жилища были обнаружены два и более рукописных тетради с наличием экстремистских записей. Данное обстоятельство склоняет на предположение, что в доме подозреваемого могли собираться единомышленники религиозно-экстремистской организации, с целью обучения канонам религиозного течения. Заключение почерковедческой экспертизы в значительной мере сократило бы затраты сил, средств и времени, сузив круг поиска владельцев тетрадей среди окружения подозреваемого.

Кроме этого по данной категории уголовных дел весьма редко (6 %) была произведена выемка истории посещения сайтов из компаний интернет провайдеров. Помимо этого ни в одном случае не получалась инфор-

мация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подозреваемых из организаций, осуществляющих соответствующие услуги связи. Представляется, что производство указанных следственных действий также способствовало бы сбору доказательств.

Согласно данным начальника десятого главного управления МВД Кыргызской Республики в период с 2012 года по март 2015 года на территории Кыргызской Республики сотрудниками правоохранительных органов было «у задержанных изъято более 12 тысяч экземпляров экстремистских материалов» [2]. Среди которых книги, брошюры, листовки, газеты и т.д. Указанные материалы по делу признаются вещественными доказательствами и после рассмотрения уголовного дела в суде, по приговору суда они подлежат уничтожению. Не смотря на внушающее количество изъятой литературы, их объем из года в год не убавляется. Что объясняется налаженной системой изготовления экстремистской литературы. Между тем проведенный анализ официальной статистики ИЦ МВД Кыргызской Республики показал, что за последние десять лет правоохранительными органами было раскрыто только два преступления по факту изготовления подобной литературы. В остальных случаях к уголовной ответственности были привлечены только за приобретение, хранение и распространение экстремистских материалов. Несмотря на удручающее положение дел, следователями по изученным нами уголовным делам не было назначено ни одной технико-криминалистической (судебно-технической, издательско-полиграфической) экспертизы документов, с целью установления фактических данных об обстоятельствах изготовления печатной продукции, в том числе о способе, месте, времени изготовления и т.д.

В свете событий последних лет, становится актуальным то, что радикально настроенные граждане по различным причинам уезжают и примыкают к МТО ИГ (Исламское государство). Некоторые из них возвращаются на Родину, вооружившись теоретическими знаниями и практически навыками. По этой причине полагаем целесообразным получение из базы данных пограничной службы сведений о пребывании за границей подозреваемого (обвиняемого).

Следователь как никто другой осведомлен обо всех тонкостях указанных преступлений, в том числе об обстоятельствах, способствовавших к совершению преступления. Между тем, мы не встретили ни одного случая вынесения следователем представления об устранении причин преступления. Как известно представление направляется в соответствующие организации и учреждения для обсуждения и принятия мер к недопущению аналогичных фактов, что является одной из форм профилактики преступлений.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что, к сожалению, правоохранительными органами к уголовной ответственности зачастую привлекаются только рядовые члены радикальных групп, а руководители

ячеек и организации остаются не достигаемыми, и продолжают искать и вовлекать в свои ряды новых приверженцев. Вероятность же получить у участника организации сведений о духовных наставниках, и руководителях не велика, поскольку каждый член привязан клятвой к своей организации. В этой связи, установлению всех обстоятельств дела и принятию справедливого судебного решения может способствовать только более широкое и качественное применение специальных знаний из различных сфер человеческой жизнедеятельности.

Литература:

1. Аверьянова, Т.В. Эксперт. Руководство для экспертов органов внутренних дел [текст] / под ред.Т.В.Аверьяновой, В.Ф.Статкуса.- Москва: КноРус, право и закон, 2003. – 469 с.
2. Мамбеталиев, Р.С. Деятельность международных террористических организаций по вербовке и отправке граждан Кыргызстана в зоны боевых конфликтов / Р.С. Мамбеталиев // Диалог органов внутренних дел (полиции) стран Центральной Азии в противодействии экстремизму и терроризму. – Бишкек, 2015 г. - 10 с.

Омельченко Т. В.,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Тавриче-
ской академии Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Симферополь)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ

1. Современное развитие уголовно-процессуального права в разных постсоветских республиках, ныне независимых государствах, предоставляет огромный массив материала для проверки жизнеспособности и практической целесообразности всевозможных процессуальных концепций, теорий, предложений. Среди многообразия выдвинутых новелл со стороны лиц, определенного круга процессуального сообщества, находят поддержку и внедряются в национальное законодательство и опровергаются казалось бы неопровержимые постулаты о формах уголовного процесса, процессуальных функциях следователя, совмещении оперативно-розыскных и следственных функций, эффективности еще одного контролирующего субъекта следственного судьи (некоторые авторы называют его судебным следователем), наличии следственной власти и т.п. Настало время говорить даже не о гибридной, а об эклектической форме уголовного судопроизводства (к сожалению в данном случае не получается не засорять язык уголовно-процессуальной науки несвойственными терминами, но именно это понятие отражает сущность происходящего). Если гибридная форма судопроизводства предусматривает прививание в одной законодательной модели институтов уголовно-процессуального права присущих разным формам процесса, которые в целом не оказывают существенного влияния на решение задач уголовного судопроизводства. То эклектическая форма процесса включает в себе несоединимые, по крайней мере с точки зрения классиков процессуальной науки, внутренне не связанные институты уголовно-процессуального права. Для такой формы уголовного процесса характерным становится игнорирование логических связей и обоснования положений, использование многозначных и неточных понятий и утверждений, ошибки в определениях и классификациях и т.д. Речь идет о попытках не просто в обвинительный процесс, состязательное судопроизводство, внедрить отдельную стадию характерную для инквизиционного процесса, а даже в рамках одной стадии совместить не совместимое.

И на этом фоне полагаем возможным внести и свой посильный вклад в развитие отдельных положений теории предварительного следствия и попытаемся аргументировать существование отдельного вида юридической ответственности, а именно криминалистической ответственности следователя. Мы бы не отважились на столь неожиданное обоснование,

если бы за короткое время оказались бы не в положении «С корабля на бал». Идея о необходимости обоснования нового вида ответственности в целом витала, но не хватало какого то завершающего элемента. Обосновывая свое видение остановимся на трех элементах.

2. Реформирование уголовно-процессуального законодательства в направлении лишения следователя всех полномочий и сведение его участие в судопроизводстве к сугубо секретарско-оформительском предназначении, позволяло предполагать скорый закат науки криминалистики, так как при таком положении нельзя вести речь ни о методике расследования, ни о тактике расследования, под сомнение ставится и сама возможность существования тактики отдельных следственных действий. Например, как можно говорить о тактике допроса со стороны следователя, если в состязательном процессе показания полученные на досудебных стадиях не являются доказательствами, а в суде свидетеля допрашивают уже стороны. Процессуальная роль следователя в данном случае ничтожна – с помощью машинописного текста оформить все, что говорит свидетель, без какой то надежды использовать это в суде. Для того чтобы показания, полученные на предварительном следствии (досудебном производстве) приобрели силу доказательств, они должны быть получены следственным судьей (судебным следователем). Получение единичного доказательства субъектом, не ознакомленным со всеми материалами дела, результатами проверки версий, минимизирует теоретическую и практическую ценность методик расследования. Да и ценность тактических рекомендаций отдельных следственных действий, в частности допроса, в данном случае минимальна. Все это существует в уголовных судопроизводствах с эклектической формой процесса. Институт предварительного следствия (досудебного следствия) существует, но доказательствами признаются данные полученные судом. Субъект по названию «следователь» национальным законодательством предусмотрен, но все процессуальные решения, в том числе о направлении производства, формально согласовывает, а практически осуществляет - прокурор.

3. Резкий переход от эклектической формы уголовного судопроизводства к смешанному судопроизводству с элементами советского уголовного процесса, но со значительно расширенным пониманием роли следователя в уголовном судопроизводстве, а соответственно и роли криминалистики в борьбе с преступностью, если позволяет в целом усомниться в «греховности» криминалистики, но порождает сомнение в ее полезности. Состояние вещей при котором полученный в ходе долгого, нередко кропотливого изучения материалов следственной и судебной практики, научный результат просто игнорируется отдельными представителями следственного аппарата, не может не вызывать вопросов. Ведь именно криминалистические знания составляют профессиональный стержень следователя. Безусловно, на первом месте знания процессуальные, но только лишь опи-

раясь на них иногда достаточно сложно будет раскрывать преступления. Но за процессуальные нарушения для следователя предусмотрен соответствующий вид ответственности. В вот за нарушение в сфере профессиональной компетенции, на наш взгляд, существует пробел.

4. Еще одним основанием говорить о необходимости выделения и существования криминалистической ответственности можно назвать существующие в юридической литературе выводы о юридическом характере криминалистики. Если данная относительно однородная и обособленная область знаний является юридической – соответственно должен существовать и соответствующий вид ответственности. Причем данный вид ответственности не может быть применим к судьям. Их деятельность лишь эпизодически соприкасается с криминалистикой и не вина суда будет в недостаточном криминалистическом обеспечении исследования доказательств в судебном заседании, а это полностью упущение сторон защиты и обвинения. У суда своя, особая ответственность. Она хотя и носит название дисциплинарной, но ее смело можно называть судебной. Так как такой сложной процедуры привлечения судьи к ответственности не существует больше ни для одного субъекта. Даже для высших руководителей государства. Например, вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности судей в Крымском федеральном округе, в большинстве случаев и до сегодняшнего дня являющихся судьями другого государства, вот уже не протяжении двух лет не может быть разрешен. Формально они являются судьями двух государств.

Нельзя привлекать и прокурора к криминалистической ответственности. Его роль на досудебных стадиях ограничивается хотя и важной функцией надзора, но не самостоятельной функцией расследования. И именно следователь значительную часть своей деятельности реализует за счет криминалистических знаний. Не соблюдение следователем криминалистических рекомендаций в большей части случаев ведет к утрате доказательств, в остальной части к значительному увеличению сроков судебного рассмотрения дела.

5. Попытки обосновать существование самостоятельной власти – власти следственной, неизбежно столкнутся с проблемой обособления субъекта следственной власти в системе разделения властей, в системе должностей в государстве, путем определения специфического рода деятельности, а и соответственно специфического рода ответственности. Речь в данном случае не идет о нарушениях уголовных, или дисциплинарных, таких как опоздание на работу, нарушение формы одежды и т.п. Речь идет о сугубо специфическом виде профессиональной ответственности который присутствует и в отношении судьи, и прокурора, и адвоката. И это не только и не столько этическая ответственность, хотя в большинстве своем прописана в разного рода кодексах чести, правил этики и т.п. Это и специфические наказания, связанные с запретом заниматься профессиональной

деятельностью, приостановлением права заниматься профессиональной деятельностью и т.п. И только у следователя до сегодняшнего дня нет единого кодекса, свода правил позволяющих детализировать профессиональную ответственность. Потому мы и предлагаем считать профессиональным видом ответственности следователя – криминалистическую ответственность.

Данное предложение обусловлено и тем, что по существу весь труд и старания криминалистов не обладают высоким коэффициентом полезного действия, в силу необязательности соблюдения криминалистических рекомендаций. Обоснованно появляется вопрос, а если это ни для кого не обязательно, то зачем это надо? Только лишь для личного удовлетворения амбиций пытливых соискателей научной специальности 12.00.12?

Вопрос о придании методическим рекомендациям силы нормативных актов обсуждается в литературе, поднимаются проблемы связанные с алгоритмизацией следственной деятельности. Полагаем, что такие крайности как придание методическим рекомендациям силы нормативно-правовых актов (пусть и ведомственных), разработки алгоритма действия следователя не являются оправданными. Алгоритмизировать следственную деятельность, в сущности деятельность творческую, можно только на этапе подготовки следователя. В ходе расследования уголовного дела ни один алгоритм не сможет предусмотреть всех обстоятельств. Но это не дает право следователю и пренебрегать положениями криминалистической науки, которые фактически приобрели признаки аксиом, негласных правил. То есть их выполнение не может ставиться в зависимость от усмотрения следователя. Это фактически устав следователя. При чем часть этих действий настолько важна, что уже внесена в законодательство в качестве обязательных, например случаи обязательного назначения экспертизы. Ни у кого не вызывает сомнений необходимость назначения экспертизы вреда здоровью в случае, если на теле потерпевшего присутствует только покраснение кожи. И лишь проведение части из криминалистических экспертиз передается на усмотрение следователя. Речь идет о так называемом минимальном объеме выполнения криминалистических рекомендаций. Например, по делам о половых преступлениях не может на усмотрение следователя передаваться вопрос о необходимости получения вещей соприкасавшихся с половыми органами и их обязательное направление на соответствующие экспертизы.

6. В чем же сущность криминалистической ответственности следователя? Полагаем, что в содержание криминалистической ответственности следователя входит качество расследования и способности конкретного следователя самостоятельно с необходимой достоверностью устанавливать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Оценить данные способности не в состоянии ни прокурор, ни судья, ни какой либо иной субъект процессуальной или государственной деятельности, кроме как Чело-

век, посвятивший значительную часть своей жизни установлению истины по уголовным делам – следователь в отставке. Вопрос о привлечении к криминалистической ответственности следователя можно возложить на ветеранские организации, которые не находятся в подчинении действующих руководителей и начальников, а значит будут избавлены от ведомственного давления. В качестве наказаний может применяться, например, предупреждение, понижение в классном чине (звании); приостановлении права осуществлять самостоятельно следственную деятельность; лишение права осуществлять следственную деятельность на определенный срок и пожизненно и т.п. Право принимать решение о наложении того или иного вида криминалистической ответственности следователя возможно предоставить совету ветеранов субъекта РФ коллегиально.

Безусловно, данные предложения на данный момент не являются окончательно оформленной системной концепцией. Есть необходимость в ее дальнейшей разработке и наполнение уже более конкретным содержанием.

Отаров А. А.,
доцент кафедры криминалистики Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук
(г. Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИЦ РЯДОВОГО И МЛАДШЕГО НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА, ВПЕРВЫЕ ПОСТУПИВШИХ НА СЛУЖБУ В ОВД

Криминалистические знания остаются неотъемлемым элементом системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел России. Причем можно категорически утверждать, что знания основ криминалистики, «технической» ее составляющей, востребованы не только среди ее «непосредственных потребителей» – следователей и дознавателей, экспертов-криминалистов, оперативных работников. Порой даже далекие от вопросов раскрытия и расследования преступлений службы органов внутренних дел также нуждаются в этих знаниях – будь то тыловые, кадровые, финансовые подразделения. Тем более необходимость криминалистической подготовки распространяется и на сотрудников подразделений по охране общественного порядка.

Естественно, что в зависимости от направления подготовки объем знаний, необходимых для освоения обучающимися, разнится. Мало кто поспорит, что эксперту-криминалисту нет нужды разбираться в тонкостях организации расследования преступлений, тактики допроса, опознания и т.д. Равно как и следователю порой ни к чему вникать в детали процесса применения специальных методов экспертного исследования [1].

Одним из направлений подготовки сотрудников органов внутренних дел является профессиональное обучение лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу по профессии Полицейский. Организационно-методическими документами, разработанными для целей реализации данного направления подготовки, предусмотрено, что по результатам обучения выпускник должен обладать профессиональными компетенциями, включающими в себя (в том числе) способность «использовать в профессиональной деятельности основы криминалистических знаний» [3].

Возникает вопрос о том, каков должен быть объем этих знаний. Очевидно, что криминалистические знания хоть и входят в компетенцию полицейского, но не являются для него основной составляющей.

Основные виды профессиональной деятельности, по которым осуществляется подготовка в рамках указанной специальности, являются патрульно-постовая и охранно-конвойная служба, охрана имущества и объек-

тов на договорной основе. Исходя из функций соответствующих подразделений ОВД, можно выделить ряд прав и обязанностей полиции, эффективная реализация которых невозможна без базовых криминалистических знаний. Так, в соответствии с Федеральным законом РФ от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ, полиция:

– «*вправе ... проверять ... документы, удостоверяющие личность, ... разрешения (лицензии) и иные документы ..., а при обнаружении признаков подделки указанных документов обязана изымать их*»;

– «*обязана осуществлять розыск определенных категорий лиц и принимать меры по идентификации живых лиц и неопознанных трупов*»;

– «*обязана контролировать оборот оружия, боеприпасов, патронов к оружию и вправе осуществлять личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства ... , изымать указанные предметы, средства и вещества*»;

– «*обязана прибывать незамедлительно на место ... происшествия, ... обеспечивать сохранность следов ... происшествия*».

Таким образом, объем криминалистических знаний, необходимых для освоения обучающимися по названной специальности включает в себя знания таких отраслей криминалистической техники, как габитоскопия, документоведение, оружиеведение и трасология. Естественно, что знание научных положений и этих отраслей в полном объеме от полицейского не требуется. Востребованы здесь лишь те положения, которые актуальны и реализуемы в «полевых условиях», безинструментальными методами. В частности, обучающимся целесообразно изучать:

1. Понятие, сущность и виды субъективных отображений внешности, особенности их формирования (в частности правила составления словесного портрета) и использования в деятельности по розыску и установлению личности граждан и неопознанных трупов;

2. Способы частичной подделки документов и их признаки;

3. Понятие и признаки (критерии относимости) огнестрельного и холодного оружия, взрывных устройств, их классификации, понятие и признаки наркотических средств, психотропных веществ, особенности сокрытия правонарушителями указанных объектов;

4. Типичные следы, обнаруживаемые на местах происшествий, и содержание действий полицейского по обеспечению их сохранности до прибытия следственно-оперативной группы.

В настоящее время указанные вопросы в целом охватываются примерной программой профессионального обучения лиц указанной категории и основанными на ней рабочими учебными программами, где в рамках профессионального цикла предусмотрена дисциплина «Практикум по основам криминалистической техники». Структура и содержание данной

учебной дисциплины в целом соответствуют структуре знания, предложенной выше. Вместе с тем методическое обеспечение данной дисциплины возможно лишь за счет усилий отдельных преподавателей. Использование учебников криминалистики, предусмотренных для студентов и курсантов вузов, здесь не позволяет в полной мере решать учебно-методические задачи. Учебно-теоретическая база по данной дисциплине безусловно разрабатывается на местах, но она не имеет единства. Попытку восполнить данный пробел изданием единого учебника, предусмотренного для подготовки рассматриваемой категории обучающихся, можно назвать своевременной, но удачной – только с натяжкой. Так, выпущенный в свет в начале 2015 года учебник под общей редакцией В.Л. Кубышко [4], безусловно основательный и всесторонний труд. Однако в части, касающейся криминалистической подготовки полицейских, соответствующий раздел учебника по структуре и содержанию не только не отвечает потребностям образовательного процесса, но даже противоречит примерной программе, которая несмотря на свой рекомендательный характер по понятным причинам является безоговорочной базой для формирования всего остального учебно-методического материала. Так, вместо четырех тем, предусмотренных примерной программой, учебник предлагает для изучения восемь. И если наличие в учебнике вводной темы «Общие положения криминалистики» еще можно считать оправданным, то рассмотрение положений криминалистической фотографии, криминалистической регистрации, а также вопросов трасологии, касающихся научных основ дактилоскопии, средств и методов обнаружения и изъятия следов рук, исследования и фиксации следов обуви и транспортных средств, представляется излишним на данном этапе профессионального обучения.

На изучение данной дисциплины отводится 18 часов, что представляется хоть и не оптимальным, но минимально достаточным для усвоения и частичной практической отработки перечисленных выше вопросов. Поэтому оптимизация обучения рассматриваемой категории обучающихся должна идти по обеспечению минимально необходимого объема профессиональных знаний, но качественного его усвоения, получения уверенных практических навыков обучающимися.

Как показывает практика, несмотря на 25-недельный срок обучения, слушатели в основной массе аккумулируют вышеперечисленные базовые технико-криминалистические знания и подходят к итоговой аттестации не с пустым багажом. Однако представляется, что общий уровень подготовленности обучаемых по рассматриваемой учебной дисциплине мог бы быть выше при решении ряда организационных проблем. Одной из них являются значительные временные разрывы между каждым последующим аудиторным занятием (от недели и более) что влечет снижение интенсивности изучения дисциплины [2; с. 209].

Еще одна проблема – отсутствие четкой последовательной связи между данной учебной дисциплиной и последующими, в рамках которых технико-криминалистические и иные служебные задачи полицейских отрабатываются в комплексе (профессиональные модули) [5; с.335], одной из предпосылок чего является низкий уровень межкафедрального взаимодействия в учебном процессе.

Эти и другие проблемы нуждаются в безотлагательном разрешении, ведь действия полицейского, отрабатываемые в рамках учебной дисциплины «Практикум по основам криминалистической техники», составляют для него именно тот инструментарий, который позволяет зачастую предотвратить или пресечь происшествия, влекущие серьезные последствия, обеспечить условия для эффективного раскрытия и расследования преступлений, розыска и установления виновных, сохранения вещественных доказательств.

Литература:

1. Карданов, Р.Р. Судебно-криминалистическая экспертология: курс лекций / А. А. Отаров, Р. Р. Карданов. – Нальчик, 2009.
2. Леоненко, Р.М., Пилякин, М.И. Использование современных технологий в методике проведения практических занятий по дисциплине «Криминалистика» // Актуальные проблемы преподавания психолого-педагогических дисциплин в современных условиях: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2013. - С. 209.
3. Примерная программа профессионального обучения (профессиональной подготовки) лиц рядового и младшего начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел по профессии Полицейский. – М., 2013 / утв. начальником ДГСК МВД России генерал-лейтенантом в/с В.Л. Кубышко.
4. Профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел (профессиональная подготовка полицейских): учебник в 2-х частях / под общ. ред. В.Л. Кубышко. – М.: ДГСК МВД России, 2014.
5. Рясов, А.А., Жигалова, Г.Г. Использование игровых технологий в процессе преподавания криминалистики в вузах МВД / А.А. Рясов, Г.Г. Жигалова // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014. - № 13. - С. 335.

Панков В. А.,
адвокат Адвокатской палаты Ставропольского края
(г. Ставрополь)

ОСОБАЯ ПРОЦЕДУРА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Закон предусмотрел те категории должностных лиц, решения которых создают определенные правовые последствия и существенно затрагивают права и интересы граждан, влияя на общественные взаимоотношения, государственную политику и экономику. Лица, принимающие такие решения нуждаются в повышенной защите и иммунитете от необоснованного уголовного преследования.

Перед возбуждением уголовного дела проводится доследственная проверка не предусматривающая процессуальных исключений и каких-то отдельных решений органов, перечисленных в ст. 144-145 УПК РФ. Одна из основных стадий уголовного судопроизводства по привлечению к уголовной ответственности должностных лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ-это стадия возбуждения уголовного дела. При решении вопроса о возбуждении дела материалы проверки должны быть качественно собраны и проверены. И орган, решающий вопрос о возбуждении уголовного дела должен иметь всестороннюю картину обстоятельств рассматриваемых фактов, с тем чтобы в представленном материале все необходимые вопросы были отражены, даны пояснения всех заинтересованных сторон, в том числе и лиц, в отношении которых рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела. При этом закон должен исключить случаи, когда кто-либо без наличия к тому законных оснований отказывается давать пояснения, представлять информацию и иные данные необходимые для объективного исследования материалов проверки. Это необходимо как с позиции определения признаков состава преступления так и установления их отсутствия.

В указанных законодательством нормах о неприкосновенности перечисленных лиц не говорится о запрете проведения проверок в отношении них до возбуждения уголовного дела, а лишь перечисляет принудительные меры, которым не вправе подвергаться лица, пользующиеся неприкосновенностью. Это: задержание, досмотр личных вещей, жилища и служебных помещений, сохранение тайны переписки и иной корреспонденции и т.д. Все те же действия могут быть произведены после возбуждения уголовного дела или при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые производятся на основе судебного решения.

Зачастую указанные в ст. 447 УПК должностные лица отказываются давать какие-либо объяснения даже по поводу обстоятельств дел, не затрагивающих их профессиональную деятельность. Ссылаются на свою непри-

косновенность, которая является гарантией более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Однако она не является личной привилегией, а имеет публичный характер. Служит публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом отдельных лиц в силу осуществления ими функций государства и защищает от необоснованных преследований. Так при совершении прокурором деяния, содержащего признаки преступления, принимается решение о возбуждении дела руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. А в отношении Генерального прокурора - Председателем Следственного комитета Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, принятого по представлению Президента Российской Федерации, о наличии в действиях Генерального прокурора Российской Федерации признаков преступления.

Согласно Постановления Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. №1-П, суд, не обладая правом возбуждения уголовного дела, вправе осуществлять по делам публичного обвинения судебный контроль за законностью и обоснованностью решений, в том числе о возбуждении уголовного дела.

В своей статье «Как побороть иммунитет от уголовной ответственности» В.В. Голубев пишет, что главным является то обстоятельство, что «перечень неприкосновенных» определен в одном законе и не подлежит расширительному толкованию. Кроме того, на уровне федерального закона четко прописана процедура возбуждения уголовного дела, привлечения к уголовной ответственности, применения мер процессуального принуждения в отношении лиц, чью деятельность законодатель решил гарантировать от любых необоснованных влияний. Но, тем не менее, Голубев В.В. заметил, что с существовавшим «многозаконием» на практике еще придется столкнуться. Например, при возникновении ситуации требующей возбуждения уголовного дела или применения меры процессуального принуждения в отношении лица, обладавшего иммунитетами в соответствии с действовавшим до принятия УПК законодательством. В этих случаях надлежит руководствоваться ст. 4 Федерального закона от 18 декабря 2001 года № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которая определяет, что в подобном случае приоритет имеет УПК РФ [1].

В соответствии с действующим законодательством любое уголовное дело возбуждается либо по факту совершения деяния с признаками преступления, либо в отношении конкретного лица. В случае возбуждения дела в отношении конкретного лица закон наделяет подозреваемого рядом прав, корреспондирующих соответствующие обязанности стороне обвинения. Регламентируемая в ст. 448 УПК РФ процедура возбуждения уголов-

ного дела в отношении лиц, перечисленных в ч.1 ст. 447 УПК РФ, гораздо сложнее, нежели общий порядок, определенный главой 20 УПК РФ. Особый порядок при возбуждении уголовного дела применяется: при возбуждении уголовного дела в отношении лиц, указанных в ч.1 ст.447 УПК РФ; в случае привлечения данных лиц в качестве обвиняемого по делу, которое возбуждено в отношении другого человека; при привлечении кого-либо из таких лиц в качестве обвиняемого по делу, возбужденному по факту совершения деяния с признаками преступления.

Возбуждению уголовного дела по инициативе прокурора, как правило, предшествует рассмотрение в суде вопроса о наличии в действиях лица, в отношении которого должно быть возбуждено производство по делу признаков преступления.

Если рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении судьи, регламентируемый в п.3,4,5 ч.1 ст.448 УПК РФ, то в данном случае помимо требований указанной статьи необходимо учесть и нормы законодательства о статусе судей. К примеру ч.1 ст.122 Конституции РФ провозглашает неприкосновенность судьи в качестве принципа, исходя из которого решаются вопросы об ответственности судьи. Нормы закона «О статусе судей в Российской Федерации» регулируют вопросы возбуждения уголовного дела в отношении судей, а также заключение под стражу и привод. Обязательным условием в данном случае является заключение судебной коллегии. Но несмотря на указанные обстоятельства, при наличии достаточных оснований судья за допущенные им нарушения законов может быть привлечен к уголовной и другим видам ответственности. При поступлении информации о преступлении, совершенном судьей, должностные лица правоохранительных органов в рамках, предоставленных им законодательством прав проводят проверку по факту совершенного деяния. К тому же в судебном порядке может быть обжаловано и решение об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении судьи, в том случае если затрагиваются права судьи, либо лица пострадавшего от действий судьи.

Процессуальным иммунитетом обладает и Председатель Счетной Палаты РФ. В соответствии Федеральным законом «О счетной палате Российской Федерации» Председатель Счетной Палаты РФ, его заместитель и аудиторы не могут быть задержаны, арестованы, привлечены к уголовной ответственности без согласия той палаты Федерального Собрания, которая назначила их на должность в Счетную Палату.

Сам по себе иммунитет является самостоятельным правовым средством государства, через которое оно предоставляет исключительное право лицам, занимающим особое положение в межгосударственных, государственных и общественных отношениях, не подчиняться некоторым общим законам. Такое отступление от принципа равноправия позволяет включить иммунитет в систему правового неравенства.

Заслуживающей внимания на наш взгляд является позиция А.В. Малько, С.Ю. Суменкова, которые определяют иммунитет как особый вид привилегии, наделяющий своих обладателей единственным, зато весьма значительным преимуществом - правовой неприкосновенностью. Они выделяют ряд признаков объединяющих льготы, привилегии и иммунитеты, а именно:

1) Иммунитеты призваны быть правостимулирующими средствами, побуждающими к определенному поведению и обозначающими положительную правовую мотивацию.

2) Они создают особый юридический режим, позволяют облегчать положение соответствующих субъектов, расширяют возможности по удовлетворению тех или иных интересов.

3) Иммунитеты являются гарантиями социально-полезной деятельности, способствуют осуществлению тех или иных обязанностей.

4) Они являются своеобразными изъятиями, правомерными исключениями, установленными в специальных юридических нормах [3].

На наш взгляд основной целью иммунитета является обеспечение выполнения международных, государственных и общественных функций, служебных обязанностей. Иммунитеты закреплены в нормах международного, конституционного, уголовного, административного и гражданско-процессуального права. Для административного и уголовного судопроизводства характерны жесткие санкции при наступлении ответственности и влекущие ограничение прав и свобод личности процессуальные обязанности. Данное обстоятельство является отступлением от равенства граждан перед законом и судом, закрепленного ч.1 ст.19 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что законодательные нормы, закрепляющие к примеру процессуальный иммунитет депутата затрудняют или делают невозможной процедуру сбора доказательств по делу, возбужденному в отношении наделенного иммунитетом лица. Так, обыск является неотложным следственным действием, проводимым внезапно. Процедура согласования данного вопроса с соответствующей палатой Федерального Собрания занимает несколько дней или недель. Соответственно данное следственное действие теряет смысл. В.И. Руднев предлагает в подобных случаях предусмотреть такую меру как ограничение неприкосновенности, смысл которой будет заключаться в том, что некоторые следственные действия должны производиться без какого-либо согласия [4]. Данная позиция является актуальной и обоснованной. Неоднократно депутаты «Либерально-демократической партии» и «Союза правых сил» высказывались о необходимости ограничения депутатской неприкосновенности. Однако высказывания не нашли поддержки в Государственной Думе РФ.

По нашему мнению в нашем государстве существует огромный круг лиц, пользующихся иммунитетом от уголовного преследования. Неприкосновенность создает основу для неприкасаемости отдельных лиц, зачас-

тую с криминальным прошлым, а подчас и настоящим. Ю.А. Цветков указывает, что борьба с преступностью, особенно с ее коррупционными и организованными формами, встречает в России самое изощренное и эффективное противодействие. Одним из объективных факторов, существенно осложняющих эту борьбу, является несовершенство правовой системы, которое умело используется в своих интересах представителями криминальных структур. Наибольшей привлекательностью для них обладает институт иммунитетов от уголовного преследования, который в силу своей неудачной законодательной конструкции ставит под сомнение воплощение фундаментальной идеи-равенства граждан перед законом и судом [5]. Неприкосновенность отдельных категорий лиц-один из основных элементов их статуса, правовая гарантия их деятельности. Она не является личной привилегией, а имеет публичный характер и должна служить публичным интересам, способствуя их беспрепятственной деятельности, самостоятельности и независимости. Называть институт иммунитета полностью справедливым, мы полагаем, нельзя. Конечно законодатель серьезно защитил от уголовного преследования огромное число людей, чем создал дополнительные условия для подкупа и ухода от ответственности высокопоставленных чиновников.

Главная проблема правового иммунитета заключается в том, что он служит гарантией того, что лицо им обладающее будет защищено от необоснованного уголовного или административного преследования. Эта функция является главной-обеспечительной. Правовой иммунитет обеспечивает безопасность, независимость и беспристрастность лиц им обладающих: депутатов, Президента, Генерального прокурора, судей и пр.

Однако необходимо отметить, что преграды для привлечения чиновников к ответственности делают зачастую невозможным объективное расследование, что нарушает принцип неотвратимости ответственности и не способствует уважительном отношению к закону и власти среди населения.

Как справедливо заметил в отмеченной выше нами статье «Как победить иммунитет от уголовной ответственности» В.В. Голубев, что в нашей стране информация о том, что где-то за нарушение правил дорожного движения могут остановить машину члена королевской фамилии, а Президента вышедшего в отставку привлекают к уголовной ответственности, воспринимается людьми как нечто диковинное. В России подобного не бывало. Напротив, из года в год расширяются ряды тех, кого привлечь к ответственности, тем более уголовной не просто сложно, а практически невозможно. Однако безоговорочно отвергать доводы о необходимости в некоторых случаях предоставлять дополнительные гарантии от необоснованного применения мер процессуального принуждения [6].

В результате напрашивается вывод, что необходимым и важным условием является установление границы необходимости защиты лиц, обла-

дающих иммунитетом и выполняющих государственные функции и беззаконием и безнаказанностью этих лиц в случае совершения с их стороны правонарушений и преступлений.

Литература:

1. Голубев, В.В. Как побороть иммунитет от уголовной ответственности / В.В. голубев // Законодательство, 2002. - №9.
2. О Счетной палате Российской Федерации: федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 27.10.2015) // Справочно-правовая система Консультант Плюс. (Дата обращения 12.01. 2016)
3. Малько, А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты / А.В. Малько, С.Ю. Суменков // Журнал российского права, 2002. - №2.
4. Руднев, В.И. Иммунитеты от уголовного преследования / В.И. Руднев // Журнал российского права, 1998. - №7.
5. Цветков, Ю.А. Иммунитет от уголовного преследования в Российском праве / Ю.А. Цветков // Справочно-правовая система Консультант Плюс. (Дата обращения 12.01. 2016)
6. Лифанова, Л.Г. Институт возбуждения уголовного дела развивается циклично / Л.Г. Лифанова // Юбилейный сборник научных статей. Ставропольский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС. – Ставрополь: Издательство-информационный центр «Фабула», 2013.

Пилякин М. И.,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Московского областного филиала Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
(г. Руза Московской области)

ПРИРОДА ИНСТИТУТА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ

Статья 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), определяя общие признаки преступления, устанавливает, что преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Однако в ч. 2 ст. 14 УК РФ делается оговорка, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного и запрещенного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности [1]. Анализ судебной и следственной практики показывает, что признание действий лиц, совершающих преступления, относящиеся к категории незаконного оборота огнестрельного оружия и боеприпасов, малозначительными далеко не редки. Возникает вопрос, насколько обоснованно и законно применять к преступлениям рассматриваемой категории понятие малозначительности. Для его разрешения рассмотрим несколько примеров из судебной практики.

По приговору Аскизского районного суда Республики Хакасия от 3 августа 2009 года С.В. Зубков был признан виновным в том, что 28 марта 2009 года в здании старых очистных сооружений он нашел один патрон калибра 7,62 x 39 мм, который, по заключению эксперта, является боеприпасом к нарезному охотничьему огнестрельному оружию, принес его домой и незаконно хранил в квартире. Указанный патрон был обнаружен и изъят 6 апреля 2009 года во время обыска.

Однако Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 55-Д10-23 от 10 февраля 2011 года приговор осужденному С.В. Зубкову был отменен [4]. В своем решении Верховный Суд указал, что, признавая С.В. Зубкова виновным в незаконном приобретении и хранении боеприпаса – единичного патрона калибра 7,62 мм, Аскизский районный суд не дал оценки тому обстоятельству, что осужденный никакого оружия не имел, приобрел (нашел) патрон случайно и при этом не придавал никакого значения его нахождению (хранению) в своей квартире. Кроме того, как указала судебная коллегия, Аскизский районный суд в приговоре не привел данных, свидетельствующих о том, что С.В. Зубков

своими действиями причинил вред или создал угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. Поэтому в Определении указано, что в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ деяние С.В. Зубкова, хотя формально и содержащее признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст. 222 УК РФ, в силу малозначительности не представляет общественной опасности. Следовательно, при таких обстоятельствах приговор суда подлежит отмене.

Необходимо отметить, что, рассмотрев вышеописанный пример, автор не согласился с позицией Верховного Суда. Ведь используемое Судом понятие «случайного приобретения» не существует. Так, в Постановлении Пленума от 12 марта 2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» обозначено, что под незаконным приобретением боеприпасов следует понимать их покупку, получение в дар или в уплату долга, в обмен на товары и вещи, присвоение найденного. Кроме того, Верховный Суд, отменяя обвинительный приговор Аскизского районного суда, указывает, что осужденный С.В. Зубков не придавал значения нахождению найденного патрона в квартире. Однако согласно позиции Верховного Суда, изложенной в том же Пленуме, под незаконным хранением боеприпасов (патронов) следует понимать сокрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность [2]. Следуя логике, а также юридическому составу преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ, необходимо отметить, что и незаконное приобретение, и незаконное хранение определяются только умышленной формой вины. Поэтому ошибочно считать, что С.В. Зубков приобрел (нашел) патрон случайно и при этом не придавал никакого значения его нахождению (хранению) в своей квартире.

Приведем еще один не менее интересный пример, где, как считает автор, ошибочно определены в действиях лица, совершившего преступление, относящееся к незаконному обороту огнестрельного оружия и боеприпасов, признаки малозначительности.

Суд Коми-Пермяцкого автономного округа 29 октября 2004 года вынес обвинительный приговор в отношении гражданина Н.К. Князева. Он был признан виновным в том, что умышленно причинил смерть гражданину Б., посягал на жизнь сотрудников правоохранительных органов с целью воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и совершил хищение огнестрельного оружия. Так, 12 апреля 2004 года Н.К. Князев, вооружившись охотничьим ружьем, пришел к зданию больницы и произвел выстрел в выходящих из помещения больницы сотрудников милиции Б. и П., при этом причинил Б. слепое дробовое огнестрельное ранение живота, груди, множественные сквозные дробовые ранения внутренних жизненно важных органов. Узнав, что потерпевшие являются сотрудниками милиции, Н.К. Князев умышленно, с целью воспрепятствования их законной дея-

тельности, произвел в сторону Б. и П. еще несколько выстрелов, после чего похитил у потерявшего сознание милиционера Б. огнестрельное оружие – табельный пистолет. Для задержания Н.К. Князева к больнице прибыли еще двое сотрудников милиции К. и Н., они предупредили Н.К. Князева о том, что являются сотрудниками милиции и потребовали от него сдаться и сложить оружие. После чего последний направил на них охотничье ружье и произвел выстрел в их сторону, причинив дробовое ранение Н. в область голени.

Следствием было установлено, что Н.К. Князев хорошо владел навыками стрельбы, занимался охотой, в период прохождения службы в армии был снайпером, что подтверждается данными из его военного билета и показаниями родственников.

Оценив все доказательства по делу в их совокупности, суд обоснованно пришел к выводу, что Н.К. Князев, производя прицельный выстрел в потерпевшего милиционера Б. (от которых потерпевший скончался через несколько дней в больнице), полностью сознавал общественно опасный характер своих действий и желал наступления тяжких последствий – смерти потерпевшего. Также Н.К. Князев, производя выстрелы в сторону сотрудников милиции из ружья, совершил посягательство на жизнь сотрудников милиции с целью воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Общественная опасность содеянного Н.К. Князевым деяния была подтверждена показаниями как самого подсудимого, так и допрошенных в качестве свидетелей работников милиции К., Б., Г. и показаниями свидетелей П., А., К., К. и Л.

Также из протокола осмотра места происшествия установлено, что на месте преступления обнаружены и изъяты охотничье ружье и стреляные гильзы, а у самого осужденного изъяты четыре патрона к охотничьему ружью 16 калибра и один патрон калибра 7,62 мм. Кроме того, в ходе личного досмотра задержанного Н.К. Князева из голенища его обуви изъяли табельный пистолет, закрепленный за сотрудником милиции Б.

В итоге Суд Коми-Пермяцкого автономного округа 29 октября 2004 года вынес обвинительный приговор в отношении гражданина Н.К. Князева по ч. 1 ст. 105 УК РФ, ст. 317 УК РФ, ч. 1 ст. 226 УК РФ, ч. 1 ст. 222 УК РФ. Однако Кассационным определением от 28 февраля 2005 № 76-004-12 Верховный Суд отменил обвинительный приговор Коми-Пермяцкого автономного округа в отношении Н.К. Князева в той его части, где ему было назначено наказание по ч. 1 ст. 222 УК РФ[3]. Суд указал, что у осужденного был изъят всего один патрон калибра 7,62 мм, который он незаконно перевозил, хранил и носил в кармане одежды. Поэтому, по мнению судебной коллегии, раз деяния Н.К. Князева не повлекли существенный вред объекту, охраняемому уголовным законом, или угрозу причинения такого

вреда, то они в силу малозначительности не представляют большой общественной опасности и поэтому не рассматриваются в качестве преступлений. Далее судебная коллегия указала, что, так как действия Н.К. Князева признаны малозначительными, приговор в части осуждения его по ст. 222 ч. 1 УК РФ следует отменить с прекращением производства за отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Бесспорно, данный пример намного сложнее и многограннее, приведенного автором выше (в отношении дела гражданина С.В. Зубкова). Дело Н.К. Князева более детально и остро отражает проблему определения малозначительности деяния применительно к незаконному обороту огнестрельного оружия и боеприпасов ввиду тяжести совокупности совершенных преступлений.

Автору сложно согласиться с решением Верховного Суда об отмене части обвинительного приговора в отношении Н.К. Князева по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Обоснование Суда об отсутствии в действиях Н.К. Князева деяний, причиняющих вред охраняемому объекту, сомнительно, т.к. речь идет о трех самостоятельных преступлениях; незаконном хранении, незаконной перевозке и незаконном ношении, которые являются самостоятельными эпизодами преступной деятельности осужденного. Что же касается указания Суда на то, что предметом преступления является всего лишь один патрон, то практика прекращения уголовного дела по названному основанию также сомнительна. Так ст. 222 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за сам факт незаконных действий, предметом посягательства которых является боеприпасы без указания минимального их количества как на квалифицирующий признак. Наконец, доказанный факт незаконного оборота боеприпаса признан как подсудимым Н.К. Князевым, так и доказан в ходе судебного заседания Коми-Пермяцкого автономного округа. Кроме того факт преступной деятельности Н.К. Князева также подтвержден в Кассационном определении коллегией Верховного Суда. Однако в описательной части данного Определения указывается, что в связи с признанием действий Н.К. Князева малозначительными приговор в части осуждения его по ч. 1 ст. 222 УК РФ следует отменить с прекращением производства за отсутствием в деянии состава преступления на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ). Данное решение Суда также вызывает сомнение, т.к. уголовное дело согласно указанной норме УПК РФ должно быть прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления, которое сам суд уже признал как факт установленный и доказанный.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Д.И. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что институт малозначительности позволяет отграничить пре-

ступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости[5]. Данный принцип означает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ. Этим при оценке степени общественной опасности деяния, не исключается учет значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства. Суд делает вывод, что лицо, совершившее малозначительное деяние, не подлежит уголовной ответственности, но при наличии к тому оснований может быть привлечено к другому виду юридической ответственности (например административной, дисциплинарной).

Учитывая позицию Конституционного Суда, изложенную в названном Определении, автор приходит к выводу, что незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия и боеприпасов являются самостоятельными преступлениями. Хищение перечисленных предметов и их последующие ношение, хранение или сбыт образуют реальную совокупность преступлений с повышенной общественной опасностью. Следовательно, совершение любого из перечисленных выше действий предметом посягательства которых являются единичный боеприпас или образец огнестрельного оружия не может быть признано малозначительным. Лицу, совершившему рассматриваемые виды преступлений, должна быть выбрана любая из предусмотренных УК РФ мер наказания с учетом обстоятельств, обозначенных выше Конституционным Судом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, - № 25. - ст. 2954.

2. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 (ред. от 03.12.2013) // Российская газета. - № 48, 19.03.2002.

3. Производство по делу об убийстве в части осуждения по ч. 1 ст. 222 УК РФ прекращено, так как материалы дела свидетельствуют об отсутствии состава преступления: определение Верховного Суда РФ от 28.02.2005 № 76-004-12.. Документ опубликован не был.

4. Приговор по делу о незаконном приобретении и хранении боеприпасов отменен, поскольку в деянии отсутствует состав преступления: определение Верховного Суда РФ от 10.02.2011 № 55-Д10-23. Документ опубликован не был.

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О. Документ опубликован не был.

Пляс Д. Г.,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
(г. Владивосток)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЕКСУАЛЬНУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Говоря о предпосылках принятия и закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации ст. 240.1 устанавливающей уголовно-правовой запрет на получение сексуальных услуг лиц в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, следует обратиться к истории развития российского уголовного законодательства, по борьбе с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних. В частности необходимо рассмотреть, каким образом регламентировалась уголовная ответственность за данные преступные деяния в уголовном законодательстве советского периода.

Поскольку объектом преступного посягательства при получении сексуальных услуг несовершеннолетнего, в первую очередь выступают общественные отношения в области общественной морали и нравственности, а во-вторых, указанная норма направлена на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних, следует провести анализ уголовно-правовых норм РСФСР, устанавливающих ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и преступления против общественной нравственности.

После Великой октябрьской революции 1917 г., в первые годы правления советской власти и до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних рассматривались только в рамках изнасилования, что связано с политической обстановкой в стране и сосредоточения внимания на других видах преступлений.

Вступивший в силу 1 июня 1922 года Уголовный кодекс РСФСР обозначил уголовную ответственность за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних. В главе 4, которая была обозначена как «Преступления в области половых отношений» были закреплены следующие статьи: ст. 166 «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости», ст. 167 «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворением половой страсти в извращенных формах», ст. 168 «Развращение малолетних или несовершеннолетних совершенное путем развратных действий в отношении их», ст. 170 «При-

нуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия» [1].

Из анализа диспозиций данных уголовно-правовых норм следует, что законодатель установил уголовную ответственность как за насильственные преступные посягательства на половую свободу несовершеннолетних, так и за посягательства не сопряженные с применением насилия к таковым. Следует обратить внимание на то, что потерпевшими по данным категориями преступлений выступали лица, не достигшие половой зрелости как мужского, так и женского пола.

Примечательно и то, что законодатель поместил в указанную главу норму об ответственности за принуждение к занятию проституцией. Также отметим, что в указанной статье не был определен возраст лиц, принуждаемых к занятию проституцией. Из чего следует вывод, что, во-первых, в рассматриваемый период времени объектом указанного преступления выступали общественные отношения, охраняющие половую неприкосновенность личности, и не затрагивающие нормы общественной нравственности. Во-вторых, ответственность наступала как за принуждение к занятию проституцией лиц достигших совершеннолетия, так и несовершеннолетних.

Принятый в 1926 г. и вступивший в силу с 1 января 1927 г. Уголовный кодекс РСФСР не внес существенных изменений в уголовно-правовые нормы касающиеся борьбы с сексуальной эксплуатацией детей.

Глава VI указанного закона была обозначена следующим образом «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» и включала следующие статьи, направленные на защиту половой свободы несовершеннолетних: ст. 151 «Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанныхотягчающих признаков», ст. 152 «Развращение малолетних или несовершеннолетних совершенное путем развратных действий в отношении их», ст. 155 «Принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции» [2].

Последующий отечественный уголовный закон, которым выступил принятый в 1960 г. и вступивший в силу с 1 января 1961 г. впервые закрепил нормы, связанные с преступными сексуальными посягательствами на несовершеннолетних, в две разные главы. Тем самым поделив их по объектам преступных посягательств.

Глава третья, именуемая «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» включала ст. 119 «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости». Объектом уголовно-правовой охраны в данном случае выступали общественные отношения, в области

охраны половой свободы лиц, не достигших половой зрелости и такие неотъемлемые блага как здоровье и нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетних [3].

Глава десятая «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» включала ст. 210 «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность». В диспозиции статьи было указано на привлечение к уголовной ответственности за «вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в занятие попрошайничеством, проституцией...» [3]. Объектом указанного преступления выступали отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. А также она впервые установила уголовную ответственность за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетнего. То есть четко была определена категория потерпевших от указанного преступного деяния. Им стало лицо, не достигшее совершеннолетнего возраста. Что не было указано в статьях, регламентирующих ответственность за вовлечение в занятие проституцией, в предыдущих уголовных кодексах РСФСР.

Из проведенного анализа уголовно-правовых норм РСФСР, касающихся защиты несовершеннолетних от преступлений сексуального характера следует: во-первых, что в более ранних источниках советского уголовного законодательства, объект преступного посягательства был определен, как общественные отношения в области жизни, здоровья и достоинства личности. И вовлечение в занятие проституцией косвенно посягало на нормы общественной морали и нравственности, но в первую очередь, охраняло достоинство личности. На что было прямое указание в законе.

Во-вторых, следует обратить внимание на тот факт, что потерпевшим от исследуемых преступлений могли быть как малолетние, так и несовершеннолетние лица. И лица как мужского, так и женского пола.

В последующем, с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. законодатель постарался отграничить преступления в области сексуальных посягательств на несовершеннолетних, поделив их по объектам уголовно-правовой охраны, на преступления, посягающие на здоровье детей и преступления, затрагивающие отношения общественного порядка и здоровья не конкретной личности, а населения. Таким образом, вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего причиняло вред нормальному психическому развитию несовершеннолетних, и как следствие развитию нормального и здорового советского общества.

Несмотря на то, что норма, регламентирующая ответственность конкретно за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, впервые была закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г., с целью устранения пробела в российском законодательстве, при наличии которого, получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, в выше указанном возрасте, не влекло

уголовной ответственности, однако предпосылки установления уголовной ответственности были обозначены в советском уголовном законодательстве.

В частности, на данный момент использование сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет регламентировано ст. 134 УК РФ «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». А уголовная ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет регламентирована ст. 240.1 «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего».

Однако в уголовном законодательстве советского периода, в виду отсутствия определения конкретного возраста потерпевшего, ответственность за данные преступные деяния регламентировалось статьями, предусматривающими ответственность за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости. Из чего следует, что законодатель, в указанный период времени, ограждал несовершеннолетних от преступных посягательств сексуального характера.

Литература:

1. Уголовный кодекс РСФСР от 1 июня 1922 г. Введен в действие Постановлением ВЦИК от 01.06.1922 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm (дата обращения 21.04.2015 г.).
2. Уголовный кодекс РСФСР от 1 января 1927 г. Введен в действие Постановлением ВЦИК от 22.11.1926 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения 21.04.2015 г.).
3. Уголовный кодекс РСФСР от 1 января 1961 г. Введен в действие Законом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 26.10.1960 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5602.htm (дата обращения 21.04.2015 г.).

Попов В. А.,
аспирант кафедры уголовного процесса и
криминалистики юридического факультета
Оренбургского государственного университета
(г. Оренбург)

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

Деятельность, связанная с применением любых норм права, а особенно норм уголовно-процессуального законодательства, связана как с правами участвующих лиц, так и с ограничением данных прав и ответственностью за нарушение ограничений. Ч.2 ст.29 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, закрепляет следующую норму «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Ограничение прав и законных интересов лиц, в соответствии с ч.3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, допускается на основании федерального закона только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Речь в рассмотренной конституционной норме идет о широком спектре ситуаций, при которых допускается ограничение прав и законных интересов лиц: режим чрезвычайного положения, режим военного положения, ограничения прав и законных интересов лиц, связанные с ликвидацией последствий аварий и катастроф, стихийных бедствий, связанные с производством по уголовному делу и т.д. Именно исходя из данных положений и необходимо исходить при рассмотрении проблем, связанных с пресечением злоупотребления правом в уголовном процессе.

Термин «злоупотребление» расшифровывается как «проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей» [1]. Следовательно, само по себе такое действие незаконным не является, но преследует цели, отличные от целей, закрепленных в законе для полномочий участника уголовного судопроизводства.

Не вызывает сомнения тот факт, что лицам, в отношении которых производится то или иное уголовно-процессуальное действие, должен быть предоставлен самый широкий перечень прав как на досудебной стадии уголовного судопроизводства, так и в судебном заседании, при этом у

данных лиц должны иметься так же и все необходимые механизмы по реализации данных прав. Однако положение ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, гласящей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, представляется актуальным и в вопросе о пределе осуществления уголовно-процессуальных прав и законных интересов [2]. Исходя из этого должностные лица и органы, осуществляющие уголовное преследование, наделены не только правами по охране и защите прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, но и обладают полномочиями по ограничению конституционных прав данных лиц.

В различного рода публицистических и научных статьях очень часто рассматривается вопрос о злоупотреблении должностными лицами как на досудебной, так и на судебной стадии уголовного процесса своими правами, при этом практически не уделяется внимание противоположной проблеме – злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, при этом имеются многочисленные факты подобного, что так же неоднократно отмечалось судами. Например, В кассационном определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия от 12 марта 2008 г. по уголовному делу в отношении осужденного С. было указано, что «в ходе судебного разбирательства подсудимый С., злоупотребляя предоставленным ему уголовно-процессуальным законом правом на защиту, имея цель неоправданно затянуть ход судебного следствия, избежать уголовной ответственности, неоднократно, без указания мотивов отказывался от услуг соглашения с другими адвокатами, затем отказывался от их услуг и вновь заключал соглашения с новыми защитниками либо с защитниками, от услуг защиты которых ранее отказался» [3]. Таким образом, одной из главных целей развития уголовно-процессуального законодательства является достижение наиболее компромиссного сочетания прав и обязанностей стороны обвинения и иных сторон уголовного процесса.

В целях обеспечения такого баланса прав участников уголовного судопроизводства, при котором наличие прав и способов их применения не препятствовали охране прав личности, а так же раскрытию и расследованию преступлений необходимо обратиться к термину «злоупотребление правом», который широко применяется в гражданском законодательстве и закреплен в ст.10 ГК РФ, однако в уголовном судопроизводстве такого термина нет, хотя и здесь данная норма вполне применима. Как уже указывалось злоупотребление правом ставит перед собой цель создать препятствие в реализации иными участниками судопроизводства своих прав и законных интересов, при этом в действиях лица отсутствует состав конкретного преступления или правонарушения. При этом следует согласиться с рядом авторов [4,5], заявляющих о существовании категории «злоупотребление правом» в уголовном процессе, в связи с тем, что имеют место мно-

гочисленные случаи злоупотребления правом при подаче и рассмотрении гражданского иска в уголовного судопроизводства, а так же злоупотребление имеющимися процессуальными правами характерно для взаимоотношений между участниками уголовно-процессуальных отношений.

Так же возвращаясь к балансу процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства необходимо дополнительно подчеркнуть, что УПК РФ частично содержит нормы о пределах применения своих прав, но данные положения касаются только деятельности следователя или дознавателя на стадии предварительного расследования. Например, ч.6 ст.182 УПК РФ закрепляет право при производстве обыска вскрывать любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества. Таким образом, законодатель ограничил пределы выбора стороной обвинения способов реализации своих прав. В качестве гарантии соблюдения данной нормы в уголовном законе имеется норма об ответственности должностных лиц за превышение и злоупотребление своих должностных полномочий. Однако аналогичной нормы, касающейся злоупотребления своим правом со стороны потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника, законного представителя, гражданского истца, представителя и т.д. УПК РФ не содержит, хотя случаи злоупотребления правом указанными участниками уголовного судопроизводства не редки, а действия, направленные на затягивание предварительного следствия, стадии ознакомления с материалами уголовного дела, повторное, неоднократно, ничем не обоснованное заявление одних и тех же ходатайств имеют повсеместное проявление.

Все это подтверждает то обстоятельство, что в настоящее время в уголовном судопроизводстве имеется перевес правомочий в сторону участников со стороны защиты, что не только препятствует полноценному расследованию уголовного дела и привлечению к ответственности виновных лиц, но и ущемляет права потерпевших в уголовном законе, что так же недопустимо. В качестве выхода из сложившейся ситуации возможно закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве нормы, согласно которой все участники уголовного судопроизводства получают право отстаивать и применять свои процессуальные права любым незапрещенным законом способом. Лаконичность вносимой в закон нормы позволит избежать различных необоснованных её ограничений со стороны государственных органов, а так же позволит шире применять основополагающие принципы права при разрешении конкретного дела, что, в свою очередь, сделает закон более гибким и приспособленным под непосредственное правоприменение [6]. При этом в целях совершенствования юридической техники документа конкретные правила осуществления своих полномочий и ответственность за их нарушение может быть внесена в целый ряд нормативно-правовых актов: КоАП РФ, УК РФ, ФЗ «Об адвокатской деятель-

ности и адвокатуры в Российской Федерации» и т.д. Указанную норму в УПК РФ необходимо разместить в главе 2, чтобы подчеркнуть всеобщность данного положения и его отнесение ко всем участникам уголовного судопроизводства. Так же в связи с установлением данной нормы положение о праве на осуществление своих прав любым не запрещенным законом способом возможно будет исключить и ст. ст. 46, 47, 53 УПК РФ, что еще раз подчеркнет возможность применения различных способов защиты и осуществления своих прав всеми участниками уголовного судопроизводства свободно. В конечном итоге должен выработаться механизм, обеспечивающий полноценную реализацию прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Все это положительно скажется на развитии уголовного судопроизводства, поскольку юридически будут закреплены отношения, имеющиеся на сегодняшний день фактически, усовершенствуется институт прав и свобод участников уголовного судопроизводства и порядок реализации прав.

Литература:

1. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю.Шведовой.—20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. - с.159.
2. Парфенов, В.Н. Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами / В.Н. Парфенов // Российский следователь, 2014. - № 7. - С. 23.
3. Калинкина, Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Калинкина // Адвокат, 2010. - № 4. - С. 7.
4. Парфенов, В.Н. Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами / В.Н. Парфенов // Российский следователь, 2014. - № 7. - С. 23 - 26.
5. Калинкина, Л.Д. К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве / Л.Д. Калинкина // Адвокат, 2010. - № 4. - С. 5 - 9.
6. Попов, В.А. Понятие и природа правового усмотрения участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения / В.А. Попов // Ученые записки. Выпуск 11. Развитие юридической науки как фактор совершенствования правоприменения: сборник научных трудов / под ред. О.А. Ковалёвой. Оренбург: Руссервис, 2015. - с.173;

Потудинский В. П.,
доцент кафедры криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Ставрополь)

**О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ ДОПОЛНЕНИЙ К
МЕТОДИКЕ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
РУКОПИСЕЙ И ПОДПИСЕЙ, С УЧЕТОМ СПЕЦИФИЧЕСКИХ
БУКВ, ИХ СОЧЕТАНИЙ И КОМБИНАЦИЙ, ИМЕЮЩИХСЯ В
АЛФАВИТАХ РЕСПУБЛИК СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА, ПИСЬМЕННОСТЬ КОТОРЫХ
ОСНОВАНА НА КИРИЛЛИЦЕ**

Изучение судебной, следственной и экспертной практики показывает, что при осуществлении оперативно-разыскной и следственной деятельности, направленной на выявление, пресечение, раскрытие и расследование различных видов преступлений в Северо-Кавказском регионе, в качестве одного из источников информации об обстоятельствах совершения преступления нередко фигурируют рукописные записи и подписи, выполненные как на русском языке, так и на языках народов республик, входящих в состав СКФО, а так как лица, подозреваемые в данных преступлениях, нередко являются представителями различных национальностей этих республик, то возникает необходимость совершенствования методики исследования рукописей и подписей, с учетом специфических букв, их сочетаний и комбинаций, имеющихсся в алфавитах коренных народов, как данного региона, так и других регионов России, письменность которых основана на кириллице (кириллица - одна из старославянских азбук, легшая в основу русского и некоторых других славянских алфавитов [16, с. 352]).

Начало создания методик исследования рукописей, выполненных на языках разных народов, было положено еще в 1960-70-е гг. Р.А. Алимовой, В.Н. Беловым, В.Н. Быковым, А.Ф. Волынским, Е.Е. Ершевым, Н.И. Клименко, О.М. Мгеладзе, Л.П. Оганян, Б.И. Пинхасовым, Ф.Т. Тархановой, М.З. Эфендиевым [2; 4, с. 57-62; 5, с. 49-61; 7, с. 48-58; 9; 10, с. 103-110; 12; 13; 15; 20], продолжено Э.П. Молоковым, Л.А. Рычкаловой, К.К. Сейтеновым, Т.Г. Шаовой [14, с. 593-698; 18; 19, с. 86-88] и другими учеными-криминалистами.

В настоящее время существуют методики исследования рукописей, выполненных на украинском, белорусском, узбекском, казахском, азербайджанском, киргизском, таджикском, туркменском, грузинском, армянском, литовском, латышском, каракалпакском, абхазском [1; 3; 12] и других языках, имеются специальные публикации по криминалистическому исследованию рукописных текстов, выполненных на адыгейском языке

[17, с. 116-117] и языках народов Дагестана [8, с. 33-37; 22, с. 77-81]. О языках Кавказа историк Иоганн Бларамберг еще в 1834 г. писал: «Было бы очень интересно узнать истоки происхождения, формирования и смешения этих разных языков Но для достижения этой цели необходимо сначала узнать все языки, на которых говорят на Кавказе [6, с. 42]».

В настоящее время на Северном Кавказе проживает свыше пятидесяти народов, говорящих на языках трех лингвистических семей [21, с. 7]: иберийско-кавказской (кавказские (иберийско-кавказские) языки – совокупность около сорока автохтонных, т.е. неиндоевропейских, нетюркских и несемитских языков Кавказа [11, с. 10]), индоевропейской и алтайской.

В состав Северо-Кавказского федерального округа входят кроме Ставропольского края шесть самостоятельных республик: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания и Чеченская Республика.

К письменным языкам этих республик, кроме русского языка, относятся:

- в Республике Дагестан: аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки;
- в Республике Ингушетия: ингушский язык;
- в Кабардино-Балкарской Республике: кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки;
- в Карачаево-Черкесской Республике: абазинский, карачаево-балкарский, ногайский и кабардино-черкесский языки;
- в Республике Северная Осетия-Алания: осетинский язык;
- Чеченской Республике: чеченский язык.

И хотя при почерковедческом исследовании рукописей и подписей, выполненных на письменных языках данных республик, с целью установления их исполнителей, принципиально не отличается от исследования таких же объектов, выполненных на русском языке, так как большинство букв в алфавитах этих республик аналогичны по графике русской письменности, поэтому в данном случае экспертами-почерковедами применяется действующая методика производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, но, в то же время, при исследовании рукописных текстов и подписей, выполненных на письменных языках вышеуказанных республик, выявляются дополнительные признаки письменной речи и почерка, обусловленные особенностями языков данных республик, наличием специфических букв и их сочетаний с русскими буквами, а также комбинаций русских букв, выражающих специфические фонетические особенности языков республик, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа, неизвестные русскому языку, а при определенных обстоятельствах эти особенности могут быть ис-

пользованы не только при проведении почерковедческих исследований, но и для розыскных целей, в частности, для установления этнической принадлежности исполнителя рукописи или подписи, место его жительства или местность, распространение определенного диалекта или говора и т.п.

В алфавитах рассматриваемых нами языков имеются комбинации букв на основе кириллицы, специфические буквы и их сочетания, состоящие из 2-х, 3-х и 4-х знаков, не встречающихся в русском языке:

п/п	Письменные языки республик СКФО
1.	В абазинском языке – двадцать шесть двухбуквенных сочетаний: Гв гв, Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Дж дж, Дз дз, Жв жв, Жь жь, Кв кв, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, Ль ль, ПІ пІ, Тл тл, Тш тш, ТІ тІ, Хв хв, Хъ хъ, Хь хь, ХІ хІ, ЦІ цІ, Чв чв, ЧІ чІ, Шв шв, ШІ шІ, двенадцать трехбуквенных сочетаний: Гъв гъв, Гьв гьв, ГІв гІв, Джв джв, Джь джь, Къв къв, Кьв кьв, КІв кІв, КІъ кІъ, Хъв хъв, ХІв хІв, ЧІв чІв, одна специфическая буква «І» и тринадцать сочетаний с ней.
2.	В аварском языке – тринадцать двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, Ль ль, ТІ тІ, Хъ хъ, Хь хь, ХІ хІ, ЦІ цІ, ЧІ чІ, одна специфическая буква «І» и шесть сочетаний с ней.
3.	В агульском языке – девятнадцать двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Дж дж, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, Кк кк, Пп пп, ПІ пІ, Тт тт, ТІ тІ, Уь уь, Хъ хъ, Хь хь, ХІ хІ, ЦІ цІ, Чч чч, ЧІ чІ, одна специфическая буква «І» и семь сочетаний с ней.
4.	В азербайджанском языке – восемь специфических букв «Ғ ғ», «Һ һ», «Ә ә», «Ј ј», «К к», «Ө ө», «Ү ү», «Ч ч».
5.	В даргинском языке – тринадцать двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, ПІ пІ, ТІ тІ, Хъ хъ, Хь хь, ХІ хІ, ЦІ цІ, ЧІ чІ, одна специфическая буква «І» и семь сочетаний с ней.
6.	В ингушском языке – двенадцать двухбуквенных сочетаний: Аь аь, ГІ гІ, Кх кх, Къ къ, КІ кІ, ПІ пІ, ТІ тІ, Хъ хъ, ХІ хІ, ЦІ цІ, ЧІ чІ, Яь яь, одна специфическая буква «І» и семь сочетаний с ней.
7.	В кабардино-черкесском языке – девятнадцать двухбуквенных сочетаний: Гу гу, Гъ гъ, Дж дж, Дз дз, Жь жь, Ку ку, Къ къ, КІ кІ, Ль ль, ЛІ лІ, ПІ пІ, ТІ тІ, ФІ фІ, Ху ху, Хъ хъ, Хь хь, ЦІ цІ, ЩІ щІ, Іу Іу, пять трехбуквенных сочетаний: Гъу гъу, Кхъ кхъ, Къу къу, КІу кІу, Хъу хъу, одно четырехбуквенное сочетание: Кхъу кхъу, одна специфическая буква «І І» и девять сочетаний с ней.
8.	В карачаево-балкарском языке – пять двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Дж дж, Къ къ, Нг нг, Нь нь и две специфические буквы «ѐ», «ѐ».
9.	В кумыкском языке – шесть двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, Къ къ, Нг нг, Оь оь, Уь уь.

10.	В лакском языке – двадцать одно двухбуквенное сочетание: Аь аь, Гъ гъ, Гь гь, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, Кк кк, Оь оь, Пп пп, ПІ пІ, Сс сс, Тт тт, ТІ тІ, Хх хх, Хь хь, Хь хь, ХІ хІ, Цц цц, ЦІ цІ, Чч чч, ЧІ чІ, одно четырехбуквенное сочетание: Хьхь хьхь, одна специфическая буква «І» и шесть сочетаний с ней.
11.	В лезгинском языке – одиннадцать двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, ПІ пІ, ТІ тІ, Хь хь, Хь хь, ЦІ цІ, ЧІ чІ, одна специфическая буква «І» и пять сочетаний с ней.
12.	В ногойском языке – четыре двухбуквенные сочетания: Аь аь, Нь нь, Оь оь, Уь уь.
13.	В осетинском языке – девять двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Дж дж, Дз дз, Къ къ, Пь пь, Тъ ть, Хь хь, Ць ць, Чь чь и одна специфическая буква «Æ æ».
14.	В рутульском языке – восемнадцать двухбуквенных сочетаний: АІ аІ, Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Дж дж, Дз дз, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, ПІ пІ, ТІ тІ, Уь уь, УІ уІ, Хь хь, Хь хь, ЦІ цІ, ЧІ чІ, ЫІ ыІ, одна специфическая буква «І» и девять сочетаний с ней.
15.	В табасаранском языке – тринадцать двухбуквенных сочетаний: Аь аь, Гъ гъ, Гь гь, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, ПІ пІ, ТІ тІ, Уь уь, Хь хь, Хь хь, ЦІ цІ, ЧІ чІ, одна специфическая буква «І» и пять сочетаний с ней.
16.	В татском языке – пять двухбуквенных сочетаний: Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Уь уь, Хь хь, одна специфическая буква «І» и одно сочетание с ней.
17.	В цахурском языке – семнадцать двухбуквенных сочетаний: АІ аІ, Гъ гъ, Гь гь, ГІ гІ, Дж дж, Къ къ, Кь кь, КІ кІ, ОІ оІ, ПІ пІ, ТІ тІ, УІ уІ, Хь хь, Хь хь, ЦІ цІ, ЧІ чІ, ЫІ ыІ, одна специфическая буква «І» и десять сочетаний с ней.
18.	В чеченском языке – пятнадцать двухбуквенных сочетаний: Аь аь, ГІ гІ, Кх кх, Къ къ, КІ кІ, Оь оь, ПІ пІ, ТІ тІ, Уь уь, Хь хь, ХІ хІ, ЦІ цІ, ЧІ чІ, Юь юь, Яь яь, одна специфическая буква «І» и семь сочетаний с ней.

Суммируя вышеуказанное количество комбинаций букв на основе кириллицы, специфических букв и их сочетаний, неизвестных русскому языку, их получилось почти сто вариантов (с учетом полученных данных, нами была составлена таблица), а ведь данные варианты не охвачены методикой исследования рукописей, выполненных на русском языке, или, как мы упоминали выше, при исследовании рукописей и подписей, выполненных на письменных языках народов Северо-Кавказского региона, письменность которых основана на кириллице хотя и применима действующая в настоящее время методика производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, независимо от того, знает или нет эксперт язык, на котором составлен или подписан исследуемый рукописный документ [8, с. 37], но возникает вопрос, а если, на-

пример, исследуемые подписи малоинформативные и выполнены по транскрипции в основном только специфическими буквами, а так как приложения и дополнения к вышеуказанной методике с учетом вышеописанных специфических букв отсутствуют (идентификационная значимость признаков, обусловленных написанием данных букв и их сочетанием, не исследовалась и не вошла в методику), то в данном случае результаты исследований подписей, подвергшихся сомнению, необходимо считать неполными и недостоверными и в данном случае, нельзя не согласиться с М.С. Пшизовым, что использование методик разработанных для русского языка, оправданное лишь отсутствием аналогичных методик для адыгейского языка и одинаковой основой письменных знаков, нельзя считать достаточно обоснованными и объективными [17, с. 117] (сюда с уверенностью можно отнести и исследуемые выше нами алфавиты республик - автор).

На наш взгляд, одним из выходов в данной ситуации будет являться разработка дополнений к существующей методике производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, с учетом букв и комбинаций отдельных букв, не имеющих аналогов в русской письменности и выражающих специфические особенности строения букв и их сочетаний в алфавитах республик, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа.

Литература:

1. Абдусатарова, Н.Х. Идентификация личности по рукописям, выполненным на каракалпакском языке: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 /Н.Х. Абдусатарова. – Алма-Ата, 1972.
2. Алимова, Р.А. Криминалистическая судебно-почерковедческая экспертиза рукописей, выполненных на узбекском языке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Р.А. Алимова. – М., 1964. – 17 с.
3. Анчабадзе, Н.А. Криминалистическая экспертиза рукописей, выполненных на абхазском языке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Н.А. Анчабадзе. – Волгоград, 1998. – 24 с.
4. Белов, В.Н. Идентификационное значение фонетико-грамматической модификации при исследовании рукописей, выполненных на русском языке лицами, для которых родным языком является один из языков тюркской семьи / В.Н. Белов // Экспертная техника. - М., 1967, Вып. 13.
5. Белов, В.Н. К вопросу о возможности идентификации лиц по рукописным текстам, выполненным на языках народов СССР, письменность которых основана на кириллице / В.Н. Белов, А.Ф. Волынский // Вопросы судебной экспертизы: материалы конференции аспирантов и соискателей ЦНИИСЭ, март 1969 г. - М.: Изд-во ЦНИИСЭ, 1969.

6. Бларамберг, И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И. Бларамберг // перевод с французского, предисловие и комментарии И.М. Назаровой. – М.: Изд. Надыршин, 2010.
7. Быков, В.Н. Некоторые вопросы криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на языках народов Дагестана / В.Н. Быков, А.Ф. Волынский, М.З. Эфендиев // Экспертная техника. - М., 1969, Вып. 27.
8. Владимиров, В.Ю. Некоторые аспекты исследования рукописных текстов, выполненных на языках народов Дагестана / В.Ю. Владимиров, Ж.В. Фролова // Вестник Московского государственного областного университета. - М.: Изд-во МГОУ, 2010, № 3.
9. Ерешев, Е.Е. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на казахском языке (правовые и научно-методические основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Е. Ерешев. - Алма-Ата, 1974. – 19 с.
10. Клименко, Н.И. Значение признаков письменной речи при исследовании текстов, исполненных на украинском языке / Н.И. Клименко // Криминалистика и судебная экспертиза. Республиканский межведомственный сборник научных и научно-методических работ. - Киев, 1964, Вып. 1.
11. Климов, Г.А. Кавказские языки / Г.А. Климов // Языки мира: Кавказские языки. – М.: Academia, 2001.
12. Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР. Справочник следователя и эксперта / Под ред. Пинхасова Б.И. – М.: «Юрид. лит.», 1973.
13. Мгеладзе, О.М. Криминалистическое исследование текстов и подписей, выполненных на грузинском языке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.М. Мгеладзе. – Харьков, 1965. – 17 с.
14. Молоков, Э.П. Определение национального языка по графическим особенностям письменности / Э.П. Молоков // Теория и практика судебной экспертизы. – СПб.: Питер, 2003.
15. Оганян, Л.П. Основные положения криминалистической экспертизы письма, применительно к рукописям, выполненным на армянском языке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.П. Оганян. – Одесса, 1970. – 25 с.
16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005.
17. Пшизов, М.С. К вопросу о возможностях криминалистического исследования рукописных текстов, выполненных на адыгейском языке / М.С. Пшизов // Вестник Адыгейского государственного университета. - 2005. - № 4.

18. Рычкалова, Л.А. Криминалистическое исследование речевого поведения тюрко-русских билингвов: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Л.А. Рычкалова. – М., 2007.
19. Сейтенов, К.К. Экспериментальное исследование общих признаков почерка в рукописях, выполненных на казахском языке / К.К. Сейтенов, Т.Г. Шаова // Вестник криминалистики. - М.: Спарк, 2004, Вып. 3 (11).
20. Тарханова, Ф.Т. Криминалистическая экспертиза почерка при исследовании рукописей, выполненных на туркменском языке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.Т. Тарханова. – Ташкент, 1967. – 17 с.
21. Темирболатова, А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926-1937)) / А.И. Темирболатова // под ред. К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ставрополь: СГУ, 2012.
22. Фролова, Ж.В. Проблемы исследования рукописей, выполненных на языках народов Дагестана / Ж.В. Фролова // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: сборник научных трудов. - М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009, Вып. 4.

Потудинский М. В.,
преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
(г. Ставрополь)

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С УГОНОМ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Типичным началом первоначального этапа расследования по рассматриваемой категории преступлений являются поступление в правоохранительные органы следующих поводов для возбуждения уголовного дела - заявления граждан, сообщения из организаций, владеющих, использующих транспортные средства. В отдельных случаях угон транспортного средства может быть выявлен непосредственно сотрудниками полиции – оперативными работниками, нарядами патрульно-постовой и дорожно-патрульной службами [2, с. 35-47], ставшими очевидцами проникновения преступников в транспортные средства, либо при остановке его на контрольно-пропускных пунктах или в связи с нарушением правил дорожного движения.

После получения информации о совершенном угоне транспортного средства возникает та или иная следственная ситуация. В юридической литературе немалое внимание уделено вопросам разработки системы типичных следственных ситуаций для определенных видов преступлений. Каждая типичная следственная ситуация имеет свои особенности, обуславливающие круг следственных действий, которые необходимо выполнить.

Эффективность раскрытия и расследования угона автотранспортных средств, совершаемых несовершеннолетними, во многом зависит от правильной оценки следователем сложившейся конкретной следственной ситуации по уголовному делу.

Исходя из анализа понятий, приведенных в криминалистической литературе, а также материалов уголовных дел рассматриваемой категории, мы представляем следственную ситуацию как динамическую обстановку, положение, складывающееся на конкретный момент расследования, обуславливаемое имеющейся информацией о преступлении.

Перечень обозначенных ниже следственных ситуаций не является исчерпывающим, они могут варьироваться в зависимости от обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению по уголовному делу. В основу предлагаемой классификации положено абсолютное количество случаев по степени их частоты в следственной практике, полученной пу-

тем интервьюирования сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и следователей, а также изучением официальной статистики и трудов ученых [4, с. 41].

Можно выделить следующие следственные ситуации:

1) установлены достаточные данные о совершении преступления, однако нет сведений о несовершеннолетнем лице, совершившем угон транспортного средства, и не обнаружено само автотранспортное средство;

2) автотранспортное средство обнаружено, однако сведения о лице, совершившем преступление, отсутствуют;

3) автотранспортное средство не обнаружено, однако имеются сведения о лице, совершившем угон;

4) автотранспортное средство обнаружено, имеются сведения о несовершеннолетнем лице, совершившем угон, но неизвестно его местонахождение;

5) автотранспортное средство обнаружено, лицо, совершившее угон задержано.

Остальные следственные ситуации не типичны для угонов автотранспортных средств, совершаемых несовершеннолетними, и по этой причине их нецелесообразно использовать для выявления закономерностей в расследовании.

Для работы по каждой конкретной следственной ситуации следователю необходимо располагать определенной программой – алгоритмом («Алгоритм – это система рациональных и последовательных действий, выполнение которых в процессуальных формах влечет получение прогнозируемого позитивного результата» [3, с. 25]) проведения тех или иных следственных действий и розыскных мероприятий. Как справедливо, на наш взгляд, отмечают отдельные авторы, например И.С. Федотов [5, с. 167], данный алгоритм вырабатывается на основе типичной модели расследования преступлений.

Изучение типичных следственных ситуаций на первоначальном этапе расследования по данной категории преступлений, позволяет субъекту расследования выдвинуть следственные версии, определить наиболее оптимальный перечень (алгоритм) действий, как по содержанию мероприятий, так и по последовательности их проведения [1].

Установление всех обстоятельств произошедшего (предмет доказывания) в процессе расследования преступления представляет собой последовательное движение от неполного и неточного знания к познанию события в целом.

Таким образом, на начальном этапе расследования посредством проведения первоначальных следственных и иных процессуальных действий, сочетаемых с оперативно-розыскными мероприятиями, происходят интенсивный сбор и накопление фактических данных о событии пре-

ступления, лицах, причастных к нему, осуществляется их исследование и дается оценка, выдвигаются версии произошедшего. Процесс установления и сбора фактических данных протекает не стихийно. Он упорядочен в соответствии с тем общим представлением об изучаемом событии, которое складывается у лиц, проводящих расследование на основе первоначальных данных.

Литература:

1. Асташкина, Е.Н. Криминалистические алгоритмы в расследовании квартирных краж: учебное пособие / Е.Н. Асташкина, Н.А. Марочкин. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003.
2. Веденеев, В.В. Тактика выявления и задержания угнанных и похищенных транспортных средств: методическое пособие / В.В. Веденеев, А.В. Дюжаев, А.Н. Серпак, А.Л. Чубученко – М.: ВНИИ МВД СССР, 1989.
3. Зорин, Г.А. Руководство по тактике допроса: учебно-практическое пособие / Г.А. Зорин. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001.
4. Мишуточкин, А.Л. Особенности расследования краж автотранспортных средств, совершаемых организованными преступными группами / А.Л. Мишуточкин: учеб. пособие - Омск: Омская академия МВД России, 2003.
5. Федотов, И.С. Расследование детоубийств / И.С. Федотов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

Рябова Л. В.,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Коррупционную преступность сегодня с уверенностью можно назвать традиционным и достаточно распространенным видом преступности, существующем не только в нашем государстве, но и во многих других цивилизованных странах мира. В подтверждение этому, следует отметить мнение известных ученых которые определяют коррупцию как тотальную, отмечая Россию как наиболее коррумпированное государство мира, где коррупция стала едва ли не главным способом экономического развала страны, разрушения системы государственной власти и управления, срыва рыночных реформ и криминальной деформации правосознания общества [3, с. 106; 4, с. 99-114] Как у всякого сложного социального явления, у коррупции не существует единого канонического определения. Имеется множество определений коррупции. Коррупция (от латинского слова *corrumpere* - портить) - использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законом и правилам.

Термин коррумпировать соответственно – подкупать кого-либо деньгами или иными материальными ценностями.

Заметим, что зачастую термин коррупции сводят лишь к такому преступлению как взяточничество, однако данное социальное явление выходит за рамки взяточничество. В документах ООН и Совета Европы коррупция определяется как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или группы лиц.

В ст.1 ФЗ Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дается следующее определение:

«Коррупция - это злоупотребление служебным положением, дача и получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконного предоставления такой

выгоды данному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица».

Согласно официальной статистике в России за 2014 год всего зарегистрировано 2190,6 тыс. преступлений, в том числе преступлений коррупционной направленности 32204 (- 24,6 %), удельный вес этих преступлений, в общем числе составил 1,5 %.[2] В тоже время за 2010 год было зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений, из них - 59283 преступлений коррупционной направленности, удельный вес преступлений данной категории - 2,3 % [2]. Из этих данных следует, что за 2014 год в сравнение с 2010 годом зарегистрировано на 27079 меньше коррупционных преступлений. При этом в последние годы наблюдается тенденция снижения регистрируемых преступлений, как в целом, так и коррупционных преступлений. Факты получения взяток за последние десять лет увеличились более чем в два раза, причем более чем в 80% случаев взятка составила менее 30 тыс. рублей. Среди лидеров в данном преступлении по России является Москва. Именно в столице 42 % москвичей признались, что давали взятку чиновникам для получения определенных услуг, в рейтинге самых коррумпированных регионов страны первое место занимают Татарстан и Краснодарский край, 41% опрошенных подтвердили факт дачи взятки должностным лицам, на третьем месте Ставропольский край, 40% опрошенных подтвердили факт дачи взятки чиновникам, Санкт-Петербург в данном рейтинге занимает 5-е место, 34% опрошенных, согласно опросу меньше всего по России дают взятки в Пермском крае 18% и Тюменской области 12% [5].

Самое неприятное заключается в том, что сами россияне считают, что коррупция непобедима в настоящее время. Как показывает опрос коррупция в России за последние 2-3 года увеличилась, что подтвердили 45% опрошенных. Оценивая какая часть чиновников подвержена коррупции 16% ответили - все, 46% что большинство, 22% полагают что половина чиновнического аппарата подвержена коррупции, ответ меньшинство дали лишь 5% опрошенных.

Чаще всего коррупционные нарушения встречаются в сферах, где используются государственные и муниципальные имущества, а также при выполнении работ для государственных нужд. Усложняет положение тот факт, что истинное количество совершенных преступных коррупционных деяний не знает никто, так как не стоит забывать о том, что мы располагаем данными о выявленных коррупционных преступлениях, большинство из них являются латентными. Многие из коррупционных преступлений не доходят до суда, а многие так и остаются не раскрытыми, в связи с недостаточной, а иногда и не надлежащей их документированностью при расследовании, а также ошибками, допускаемыми при реализации оперативных материалов, а если еще

учитывать и естественную латентность, то численность коррупционных деяний имеет угрожающие масштабы.

Об увеличении латентности коррупционных преступлений свидетельствует и государственная политика в области противодействия и борьбы с коррупцией.

Согласно мнению МВД РФ перечень статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления, выглядит следующим образом: ч.ч 3,4 ст.160 УК РФ «Присвоение или растрата», ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование незаконных сделок с землей», ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей», ч.ч.3,4 ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ч.ч.3,4 ст. 174-1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ч.ч.2,3 ст.178 УК РФ «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», ст. 184 УК РФ «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных и зрелищных коммерческих конкурсов», ст.201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями», ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285-1 УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств», ст.285-2 УК РФ «Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов», ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», ст. 290 УК РФ «Получение взятки», ст. 291 УК РФ «Дача взятки», ст. 292 УК РФ «Служебный подлог», ч.3 ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности».

Наиболее трудно раскрываемыми коррупционными преступлениями по мнению сотрудников МВД РФ являются следующие составы коррупционных преступлений- ст.285, 286, 290, 291,УК РФ. Данные преступления считаются наиболее трудными при выявлении, отличительной особенностью их является уголовно-правовая характеристика, а именно объект и субъект преступления. Основным объектом вышеуказанных преступлений является нормальная деятельность публичного аппарата управления в лице государственных органов, законодательной, исполнительной и судебной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений. Следует отметить, что данные преступные деяния совершаются специальными субъектами, так в примечании к ст. 285 УК РФ закреплено определение должностного лица. Должностными лицами признаются лица, выполняющие организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции только в государственных органах, органах

местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. Обязательным условием уголовной ответственности должностных лиц является то, что должностное лицо использует свои полномочия и совершает действия, которые составляют объективную сторону указанных коррупционных преступлений [1, с. 345-351].

Самым распространенным коррупционным преступлением является взяточничество. Следует отметить, что это собирательный термин, так как он охватывает два самостоятельных состава преступления, таких как «Дача взятки» и «Получение взятки». Каждое из указанных посягательств на известные интересы в качестве оконченных деяний не может быть совершено само по себе, вне связи с другим преступлением. Следовательно, они находятся в положении так называемого необходимого соучастия.

Получение взятки состоит в получении должностным лицом незаконного вознаграждения от взяткодателя и выполнении в его интересах действий, если эти действия входят в служебное полномочие должностного лица. Под вознаграждениями понимаются деньги, ценные бумаги, а также иное имущество, или выгоды имущественного характера.

Особенностями коррупционной преступности являются: - непосредственное причинение ущерба авторитету государственной службы, службы в органах местного самоуправления, службы в коммерческих и иных организациях; - специфичность субъектов совершения преступления; - использование виновным своего служебного положения вопреки интересам службы; - наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности и умысла на совершение противоправного деяния; - относительная стабильность регистрируемых преступлений при их высокой латентности, достигающей 90%; - несводимость коррупционной преступности к совокупности лишь должностных преступлений; - тесная связь организованной преступности, представители которой выделяют на подкуп чиновников от 30 до 50% преступно нажитых средств; - повышенная общественная опасность [1, с. 345-351].

Признаки взяточничества и других проявлений коррупционной преступности в органах власти наблюдаются давно и повсеместно. Коррупция имеет не только скрытый но и согласительный характер совершения. В большинстве акты подкупа не влекут за собой жалоб, так как обе стороны получают выгоды от незаконной деятельности.

Сложность раскрытия и расследования коррупционных преступлений определяется многими факторами, в том числе присущими им особенностями механизма слеодообразования. Тем не менее, материальные следы дачи получения взятки все же остаются, в частности в сберегательных книжках, в почтовых переводах, в различных управленческих документах, отражающих решения должностных лиц,

таких как о зачислении на должность, приеме в ВУЗ, предоставлении жилья, в материалах бухгалтерского учета отражающих действия должностного лица в пользу третьих лиц, например взяткодателя. В документах, подтверждающих пребывание лица в определенном месте в командировочных удостоверениях, проездных билетах, счетах гостиниц и т.д. При взяточничестве возникают идеальные следы, очень важные для расследования сведения может дать преступник, члены его семьи, сослуживцы, случайные свидетели, которые видели взяткодателя и взяткополучателя вместе, слышали их разговор, либо выполняли по просьбе взяткополучателя определенные действия в пользу взяткодателя

Этап подготовки к совершению преступных деяний коррупционной направленности должен включать в себя: - определение места, времени, предмета, переданного в качестве вознаграждения, способа его передачи и т.д., т.е. предварительную договоренность должностного лица с иным лицом, заинтересованным в совершении каких-либо действий, бездействия в его интересах и готовым за это передать должностному лицу какое-либо вознаграждение.

Действия непосредственно по передачи вознаграждения могут совершаться в период личного контакта либо без такового. В последнем случае взятка передается через посредника, пересылается по почте, деньги вносятся на счет взяткополучателя, приобретается ценное имущество нередко на подставных лиц и т.д. Встречаются случаи оказания взаимных услуг одновременно и взяткодателем и взяткополучателем.

Работа следователей направленная на доказывание обстоятельств преступления, совершенного должностными лицами и возбуждения по данным фактам уголовных дел, во многом обусловлена уголовно-правовой характеристикой таких деяний. Учитывая наличия отдельных признаков коррупционных преступлений в поведении должностного лица в каждом отдельном случае, оперативными службами наработана практика выявления таких преступлений. В подавляющем большинстве случаев источником первичной информации о совершении преступного деяния коррупционной направленности является лицо, оказывающее конфиденциальное содействие. Дополнительно в качестве источников получения первичной информации можно рассматривать: - лиц, входящих в служебное окружение подкупающего (получателя); - конкурентов подкупающего (получателя), т.е. лиц, заинтересованных в уголовном преследовании данного лица с целью выведения его из конкурентных отношений; - информацию из других правоохранительных и контролирующих структур, полученную ими в связи с расследованиями других преступлений, с проверкой деятельности рассматриваемой структуры (органа, учреждения, организации); - от лица, передающего вознаграждение (в случае вымогательства взятки).

Что касается деяния, предусмотренного ст. 289 УК РФ, то следует отметить, что в настоящее время практика выявлений и регистраций данных преступлений практически отсутствует, что безусловно не связано с отсутствием данных деяний, а обусловлено лишь сложностями их выявления.

Представляется, что лишь анализ операций по счетам лиц занимающих государственные должности и их родственников позволит своевременно выявлять и пресекать данные виды преступной деятельности. Как правило, в большинстве случаев основным доказательством дачи и получения взятки, как и совершения иного преступления носящего коррупционный характер является передача вознаграждения под контролем проводимая в рамках оперативно-розыскного мероприятия - оперативного эксперимента. Результаты проведение оперативно-розыскного эксперимента по рассматриваемым делам в настоящее время рассматривается как основное и решающее доказательство.

Оперативный эксперимент - это предусмотренное Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие по получению информации о противоправной деятельности путем создания условий для выявления преступных намерений субъектов.

Подготовка, экипировка и легендирование фигуранта, участвующего в проведении оперативного эксперимента, включает в себя: производство досмотра лица, передающего вознаграждение, составление соответствующего документа - акта осмотра, производства осмотра и пометки в присутствии понятых, денежных купюр, обработанных специальными составами, с указанием достоинства купюр, которые будут использоваться для передачи, их серий, номеров, общей суммы, характера упаковки, вида пометки и использованного для пометки спецсредства, способа проявления их на денежных средствах и их упаковке и вручение денежных купюр лицу, непосредственно привлеченного к передаче, о чем составляется акт пометки о вручении денежных средств. Проведение инструктажа взяткодателя о его поведении в ходе встречи с взяткополучателем, возможных вариантах действий, условном знаке об окончании сделки, его действия в момент намеченного задержания участников сделки.

Для прослушивания переговоров между взяткодателем и взяткополучателем производится снабжение взяткодателя спецсредствами - диктофоном либо магнитофоном, в этих целях оперативные работники составляют акт вручения в присутствии понятых спецсредства, с указанием технических данных этого средства. На аудиокассету в начале ленты записывается информация по которой можно определить когда, где и с какой целью, в каком составе начато оперативно-розыскное мероприятие и производится опечатывание кассетоприемника с подписью

всех участников. Фиксация данного мероприятия осуществляется посредством составления акта наблюдения за происходящими событиями и применения видео или звукозаписи. В акте наблюдения должны быть отражены сведения о времени, месте проведения оперативно-розыскного мероприятия, лицах, принимающих в нем непосредственное участие, ходе встречи, моменте сделки, а так же действиях лиц пытающихся в момент запланированного задержания избавиться от уличающих их предметов, кроме того в них должны быть описаны действия сотрудников, принимающих участие в задержании. Результаты задержания оформляются протоколом задержания в соответствии с требованиями УПК РФ. При задержании взяточполучателя непосредственно после операции производится его досмотр. Следует учесть, что досмотр производится до возбуждения уголовного дела, в ходе расследования происходит обыск или выемка. В каждом случае составляется соответствующий документ - протокол, либо акт досмотра. При этом изымаются полученные денежные средства, другие документы, свидетельствующие о совершенной сделке. Осуществляются смывы с рук для проведения сравнительного исследования вещества, которым помечались денежные средства. Все изъятое соответствующим образом упаковывается, обеспечивается сопроводительной печатью, надписью и подписями граждан, оперработников, а по возможности и подписью лица, у которого произведено изъятие. В том случае, если лицу или лицам задержанным удалось выбросить в момент задержания денежные средства или иные предметы имеющие значение для дела, документы уличающие совершение противоправных действий необходимо в целях их обнаружения и изъятия произвести осмотр места происшествия, места или помещения. После проведенного мероприятия средства фиксации, использованные взяточдателем для фиксации переговоров изымаются в присутствии понятых и осматриваются, затем составляется протокол, при этом записи прослушиваются и их краткое содержание отражается в протоколе, в необходимых случаях кассеты изымаются и сразу упаковываются в отдельные пакеты соответствующим образом, опечатываются и приобщаются к уголовному делу, в протоколе обязательно указывается состояние ранее наложенной печати на кассетном устройстве и указывается о ее целостности.

Методы проверки поступившей информации могут быть следующими:

- изучение структуры и условий работы организации, в которой работает должностное лицо;
- ознакомление с кругом его обязанностей, чтобы знать, мог ли он совершить то или иное действие;
- истребование и изучение необходимых документов для ознакомления с порядком прохождения их, с постановкой учета,

отчетности, состоянием контроля, чтобы убедиться имело ли место действие, за которое, возможно, дана взятка;

- изучение материалов, находящихся в органах внутренних дел, прокуратуре;

- проведение по предложению следователя, организациями различных проверок деятельности данного учреждения;

- получение консультаций у соответствующих специалистов;

- использование оперативных возможностей органов внутренних дел.

В процессе расследований рассматриваемой группы преступлений устанавливаются и подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

- имеет ли место факт передачи должностному лицу материальных ценностей гражданином, заинтересованным в выполнении или невыполнении того или иного служебного действия;

- время, место, способ, размер, характер и другие обстоятельства передачи;

- содержание совершенного должностным лицом за взятку служебного действия или бездействия;

- обстоятельства смягчающие или отягчающие ответственность участников преступления, или освобождающих их от уголовной ответственности;

- условия, способствующие совершению криминального деяния, и причины, вызвавшие совершение взяточничества, либо иного преступления коррупционной направленности.

Характер и размеры ущерба причиненного преступлением устанавливается в том случае, когда взятка давалась за счет государственных или общественных средств, либо когда незаконным деянием должностного лица, а так же его бездействием причинен материальный ущерб.

Для выяснения обстоятельств смягчающих или отягчающих вину участников преступления или освобождающих их от уголовной ответственности следует установить:

- не занимает ли должностное лицо, получившее взятку ответственное положение;

- не имело ли оно судимости за взяточничество или иные преступные деяния коррупционного характера;

- не получало ли оно взятку неоднократно, либо не совершало ли оно иные преступления коррупционной направленности;

- каковы мотивы получения взятки;

- не заявлял ли взяткодатель после дачи взятки добровольно о случившемся;

- не имело ли место вымогательство со стороны должностного лица.

Устанавливая события преступления следователь должен выяснить:

- какие нормы, правила, инструкции были нарушены, противоправным действием (бездействием) должностного лица;
- каковы последствия такого поведения, их характер и степень тяжести;
- есть ли причинная связь между действиями (бездействием) должностного лица и наступившими последствиями.

В зависимости от обстоятельств предмет доказывания в каждом конкретном случае может быть расширен и детализован.

После возбуждения уголовного дела по факту совершения коррупционного преступления, производится допрос задержанного лица и иных участников процесса задержания. Осуществляется назначение и производство судебных экспертиз, наиболее характерными являются фоноскопическая и химическая экспертизы. Кроме того в процессе расследования коррупционных преступлений осуществляется производство:

- допросов;
- обысков по месту работы, жительства и в других местах пребывания взяточполучателя;
- выемка и осмотр документов;
- очная ставка.

Эффективность расследования и раскрытия коррупционных преступлений во многом определяется качеством проведения оперативно-розыскных мероприятий и первоначальных следственных действий, направленных на выявление и закрепление фактических данных.

Литература:

1. Жадан, В.Н. О коррупции и криминологической характеристике коррупционных преступлений / В.Н. Жадан // Молодой ученый, 2015. - №5.
2. Коррупция как разновидность противоправной деятельности. Состояние, структура, динамика и тенденции коррупционной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pandia.ru/text/78/314/11802.php> (Дата обращения: 19.01.2016).
3. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. - М., 2004.
4. Львов, Д.С. Об основных направлениях социально-экономических преобразований // Д.С. Львов, Ю.В. Овсиенко // Экономическая наука современной России, 1999. - № 3.
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/pxOrdPt4BF.pdf (Дата обращения: 19.01.2016).

Рясов А. А.,
профессор кафедры криминалистики
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент
(г. Ставрополь)

К ВОПРОСУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Получение доказательств следует понимать как приобретение, принятие, добыча чего-либо [10, с.574]. Из приведенного тезиса следует, что процесс получения объектов, обладающих признаками вещественных доказательств, включает в себя как процесс истребования следователем предметов, имеющих значение для дела, так и процесс добровольной передачи таких объектов подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, а также защитником.

Уголовно-процессуальное законодательство для ряда участников уголовного процесса предусматривает возможность представления доказательств. Таким правом в соответствии с УПК РФ наделены обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), защитник (ст. 53 УПК РФ), подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), потерпевший (ст. 42 УПК РФ), гражданский истец (ст. 44 УПК РФ), гражданский ответчик (ст. 54 УПК РФ) и их представители (ст. ст. 45 и 55 УПК РФ).

Анкетирование следователей органов внутренних дел Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики, Чеченской Республики показало следующие результаты использования участниками уголовного процесса права на представление предметов. Передавали объекты, обладающие признаками вещественных доказательств, лицу, в производстве которого находилось уголовное дело потерпевшие - в 70 % случаев, подозреваемые - в 39 %, обвиняемые - в 12 %, гражданский истец - в 4 %, защитник - в 3 % случаев.

Согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители наделены правом представлять письменные документы и предметы для приобщения их к делу в качестве доказательств. Приведенная формулировка означает, что указанные лица вправе лишь собирать и предоставлять объекты, которые возможно имеют отношение к расследуемому событию и после их оценки и проверки соответствующими должностными лицами, трансформируются в вещественное доказательство.

Таким образом, наблюдается противоречие между нормами ч. 2 ст. 86 и п. 4. ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 2

ст. 54 УПК РФ в части прав на предоставление вещественных доказательств или объектов, обладающих признаками вещественных доказательств.

Защитник же наделен правом представлять доказательства как в ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ, так и в п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ. Законодательная конструкция позволяет сделать вывод, что объекты, полученные защитником, сразу приобретают статус вещественных доказательств. Однако право защитника собирать предметы не обеспечено процессуальными гарантиями. Справедливо отмечает А. Давлетов «объявить право и гарантировать его реализацию – далеко ни одно и то же» [6, с.50-51]. Рассматриваемое право защитника также отражено в п. 3 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которой защитник вправе собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами в порядке, установленном законодательством РФ [5, с.60,32].

На наш взгляд, нельзя признать оправданными нормы закона о предоставлении ранее перечисленным участникам уголовного процесса права на представление доказательств. Приведенный вывод подтверждается следующими аргументами.

1. Любой объект, обладающий признаками вещественных доказательств, может стать вещественным доказательством только после соответствующей проверки и процессуального оформления. Для того, чтобы предмет, предоставленный подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и защитником приобрел вид доказательства, он должен быть получен через систему процессуальных действий, быть проверен и оценен с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные вещественные доказательства в совокупности - достаточности для принятия процессуальных решений, разрешения уголовного дела.

2. В уголовно-процессуальном законе отсутствуют способы получения вещественных доказательств подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком. При этом вызывает недоумение наличие весьма жестких требований законодателя к порядку получения доказательств должностными лицами, осуществляющими расследование, и полным отсутствием законодательного регулирования порядка и условий получения объектов участниками уголовного процесса, указанными в ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ.

Отсутствие в законе указания на процессуальную форму получения и оформления подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями вещественных доказательств делает не возможным проверку их с точки зрения допустимости и достоверности, а, следовательно, и использование при принятии решений по

уголовному делу. Тем более, что законодатель не предусматривает обязанности обвиняемого, подозреваемого, гражданского истца и ответчика, защитника указывать источник доказательственной информации, что не является основанием для отнесения представленных ими вещественных доказательств к числу не допустимых (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), в то время как показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности являются не допустимыми (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Как верно отмечает В.Л. Будников органами расследования и суда «преступление всегда воспринимается как явление прошлого времени, ... отраженное ... в объективной действительности. Поэтому главная задача всех субъектов доказывания – обнаружение ее носителей, получение от них любых сведений о преступлении, их проверка и надлежащее использование при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовного дела» [2,с.123].

3. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень доказательств, который не содержит источники, статус которых могли бы занять предметы, представленные лицами, указанными в ч. ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ. Кроме того, законодатель не предусмотрел процессуальный порядок ввода в уголовное дело подобных предметов, а также не указывает процедуру закрепления результатов введения в уголовный процесс соответствующих объектов.

Позиции ученых-процессуалистов на сей счет совпадают. С.Н. Гонтарь пишет, что подобное решение не является верным, так как доказательственная деятельность осуществляется поэтапно, включая в себя не только собирание, но проверку и оценку доказательств с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Следовательно, для того чтобы информация, отраженная в документах стала доказательством, она должна быть проверена дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления ее источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Только эти субъекты способны придавать сведениям об обстоятельствах преступления юридическое значение доказательств по уголовному делу [3, с.25; 24, с.304]. Аналогичного мнения придерживаются Т.Т. Алиев, Н.А. Громов, Л.В. Макаров [1, с.74], В.Н. Григорьев и А.В. Победин [5,с. 60, 32]. Ю.В. Худякова указывает, что предоставление ряду участников уголовного процесса права на представление доказательств, противоречит понятию доказательств как единству содержания (сведений о факте) и форме (источника) этих сведений [19, с. 91, 114]. Н.И. Чистова указывает: «рассматриваемые участники судопроизводства собирают не доказательства, а только предметы и документы, которые могут представить дознавателю, следователю, прокурору и суду, а последние решают

вопрос о возможности приобщения их к материалам уголовного дела и придания им статуса доказательства» [17, с.88].

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым внести изменения в статьи УПК РФ, предусматривающие право потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей на представление объектов, обладающих признаками вещественных доказательств, с целью их приведения в соответствие с ч. 2 ст. 86 УПК РФ. В частности, в п. 4. ч. 2 ст. 42, п. 2 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47, п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ указать следующую формулировку: «представлять письменные документы и предметы для приобщения их к делу в качестве доказательств».

Важен и такой процессуальный момент – в УПК РФ нет норм, которые обязывали бы защитника и иных участников уголовного процесса представлять собранные ими вещественные доказательства компетентным органам. Тогда не исключается формирование защитником «параллельных уголовных дел», представление их непосредственно в суд и. т. д [5, с.60,32]. В таком случае, следователь, дознаватель, а также прокурор не смогут обеспечить полное и всестороннее исследование обстоятельств уголовного дела и принять обоснованное решение. В связи с этим логичным видится введение в уголовно-процессуальный закон обязанности участников уголовного судопроизводства, наделенных правом на собирание объектов, обладающих признаками вещественных доказательств, по их представлению лицу, в производстве которого находится уголовное дело.

Реализация права и соблюдение обязанности влечет необходимость определения процессуального оформления осуществляемых права и обязанности. При этом можно говорить о процедуре истребования и представления объектов, обладающих признаками вещественных доказательств [4, с.110; 25, с.301].

Законодатель не выработал специальных процессуальных правил представления объектов, не дается в законе и наименование протокола, который должен отражать факт представления предметов, обладающих признаками вещественных доказательств. Остается неясным и сам статус представления доказательств: является ли названное мероприятие следственным действием в виде выемки, должно ли оно сочетать в себе осмотр представленных доказательств или быть какой-то иной процессуальной процедурой?

Анкетирование следователей органов внутренних дел Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики, Чеченской Республики показало, что в 57 % случаев в ходе выемки были обнаружены объекты, которые в дальнейшем были признаны вещественными доказательствами. Тем не менее, на наш взгляд, не вполне правильно использовать выемку, которая часто предполагает принудительное изъятие предметов и документов, имеющих отношение к расследованию преступления, оформляется

соответствующим постановлением, допускает ограничение законных прав граждан. В данном же случае имеет факт добровольной передачи предметов, которые могут быть использованы в качестве вещественных доказательств. При этом не ограничиваются законные права тех или иных лиц, отсутствует требование со стороны лица изымающего эти предметы об их обязательной выдаче, так как инициатива передачи вышеуказанных предметов исходит не от следователя а, от лица передающего предметы. В связи с этим можно исключить составление отдельного постановления о производстве выемки. Более того, при производстве такой передачи нет необходимости присутствия понятых, поскольку оба лица заинтересованы в приеме-передаче предметов, имеющих значение для дела.

Процессуальное оформление введения в уголовное дело предмета, обладающего признаками вещественного доказательства, приобретает особое значение, поскольку соответствующий документ должен отражать свойства именно вещественного доказательства, а также иные характеристики, позволяющие определить относимость, допустимость и достоверность объекта [8,с.118].

В.Л. Шапошников пишет: «по результатам представления необходимо составление протокола представления предметов» [22,с.22].

А.В. Парфентьев предлагает предметы и документы, предоставляемые по требованию следователя или по собственной инициативе физическими и юридическими лицами, а также органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, фиксировать следователем в протоколе с указанием вида предмета, их отличительных признаков, от кого получен предмет, его происхождение [12,с.217].

Ю.В. Худякова полагает необходимым составлять протокол представления и получения предметов и следов [19,с.114].

А.Р. Белкин считает, что в данном случае речь должна идти о самостоятельном следственном действии, с участием субъекта, представляющего доказательства, или его представителя и составлением специального «протокола представления доказательств».

Рассматриваемые документы предлагали называть: протокол принятия таких объектов следователем [20,с.282], протокол представления предмета [15,с.333], протокол заявления лица, доставившего вещественное доказательство [16,с.169], протокол выемки [11,с.75], протокол допроса подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, указав при этом, что гражданин представил такой-то предмет или документ [13,с.71; 23,с.157-162].

Г.И. Кочаров и Г.М. Миньковский пишут: «О принятии вещественного объекта составляется протокол в присутствии понятых и лица, представившего этот объект. Результаты последующего детального осмотра объекта следователем (судом) фиксируются отдельным протоколом или заносятся в протокол представления вещественного объекта» [17,с.579].

Н.А. Кузнецова указывает, что при представлении документов должностными лицами и гражданами следует выносить постановление. При данном действии желательно участие понятых [7,с.34].

В.Г. Томин считает целесообразным «дополнить перечень протоколов следственных действий протоколом принятия доказательств, представленных гражданами. Автор обосновывает необходимость предусмотреть в законе новое следственное действие, следовательно, и новый протокол, требованиями практики, спецификой получения доказательств в рассматриваемом случае, наличием указания в законе о возможности представления доказательств подозреваемым, обвиняемым и т. д.» [18,с.88].

Мы считаем верным внести в главу 25 УПК РФ новую статью 183¹ «Принятие предметов и документов» [14,с.181].

«1. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, защитник, а также сотрудник оперативных подразделений вправе представлять дознавателю, следователю, прокурору и суду полученные ими или имеющиеся у них предметы и документы, имеющие значение для расследования преступления с целью приобщения таких объектов в качестве доказательства к делу.

2. Дознаватель, следователь, прокурор или судья обязаны либо принять представляемые им предметы и документы, либо отказать в принятии таковых. В случае отказа дознаватель, следователь, прокурор, судья выносят об этом мотивированное постановление.

3. При принятии предметов и документов представляемых подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, гражданским истцом, гражданским ответчиком и их представителями, защитником, а также сотрудником оперативных подразделений для приобщения их к делу в качестве доказательств дознаватель, следователь, прокурор или судья должен допросить лицо, представляющее данный предмет или документ, с целью выяснения источника и обстоятельств их получения, данным лицом, затем осмотреть эти предметы или документы и составить протокол принятия данных предметов и документов.

4. В протоколе должно быть указано, в каком месте и кем были выданы предметы или документы. Все принимаемые предметы и документы должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости».

Таким образом, особенности собирания объектов, обладающих признаками вещественных доказательств, на стадии предварительного расследования, заключаются в более детальном правовом регулировании соответствующего процесса по сравнению со стадией возбуждения уголовного дела в части субъектов, способов, правил их осуществления.

Полагаем необходимым наделить потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика и их предста-

вителей, а также защитника правом представлять объекты, обладающие признаками вещественных доказательств, а не доказательства.

Факт получения и введения в уголовное дело соответствующего объекта отражать в протоколе принятия предметов, документов.

В свою очередь, на лиц, наделенных правом представления объектов, обладающих признаками вещественных доказательств, возложить обязанность представлять результаты оперативно-разыскной деятельности, предоставлять соответствующие материалы лицу, в производстве которого находится уголовное дело.

Литература:

1. Алиев, Т.Т. Уголовно-процессуальное доказывание / Т.Т. Алиев, Н.А. Громов, Л.В. Макаров. – М.: «Книга сервис», 2002.
2. Будников, В. Л. Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве. Уголовный процесс: учебник / под ред. С. А. Колосовича, Е. А. Зайцевой. – ВА МВД России, 2002.
3. Гонтарь, С. Н. О субъектах доказывания // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития: материалы X годового научного собрания СКСИ: Ч. II / под ред. Е. Н. Шиянова, О. И. Лепкиной. Москва: Илекса, 2003.
4. Гонтарь, С. Н. Собираение и предварительное исследование следов при производстве следственных действий: учебно-практическое пособие / С. Н. Гонтарь, А.А. Рясков, Н.А. Уваров. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2013.
5. Григорьев, В.Н. О методологии совершенствования доказательственного права / В. Н. Григорьев, А.В. Победин // Государство и право, 2003. - № 10.
6. Давлетов, А. Право защитника собирать доказательства / А. Давлетов // Российская юстиция, 2003.- № 7.
7. Кузнецова, Н. А. Собираение и использование документов в качестве доказательств по уголовным делам: пособие / под ред. С. И. Гирько. - М., 2003.
8. Лифанова, Л.Г. Проблемы реализации конституционных прав лица в досудебном производстве / Л.Г. Лифанова // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводства. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: 22 марта 2013 г. / сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. – СПб: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2013.
9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ в ред. от 13.07.2015 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 01.02.2016).

10. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Азъ Ltd, 1992.
11. Орлов, Ю.К. О процессуальной природе представления вещественных доказательств гражданами и участниками процесса, в органы предварительного расследования / Ю.К. Орлов // Вопросы советского государства и права, Труды Иркутского государственного университета, т. XXXIX, вып. 7, 4.11, Иркутск, 1965.
12. Парфентьев, А. В. Процессуальное регулирование и доказательственное значение применения научных и технических средств в расследовании и раскрытии преступлений: дис. ...канд. юрид. наук.- Москва, 2001.
13. Ратинов, А.Р. Обыск и выемка / А.Р. Ратинова. М., 1961. - С. 10.
14. Рясов А.А. Собираение вещественных доказательств при раскрытии и расследовании преступлений: монография / А.А. Рясов. – Ставрополь: СФ КрУ МВД России, 2012.
15. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. - М., 1958.
16. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / П.И. Тарасов-Родионов. - М., 1955.
17. Теория доказательств в советском уголовном процесс. Ч. общая, М., 1966.
18. Томин, В.Г. Принятие доставленного как следственное действие / В.Г. Томин // Научные труды, вып. 4а, Омск, 1968.
19. Худякова, Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе: дис. ...канд. юрид. наук.- Челябинск, 2006.
20. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс: учебник / М.А. Чельцов. - М., 1962.
21. Чистова, Н.И. Проблемы формулировки в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации дефиниций представления и собирания доказательств субъектами уголовного процесса / Н.И. Чистова // Расследование преступлений: теория и практика, 2005.- выпуск 1- 2.
22. Шапошников, В.Л. Проблемы собирания доказательств стороной обвинения в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук.- Волгоград, 2005.
23. Аветисян, А.Д. Отдельные процессуальные средства противодействия экстремизму / А.Д. Аветисян. // Актуальные проблемы науки: от теории к практике материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. П. Кожаева, О. Ю. - Зевеке. - Москва, 2016.
24. Отаров, А.А. Единство содержания и формы как необходимый признак доказательств, используемых в качестве оснований принятия уголовно-процессуальных решений / А.А. Отаров, Г.Г. Жигалова // Мир науки, культуры, образования, 2014. - №5 (48).

25. Гонтарь, С.Н. Генезис становления и развития конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства (с начала становления российской государственности и до начала XX в.) / С.Н. Гонтарь, Н.А. Уваров // Мир науки, культуры, образования. – 2014. - №5 (48).

Самищенко С. С.,
заведующий кафедрой «Уголовно-правовое обеспечение
национальной безопасности»
Московского технологического университета,
кандидат медицинских наук, доктор юридических наук, профессор
Самищенко А. С.
программист,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ФОРМУЛЫ

Наличие папиллярных узоров на ладонных поверхностях кистей рук и подошвах стоп отмечалось людьми с древних времен. Однако первые классификационные исследования были проведены только в XIX веке. Ф. Гальтон в 1891 году в своей книге «Fingerprints» предложил простую систему классификации пригодную для регистрации, основанную на цифровом обозначении узоров. В Аргентине Ж. Вучетич (H. Vucetich, 1894) на основе гальтоновской классификации предложил свой вариант в котором узоры на больших пальцах обозначались буквами, а на остальных пальцах цифрами. Такие формулы служили для раскладки дактилоскопических карт в дактилоскопической картотеке. Система Вучетича предполагает возможность наличия 4^{10} (1.048.576) различных формул.

В 1891 году Ф. Гальтон при содействии Е. Генри создает систему регистрации, которая в дальнейшем стала основой для большинства наиболее эффективных систем дактилоскопической регистрации.

По Гальтону-Генри выделяются пять типов узоров: простые дуги (Arches – A); елкообразные дуги (Tented arches – T); лучевые петли (Radial loops – R); локтевые петли (Ulnar loops – U); завитки (Whorls – W). Типы узоров предполагалось разделить на подтипы.

В 1905 году Рошером в Германии опубликована работа, в которой он представил модифицированную систему Гальтона-Генри, в которой он заменил буквенные обозначения подтипов узоров на цифровые, переделал порядок занесения данных в регистрационную карточку и изменил еще несколько элементов регистрации.

В России в 1912 году Лебедев в своей работе «Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия (пальцепечатанье)» предложил модифицированную систему регистрации на основе системы Рошара. В ней дактилоскопическая формула представляла собой две дроби: первая из двух цифр – одна в числителе, другая в знаменателе, которые информировали о наличии и местоположении завитковых узоров на

пальцах; вторая дробь – состояла из пяти цифр в знаменателе и пяти в числителе, каждая из цифр обозначала тип и подтип узоров на пальцах. Эту систему положил в основу своей регистрационной системы известный судебный медик и криминалист П.С. Семеновский [1].

Сказанное выше показывает, что термин формула, применительно к оценке распределения папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук человека, использовался практически с конца XIX века с работ Ф. Гальтона и Х. Вучетича.

Хотя термин дактилоскопическая формула появился в лексиконе исследователей папиллярных узоров еще в конце XIX века устойчивого распространения в современной научной и практической литературе он не получил, за исключением случаев описания дактилоскопических регистрационных систем, представленных выше, и тех, которые создавались и работали на практике в последующем.

Об этих системах регистрации четко сказано в классической работе Л.Г. Эджубова (с соавторами) «Статистическая дактилоскопия» [2]. Первый этап развития дактилоскопической регистрации это создание и развитие «формульных систем». Затем формульные системы попытались автоматизировать, но опыт оказался не совсем удачным. Потом на смену формульным системам пришли кодовые, которые и развились до уровня современных АДИС.

Большое внимание исследованию взаиморасположения узоров на концевых фалангах пальцев рук уделил В.Е. Корноухов [3], однако термин дактилоскопические формулы он не использовал, в его работах для обозначения взаиморасположения папиллярных узоров используется термин комбинация узоров.

Интересный вариант использования дактилоскопических формул основной и дополнительной классификации представлен в работе К.Н. Бадикова [4]. Он проводит параллель между психологией поведения отдельных личностей в криминальной сфере, и их дактилоскопическими формулами.

В коллективной монографии «Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития) под общей редакцией Д.В. Исютина-Федоткова в словаре основных терминов понятие дактилоскопической формулы трактуется, как и в большинстве криминалистических работ, только в аспекте дактилоскопической регистрации [5]. Словарное определение дактилоскопической формулы, представленное в работе под редакцией Д.В. Исютина-Федоткова, слово в слово повторяется и в Энциклопедическом словаре «Дерматоглифика», авторы В.Н. Звягин и В.А. Ракитин [6]. Это обусловлено общим источником происхождения, указанным ими, определение взято из «Криминалистической энциклопедии» Р.С. Белкина [7].

В работе коллектива авторов «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза» понятие дактилоскопическая формула используется в традиционном русле при описании десятипальцевой дактилоскопической системы учета. Ими предложено определение дактилоскопической формулы: «Дактилоскопической формулой называется числовое обозначение пальцевых узоров, приданное им в зависимости от их типа и строения» [8].

Буквенное обозначение папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук естественным образом происходит от словесного обозначения узоров. Одним из первых буквенное обозначение узоров применил Х. Вучетич. По Гальтону-Генри основные пять типов узоров тоже обозначались буквами: простые дуги – А (arches – дуга); елкообразные дуги – Т (tented arches); радиальные петли – R (radial loops); ульнарные петли – U (ulnar loops); завитки – W (whorls). Кроме основных типов узоров строчными буквами обозначались и некоторые дополнительные характеристики. Поэтому формула приобретала сложный многобуквенный комплекс, состоящий из нескольких прописных и строчных букв. Формулы были достаточно сложными для восприятия и использования на практике.

Буквенные обозначения отдельно и совместно с цифровыми использовались во многих классификациях. Для создания дактилоскопических картотек, особенно с большим количеством дактилоскопических карт, естественно требовались системы с высокой степенью детализации строения папиллярных узоров. Простого обозначения типов узоров было недостаточно.

Но для работы с небольшими объемами дактилокарт, например, с научными целями, было достаточно простого обозначения типов узоров буквами. Буквенные записи выстраивались в строчку или в виде дроби. Например, запись дактилоскопической формулы А. Эйнштейна выглядит таким образом: WWUWUWWU. Системы записи расположения папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук используется в соответствующих исследованиях и у нас в стране и за рубежом, словесные и буквенные обозначения типов и видов узоров могут несколько отличаться по языковым и иным причинам.

Представленные выше материалы показывают, что понятие дактилоскопическая формула существует в дактилоскопической науке и практике практически с самого зарождения современной дактилоскопии с конца XIX века.

Для оценки всей совокупности папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук в дерматоглифике и дактилоскопии используется такой показатель как дельтовый индекс. Он представляет собой сумму дельт на десяти пальцах. При этом в дуговых узорах дельт нет. В петлевых узорах по одной дельте. В завитковых узорах по две дельты в каждом.

Таким образом, дельтовый индекс может быть от 0 – комбинация из десяти дуговых узоров, до 20, максимум, при десяти завитковых узорах.

Дельтовый индекс одна из основных и фактически единственная дерматоглифическая характеристика папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук. В то время как на ладонях выделяют еще шесть из семи основных дерматоглифических характеристик папиллярных узоров.

Основным недостатком дельтового индекса является его усредненность. При работе с узорами на уровне человеческой индивидуальности дельтовый индекс очень обманчивая характеристика. Дельтовый индекс может быть одинаковым при совершенно разных комбинациях папиллярных узоров. Например, формула WWWWWUUUUU – дельтовый индекс 15, и при комбинации UUUUWWWWW тоже 15, однако с точки зрения и дактилоскопии и дерматоглифики это две очень разные комбинации узоров. В тоже время как групповая характеристика дельтовый индекс вполне интересен и надежен. Проблема дельтового индекса в том, что его как показатель нельзя автоматически переносить с индивидуального уровня на групповой и обратно.

Интересен разброс показателей дельтового индекса в разных популяционных группах. Самый большой дельтовый индекс установлен в Новой Гвинее – 15.45, расчеты произведены на выборке 166 человек. Самые низкие дельтовые индексы в Коста-Рике – 11.01 (выборка 743 человека) и в Венесуэле 11.05 (выборка 119 человек). Среднемировой показатель дельтового индекса 13.23. По нашим данным средний показатель в России 12.388.

Подводя итог сказанному выше можно сделать следующий вывод: по отношению к комбинациям папиллярных узоров концевых фаланг пальцев рук не всегда, но довольно часто, используется термин дактилоскопическая формула, им обозначают различные по форме варианты буквенного, цифрового и смешанного кода комбинаций папиллярных узоров на концевых фалангах пальцев рук, в то время как при идентификационном, диагностическом и прогностическом исследовании папиллярных узоров человека дактилоскопической формулой, по нашему мнению следует называть непосредственно саму комбинацию папиллярных узоров, а многочисленные варианты ее кодирования буквами, цифрами, компьютерными знаками так и следует называть – формы кодирования.

В связи со сказанным выше предлагаем сместить понятие дактилоскопической формулы с вариантов кодирования на сам объект кодирования, и предлагаем следующее определение дактилоскопической формулы: «Дактилоскопическая формула человека – это комбинация папиллярных узоров на ладонной стороне концевых фаланг десяти пальцев, маркирующая свойства человека, которая может быть использована для идентификационных, диагностических и

прогностических целей в криминалистике и смежных областях знаний». Дактилоскопическую формулу можно кодировать различными способами от простого словесного описания до сложного буквенно-цифрового многоуровневого обозначения.

Нами изучены количественные и качественные характеристики дактилоскопических формул человека на массиве 2.849.318 дактилокарт. Исследовались отпечатки пальцев молодых, не судимых мужчин в возрасте 18 – 27 лет, расовый и этнический состав которых пропорционален составу мужского населения России. Из теоретически возможного множества дактилоскопических формул 1.048.576 фактически обнаружено только 32.342 варианта формул, что составляет все лишь 3,084% от теоретически возможного количества.

При этом оказалось, что 90% индивидов в популяции имеют всего лишь первые 1000 – 1200 формул, остальные 10% – 31 тысячу разнообразных формул.

Установленные факты свидетельствуют о наличии неизученного биологического закона, ограничивающего появление и распространение подавляющего большинства теоретически возможных дактилоскопических формул.

Полученные данные о популяционном распространении дактилоскопических формул (мужское население) дают возможность проводить сравнительные исследования отпечатков пальцев различных групп населения. Это, в свою очередь, позволяет получить основания для научного прогнозирования на базе исследования дактилоскопических формул.

По нашему мнению наиболее общей популяционной характеристикой, которая может прогнозироваться на основании дактилоскопической формулы, является биолого-социальная адаптация индивида или группы индивидов.

Качественные и количественные показатели социальной адаптации конкретного индивида зависят от его личностных характеристик и социальных условий, в которых они реализуются.

Возможности социальной адаптации индивида определяются многими биологическими факторами от чисто анатомических, наличие необходимых для жизни частей тела, до сложных биохимических и физиологических. Однако есть среди этих многих факторов такой, который в человеческом обществе играет ведущую роль, при наличии всех прочих нормальных характеристик индивида. Этим фактором является интеллект, в широком понимании этого термина.

Само слово интеллект происходит от латинского *intellectus* – понимание. Из-за сложности этого понятия однозначной его трактовки не существует. Однако если опереться на лингвистическую сущность этого слова, то можно охарактеризовать интеллект как способность понимать

окружающую действительность и на этом основании адаптироваться к ней. Интеллект объединяет все познавательные способности человека, связанные с основными функциями центральной нервной системы, такими как: восприятие, память, эмоции, волевые качества и мышление.

Естественно, что мышление из всех указанных сфер деятельности мозга, наиболее молодая и, следовательно, наиболее высоко стоящая в иерархии функций мозга. Как известно мышлением, подобным человеческому, не обладают даже высшие животные, у них оно выражено в значительно меньшей степени, чем у человека.

Отличительные характеристики человеческого мозга, в сравнении с высшими приматами, формировались под воздействие усложнения трудовых навыков работы руками и звуковой речи. В этот же период, под воздействием фактора труда и звуковой коммуникации изменялись социальные отношения в группах предков человека. Поэтому степень отличия папиллярных узоров человека, как основной сенсорной системы, функционирующей в ходе выработки и осуществления трудовых операций, от папиллярных узоров высших приматов, будет маркировать в определенной части особенности высшей нервной деятельности человека и ее социально-адаптационную реализацию.

Учитывая сказанное выше можно с высокой степенью достоверности предположить, что папиллярные узоры человека и в частности узоры концевых фаланг пальцев рук могут выступать как маркеры различных вариантов мышления человека, реализуемых в социально-адаптационных свойствах человека.

Подобные научные гипотезы уже высказывались в литературе. Например, В.Г. Солониченко и Делоне Н.Л. размышляя об адаптивных фенотипах человека, подчеркнули, что общность эмбрионального, а, следовательно, и филогенетического, происхождения папиллярной кожи и центральной нервной системы, позволила предположить связь признаков дерматоглифики с особенностями функционирования нормальной ЦНС. В подтверждение этому приводятся исследования, установившие взаимосвязь некоторых характеристик папиллярных узоров с определенными параметрами электроэнцефалограмм [9].

Богданов Н.Н. с соавторами установили, что папиллярные узоры большинства серийных убийц маньяков имеют признаки «скрытого левшества», что выражается в наличии более сложных узоров или (и) узоров с большим гребневым счетом на левой руке [10].

Исследования дерматоглифики лиц, злоупотребляющих психотропными средствами, показало у них некоторые статистические отличия характеристик папиллярных узоров. Эти отличия от популяционной нормы проявились: повышенной частотой встречаемости дуг и радиальных петель на отдельных пальцах, высокими средними

значениями гребневого счета различных узоров и повышенным суммарным гребневым счетом [11].

Публикаций, подобных представленным выше, в которых увязываются различные свойства личности со строением папиллярных узоров, в научной литературе значительное количество. Основным недостатком такого рода публикаций является статистическая ограниченность материалов и отсутствие данных о популяционной норме.

Полученные на достоверном статистическом материале характеристики дактилоскопических формул человека, послужили основанием для сравнительных исследований нескольких групп социально дезадаптированных групп индивидов.

Первой исследованной группой были 804.894 дактилоскопических формул лиц, осужденных за «хранение и распространение наркотиков», подавляющая часть из которых, с большой долей вероятности являются наркоманами. Этот массив дактилокарт условно назван база «наркоманы».

В результате сравнения дактилоскопических формул «наркоманов» с популяционной нормой получены интересные и статистически достоверные результаты. Так установлено, что дактилоскопические формулы с преимущественным расположением завитков на левой руке в базе наркоманы примерно в 95% случаев, то есть в подавляющем большинстве, встречаются чаще, чем в основной базе, отражающей популяционную норму. Такую же выраженную тенденцию к увеличению по частоте встречаемости демонстрируют формулы с преимущественным расположением дуговых узоров на левой руке.

В базе «наркоманы» установлено наличие дактилоскопических формул, которые вообще не встречаются в норме. И таких формул около 20% от общей численности.

С популяционной нормой распределения дактилоскопических формул можно сравнивать любые более или менее представительные группы дактилоскопических формул и даже единичные. Например, было проведено сравнение 35 дактилокарт серийных маньяков-убийц с «основной базой» и получены достоверные различия. Так 68,6% маньяков имеют формулы, располагающиеся на половине редких формул списка, а 28,6% маньяков имеют формулы, входящие в группу самых редких формул.

Еще одной группой индивидов с низкой социальной адаптацией являются граждане, чьи неопознанные трупы обнаруживаются правоохранительными органами и долгое время остаются таковыми.

Были исследованы дактилоскопические карты, полученные от 72 неопознанных трупов. Сравнивали частоту встречаемости четырех основных типов узоров и частоту встречаемости дактилоскопических формул от этих индивидов с популяционной нормой. В результате было установлено, что в группе «неопознанные трупы» отмечается

существенный рост завитковых узоров на 5,16% и существенное снижение ульнарных петель – на 5,45%. Количественные изменения радиальных петель и дуговых узоров лежит в пределах одного процента. Частота встречаемости редких формул в группе «неопознанные трупы» на 13.88% больше чем формул с высокой частотой встречаемости, что весьма существенно.

Предварительные исследования дактилоскопических формул детей и подростков с девиантным поведением выявили наличие в этой группе повышенного количества редких дактилоскопических формул и повышенную встречаемость формул с дуговыми узорами [12]. Отклонения дактилоскопических формул от нормы в этой группе выражено на много значительнее, чем в группах «наркоманы» и «маньяки».

Выявление значительных отличий количественных и качественных характеристик дактилоскопических формул в группах индивидов с измененной социальной адаптацией в сравнении с популяционной нормой, свидетельствует о наличии четкой взаимосвязи дактилоскопических формул человека с уровнем социальной адаптации индивидов. Отмеченное создает предпосылки для дальнейших исследований, результаты которых позволят проводить научно обоснованное дактилоскопическое и дерматоглифическое прогнозирование.

Литература:

1. Семеновский П.С. Дактилоскопия как метод регистрации. - М.: Изд-во Розыск республики, 1923. – 113 с.
2. Статистическая дактилоскопия: методические проблемы / под ред. Л.Г. Эджубова. - М.: Городец, 1999. – 184 с.
3. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1990. – 416 с.; Корноухов В.Е. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, Ю.Ю. Ярослав, Т.В. Яровенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 320 с.
4. Бадиков, К.Н. Психодерматоглифический метод комплексного исследования следов рук в криминалистике: понятия, методика, перспективы развития: монография / К.Н. Бадиков. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 280 с.
5. Исютин-Федотков, Д.В., Каразей, О.Г., Мухин, Г.Н. Криминалистическая дерматоглифика (история, современность, перспективы развития) / под общ. ред. Д.В. Исютина-Федоткова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 104 с.
6. Звягин, В.Н. Дерматоглифика: энциклопедический словарь / В.Н. Звягин, В.А. Ракитин. – Пермь: Пресстайм, 2012. – 386 с.

7. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: 2000. – 334 с.
8. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: практич. пособие / под ред. канд. юрид. наук, доц. И.А. Анищенко. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
9. Солониченко, В.Г. Адаптивные фенотипы человека в физиологии и медицине / В.Г. Солониченко, Н.Л. Делоне // Успехи физиологических наук. – 1999. - № 2. С. 56.
10. Богданов, Н.Н. Дерматоглифика серийных убийц / Н.Н. Богданов, С.С. Самищенко, А.И. Хвыля-Олинтер // Вопросы психологии, 1998. - № 4. - С. 61-65.
11. Ким, В.В. Особенности пальцевой дерматоглифики у мужчин, систематически употребляющих психоактивные вещества / В.В. Ким, Л.С. Тупицина, Е.С. Гнусарева // Теория и практика физической культуры, 2005. - № 8, - 53-55.
12. Самищенко, С.С. Дактилоскопическая формула человека: понятие и перспективы использования / С.С. Самищенко, А.С. Самищенко, К.В. Шевелева // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во СПб университета МВД России, 2015. – С. 298–304.

Саньков В. И.,
старший преподаватель кафедры криминалистики
ФГКОУ ВО «Академия следственного комитета
Российской Федерации»,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В отечественной юридической литературе проблеме следственных ошибок на протяжении последних десятилетий справедливо уделяется важное внимание с учетом негативных последствий, которые они имеют для решения задач уголовного судопроизводства. Вопросам сущности и классификации следственных ошибок посвящены труды Р.С. Белкина, О.Я. Баева, А.Б. Соловьёва, С.А. Шейфера, Н.Л. Гранат, В.С. Бурдановой, Г.А. Зорина, В.И. Власова, В.И. Комиссарова, С.И. Цветкова и других авторов.

Важным направлением изучения следственных ошибок является обобщение следственной и судебной практики, осуществления прокурорского надзора [см. напр.: 5].

Основной идеей в определении сущности следственных ошибок является их непреднамеренность, неумышленный характер, что отличает их от преступлений, служебных проступков, допускаемых умышленно. Так, Р.С. Белкин отмечал, что «именно добросовестное заблуждение отличает ошибку в судопроизводстве от профессиональных упущений, нарушений, должностных проступков и даже преступлений против правосудия» [1, с.166-167].

Авторами учебно-практического пособия, посвященного криминалистическим проблемам обнаружения и устранения следственных ошибок, под таковой понимается «непреднамеренное заблуждение, выраженное в неверной оценке релевантной информации и принятии следователем необоснованного процессуального решения по уголовному делу» [3].

Разновидностью следственных ошибок, наряду с уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными, являются криминалистические, которым даются различные определения. Принимая во внимание основные разделы криминалистики, логично классифицировать криминалистические ошибки на тактические, при применении технических средств, методические. С.Ю. Якушин определяет криминалистическую ошибку в общем виде как «заблуждение, в результате которого имеет место неправильное применение криминалистических средств и рекомендаций (технических, тактических, методических)» [10, с. 4-6].

Наиболее часто в поле зрения ученых-криминалистов попадают тактические ошибки. Большое внимание им уделял профессор С.И. Цветков.

Согласно его определению, «тактическая ошибка – это обусловленное не-правильной или неполной оценкой следственной ситуации решение следователя (дознателя, оперативного работника), реализация которого в процессе досудебного производства не привела к достижению тактической цели или осложнила ее достижение. ... Очевидно, что с данным понятием не могут быть связаны грубые нарушения уголовно-процессуального законодательства и преступления против правосудия. И в любом случае тактические ошибки не должны быть связаны с дисциплинарной ответственностью следователя, поскольку вся его деятельность осуществляется в условиях тактического риска» [8, с. 85-91].

По мнению С.Ю. Якушина, «тактическая ошибка следователя представляет собой обусловленное его недостаточным профессионализмом либо иными факторами добросовестное заблуждение относительно оценки сложившейся ситуации, выражающееся в неверном прогнозировании, определении актуальных тактических задач, принятии тактических решений, в том числе без учета тактического риска, в неверном избрании необходимых тактических средств либо их использовании» [11, с. 5-6].

Ю.П. Боруленков обоснованно утверждает, что «необходимо четко отграничить следственную ошибку от отступления от закона. ... По нашему мнению, некоторые ученые и практические работники за понятием «правовая ошибка» пытаются скрыть откровенное нарушение закона, невыполнение рекомендаций криминалистики и отсутствие элементарных навыков организации работы, ссылаясь на незнание следователя. Правовое невежество не может переводить нарушение закона в разряд правовой ошибки» [2, с. 46-51].

Таким образом, общим и главным признаком, отличающим тактические ошибки, как разновидность следственных, является добросовестное заблуждение следователя. Между тем, в разряд подобных ошибок, с учетом достаточно подробной регламентации криминалистических правил, содержащихся как в уголовно-процессуальном законе, так и в учебно-методической литературе, при условии надлежащего обучения следователей и овладения ими навыками расследования преступлений, может попасть довольно ограниченное число следственных ошибок и упущений.

Следственная ошибка в таком узком понимании может иметь место там, где следователь добросовестно заблуждается в силу своей неопытности, сложного характера следственной ситуации, допускающей различные варианты решений, недостаточно четкой законодательной регламентации порядка производства следственных действий, влекущей его неоднозначное толкование и т.п. Например, ст.194 УПК РФ, регламентирующая порядок производства проверки показаний на месте, прямо не предусматривает возможность изъятия в ходе этого следственного действия обнаруженных предметов, следов, но и не содержит такого запрета, причем целью проверки показаний на месте как раз и является установление новых обстоя-

тельств, имеющих значение для уголовного дела, которыми являются, в том числе, предметы и следы, на которые указывает лицо, чьи показания проверяются. Следственная и судебная практика по этому вопросу неоднозначна, в юридической литературе приводятся аргументы в пользу возможности изъятия в ходе проверки показаний объектов, имеющих отношение к делу. Правильность или неправильность действий следователя в данном случае зависит от усмотрения правоприменителя, дающего им оценку (руководителя следственного органа, прокурора, суда). С целью устранения неопределенности в толковании данной нормы уголовно-процессуального закона, исключения ее возможных нарушений, оптимизации порядка проведения проверки показаний на месте целесообразно внести в ст. 194 УПК РФ изменения, позволяющие изымать обнаруживаемые в ходе ее производства объекты.

Согласно словарю С.И. Ожегова, добросовестный – значит честно выполняющий свои обязанности. В свою очередь, честный – проникнутый искренностью и прямоотой, заслуживающий уважения, безупречный [7, с. 172, 880]. Добросовестно заблуждающийся следователь субъективно оценивает свой вариант поведения только положительно, как единственно возможный и верный, безупречный с точки зрения закона и методических рекомендаций. В то же время редкий следователь, особенно начинающий, при нормально развитом чувстве самокритики, сможет дать столь высокую оценку своим действиям и тактическим решениям. В итоге под определение следственной ошибки подпадает сравнительно небольшая доля разновидностей неправильного поведения следователя. Гораздо чаще в практике встречаются случаи, когда следователь, не оценивая свои действия, как идеальные, тем не менее, совершает их, неосторожно (опрометчиво, поспешно, непродуманно, невнимательно), легкомысленно относясь к возможным отрицательным последствиям. Именно такой характер имеют в большинстве случаев неправильные, неумышленные действия следователя, которые можно определить как упущения в его работе (в зависимости от раздела криминалистики – тактическое упущение, при использовании технических средств, упущение в методике расследования преступлений). В том же словаре С.И. Ожегова упущение толкуется как ошибка по небрежности, недосмотр.

На наш взгляд, понятие тактической ошибки или упущения следователя не должно ограничиваться такими признаками, как обязательное наступление каких-либо отрицательных последствий и их фиксация в официальных документах – актах ведомственного контроля, прокурорского надзора или судебного реагирования. Ошибки, упущения могут и не повлечь за собой неправильные процессуальные решения или иное существенное нарушение интересов участвующих в деле лиц в силу ряда причин, не находящихся в зависимости от неправильных действий следователя. Например, ввиду достаточности собранных доказательств, позволяющих принять

в итоге верное процессуальное решение. Далеко не всегда недостатки в следственной тактике находят отражение в процессуальных документах. Однако от этого допущенная ошибка не перестаёт быть таковой. Независимо от положительного итога расследования, отсутствия существенного нарушения прав участников уголовного судопроизводства, ошибки необходимо своевременно выявлять и давать им соответствующую оценку, несмотря на иногда кажущуюся их малозначительность. Именно такой подход к исследуемой проблеме позволит повысить эффективность борьбы со следственными ошибками вообще и тактическими в частности [подробнее об этом см.: 4].

В отличие от ошибок и упущений, неправильные действия (бездействие) следователя в сфере применения криминалистических знаний, совершенные умышленно, можно охарактеризовать как нарушения. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, нарушить – значит преступить, не соблюсти, нарушить закон, нарушить правила приличия, нарушить договор, нарушить порядок [6]. Криминалистические нарушения означают умышленное несоблюдение определенных, каким-либо образом регламентированных правил, в частности, установленных уголовно-процессуальным законом. К их числу относятся, например, запрет задавать наводящие вопросы в ходе допроса, проверки показаний на месте.

Сложнее обстоит дело в случае несоблюдения правил, носящих характер криминалистических рекомендаций, содержащихся, как правило, в научно-методической, учебной литературе. Отсутствие их законодательной регламентации осложняет вопрос оценки действий следователя и привлечения его в случае необходимости к ответственности. Между тем, существует ряд тактических рекомендаций, несоблюдение которых также негативно отражается на достижении задач уголовного судопроизводства. Очевидно, что при проверке показаний на месте недопустимы не только наводящие вопросы, как это закреплено в действующей редакции ст. 194 УПК РФ, но и подобное поведение, высказывания, комментарии участников следственного действия, в связи с чем назрела необходимость внесения соответствующих дополнений в указанную норму закона. К числу универсальных тактических приемов, пока что имеющих лишь рекомендательный характер, используемых при допросе подозреваемых (обвиняемых), как признающих вину, так и отрицающих ее, а также свидетелей и потерпевших, относится максимально возможная детализация показаний.

До тех пор, пока не будет решен вопрос о законодательном закреплении наиболее важных, апробированных, показавших свою эффективность тактических приемов, криминалистических рекомендаций, необходимо придать им обязательный характер путем издания ведомственных организационно-распорядительных документов. По классификации профессора Е.Е. Центрова, подобные рекомендации относятся к тактическим предписаниям [9, с. 14-28]. Факты нарушения таких требований, правил и

привлечение к ответственности за их невыполнение должны получать отражение в ведомственных нормативных актах (указаниях, решениях служебных совещаний, коллегий и т.п.).

Криминалистические ошибки, упущения, нарушения можно объединить более общим понятием, например, недостатками. Все перечисленные варианты неправильного поведения следователя объективно вредны для достижения целей уголовного судопроизводства, поэтому должностные лица, осуществляющие руководство следственными органами, процессуальный контроль, обязаны принимать меры, направленные на выявление, устранение, предупреждение всех криминалистических недостатков. Тем более что граница между ошибками, упущениями и нарушениями может быть достаточно условной. Например, то, что для начинающего следователя является ошибкой, добросовестным заблуждением, для его более опытного коллеги может быть упущением, а иногда и умышленным нарушением. Субъективная же сторона недостатков криминалистического обеспечения предварительного следствия имеет значение для их оценки и решения вопроса об ответственности допустивших их должностных лиц.

Актуальность и сложность вопросов, связанных со следственными ошибками вообще, и криминалистическими, в частности, предполагает дальнейшее их обсуждение и разработку действенных мер по их предупреждению.

Литература:

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА - М), 2001.
2. Боруленков, Ю.П. Правовые ошибки: постановка проблемы / Ю.П. Боруленков // Российский следователь, 2014. - № 7.
3. Карагодин, В.Н. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: учебно-практическое пособие / В.Н. Карагодин, Е.В. Морозова. - Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003.
4. Саньков, В.И. Тактические ошибки следователя при получении и проверке признания в убийстве (причины, предупреждение, нейтрализация последствий): дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.
5. Следственные ошибки: учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность»/ [авт.-сост. А.М. Багмет, и др.]; под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
6. Толковый словарь Ушакова Д.Н. URL: [http: // dic. academic. ru/ contents. nsf/ ushakov/](http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/)(дата обращения 29.01.2016).

7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. - М.: Русский язык, 1990.
8. Цветков, С.И. Тактические решения и тактические ошибки / С.И. Цветков // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: материалы всероссийской научно-практической конференции, г.Краснодар, 23-24 мая 2002 г. – Краснодар, 2002.
9. Центров, Е.Е. Сущность и основные понятия криминалистической тактики / Е.Е. Центров // Вестник криминалистики, 2015. - №2 (54).
10. Якушин, С.Ю. Тактические ошибки следователя / С.Ю. Якушин // Российский следователь, 2009. - № 9.
11. Якушин, С.Ю. Преодоление тактических ошибок при расследовании преступлений / С.Ю. Якушин // Российский следователь, 2009. - № 10.

Сахарова Е. Г.,
старший преподаватель кафедры организации
расследования преступлений и судебных экспертиз
Тюменского института повышения квалификации
сотрудников МВД России
(г. Тюмень)

ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Криминалистика, как наука, направленная на повышение эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, разрабатывает, в том числе и рекомендации по тактике производства следственных действий.

По уголовным делам о причинении вреда здоровью допрос потерпевшего является одним из основных следственных действий с точки зрения информативной значимости и собирания доказательств. Посредством допроса потерпевшего следователь получает наибольшее количество сведений об обстоятельствах преступления, его участниках, источниках информации о преступлении. Извлечь из показаний потерпевших наибольший объем информации, имеющей значение для расследования уголовного дела, позволяет знание и применение совокупности знаний криминалистической тактики, уголовно-процессуального законодательства, судебной психологии и практический опыт следователя.

На первый взгляд допрос потерпевшего не представляет особой сложности, поскольку допрашиваемому причинен вред и он теоретически должен помогать следователю установить истину по уголовному делу и добиться привлечения виновного к заслуженному наказанию.

Фактически не всегда потерпевший дает объективные и достоверные показания, что зависит от многих факторов: особенностей личности (психического состояния, способности запоминания и умения передавать воспринятую информацию), установки на допрос (желание говорить правду, либо давать ложные показания).

Достоверность показаний потерпевшего по делам о причинении вреда здоровью должна проверяться в ходе предварительного расследования, как и другие доказательства.

При допросе может сложиться ситуация, когда потерпевший желает давать правдивые показания, но в силу добросовестного заблуждения его показания оказываются не соответствующими действительности. При этом необходимо учитывать, что его показания формируются на основании субъективных, объективных, а также случайных или закономерных факторов. Следует также предвидеть возможность оказания давления на потерпевших со стороны заинтересованных в исходе дела лиц.

В соответствии со ст. 78 УПК РФ потерпевший может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в том числе о взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым, а также рассказать о своем субъективном восприятии ситуации преступления. Однако показания потерпевшего должны быть оценены следователем критически. Это объясняется тем, что особое положение потерпевшего как жертвы преступления, а также заинтересованного по делу лица, оказывает влияние на восприятие последним события преступления. Кроме того, как уже отмечалось, показания потерпевшего должны оцениваться наравне со всеми другими собранными по делу доказательствами и не имеют каких-либо преимуществ перед ними.

Одна из причин изменения потерпевшим показаний – воздействие на них самих преступников, их родственников, близких, знакомых, а иногда и родственников потерпевших. Наши исследования показывают [1], что формами такого воздействия в отношении потерпевшего могут быть: угрозы, попытки примирения с потерпевшим; угрозы, т.е. обещание субъекта противодействия причинить материальный ущерб либо физический вред лицу (или его близким, родственникам, друзьям), не выполняющему определенные требования; физическое воздействие, т.е. нанесение побоев, телесных повреждений; обман.

Оказание воздействия на потерпевшего может повлечь с его стороны следующие действия, которые также следует учитывать при оценке его показаний: сокрытие совершенного преступления от органов следствия и суда; уничтожение следов преступления или вещественных доказательств; выдвижение ложного алиби; отказ от дачи показаний или умолчание об интересующих орган расследования сведениях; инсценировка причинения повреждений; неявка в правоохранительные органы по вызову.

Показания потерпевшего, а также занятая им позиция в процессе расследования зависят от особенностей его отношений с преступником. По изученным делам в 177 (46,6 %) преступлениях потерпевший был связан с преступником родственными отношениями; в 126 (33,2 %) делах обвиняемый и потерпевший были знакомы по месту жительства, работе, учебе и при других обстоятельствах; только в 14 случаях (3,6 %) познакомились непосредственно перед преступлением или не были вообще знакомы.

Следующий фактор, который следует учитывать при оценке показаний потерпевшего – это его поведение до преступления и в момент совершения преступления. Поведение потерпевшего до преступления, и непосредственно в момент преступления может быть: а) положительным, заключающимся в защите третьего лица от нападения, в требовании прекращения нарушения или пресечения нарушения; б) негативным, заключающимся в нападении, в оскорблениях, скандалах, издевательствах, ином ненадлежащем поведении; в) нейтральным, то есть таким, которое не способствовало и не препятствовало преступнику [2].

Изложенное подтверждается нашими данными. Поведение потерпевшего перед преступным посягательством на него выглядит следующим образом: распивал спиртное вместе с подозреваемым – 140 (36,6 %); явился инициатором ссоры, драки – 65 (17,1 %); обоюдная ссора – 184 (48,4 %); вел себя нейтрально по отношению к подозреваемому – 34 (8,9 %).

Допрашивая потерпевших и оценивая их показания, следует помнить об особенностях восприятия события в состоянии сильного возбуждения, страха. Преступные воздействия на жертву преступлений, направленных на причинение вреда здоровью, вносят специфические изменения в его личность, своеобразным отражением чего являются психические состояния потерпевших, которые существенным образом влияют на протекание психических процессов и проявления психических свойств личности [3].

Известно, что страх «растягивает» временные промежутки, «увеличивает» размеры орудия нападения, рост преступника, количество нападавших. Быстрое чередование событий снижает возможность запоминания. Поэтому при допросе обязательно выясняются мысли, чувства, восприятие деталей обстановки во время преступления, которые могут быть проверены в дальнейшем [4].

Таким образом, при получении и проверке показаний потерпевшего, как предлагал еще в 1967 году А.Р. Ратинов [5], необходимо исследовать не только соответствие действительности конечных оценок и суждений потерпевшего, но и реальность его чувственной основы, проверяя в необходимых случаях, воспринимал ли он те признаки и свойства, на которых основаны оценки и суждения.

Литература:

1. В процессе исследования было изучено 380 уголовных дел, связанных с расследованием причинения вреда здоровью.
2. Ривман, Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений / Д.В. Ривман. – Ленинград, 1975. С. 42-43.
3. Центров, Е.Е. Основы криминалистического учения о потерпевшем: автореферат дисс... д.ю.н. – М., 1993. - С. 10.
4. Питерцев, С.К. Тактические приемы допроса / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. – СПб, 1998.
5. Ратинов, А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М., 1967. С. 20.

Светличный А. А.,
доцент кафедры «Судебная экспертиза и таможенное дело»
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
кандидат юридических наук
(г. Тула)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ОСМОТРЕ ТРУПА НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

Как показывает практика, одним из наиболее распространенных и информативных с точки зрения получения доказательственной информации следственных действий на первоначальном этапе расследования убийств следует признать осмотр.

Данное следственное действие является наиболее важным, так как уже в ходе его производства, в результате предварительного установления личности убитого, например, по обнаруженным при нем документам, а также по способу убийства, иным данным об обстоятельствах происшествия, полученным при осмотре, возможно выдвижение версий о совершении преступления, что, соответственно, сказывается на планировании дальнейшего хода расследования.

В соответствии со ст. 176 УПК РФ, осмотр представляет собой самостоятельное следственное действие, целью которого является обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, поэтому мы полностью поддерживаем мнение А.И. Дворкина, определяющего цели осмотра как моделирование механизма совершенного преступления, поиск оставшихся следов, которые, в свою очередь, могут помочь в составлении антропологического, биологического и психологического портрета преступника и тем самым заложить основу в вопросе его поиска [1]. Подобного мнения придерживаются и другие исследователи [2].

Производство осмотра требует хорошей организации и серьезного внимания, поэтому мы полагаем, что перед выездом на место происшествия для осмотра следователю крайне важно организовать информационно-тактическое и материально-техническое обеспечение предстоящего следственного действия с целью получения наиболее полной информации о произошедшем событии.

Существенная роль в успешном, квалифицированном проведении осмотра принадлежит специалисту, о чем неизменно упоминается на страницах научной литературы [3].

УПК РФ предусматривает 6 видов следственного осмотра: 1) места происшествия; 2) местности; 3) жилища; 4) иного помещения; 5) предметов и документов; 6) трупа (ст.ст. 176, 178 УПК РФ).

Исходя из особенностей криминалистической характеристики убийств, по нашему мнению, важное значение для получения доказательственной информации, в том числе при помощи использования специальных знаний, особенно на первоначальном этапе расследования, будут иметь результаты грамотно и своевременно проведенного осмотра места происшествия и трупа.

Отметим, что осмотр места происшествия издавна рассматривается в специальной литературе в качестве неотложного следственного действия, позволяющего рассчитывать на получение ценной для расследования информации [4]. Криминалистически значимая информация, полученная при качественном осмотре места происшествия, позволяет начать заполнение ячеек информационного поля расследования и служит основанием для оценки следственной ситуации, выдвижения версий и планирования первоначального этапа расследования преступления. Изучение обстановки места происшествия позволяет получить информацию о преступлении, установить факты, объясняющие механизм совершения преступления, а также характеризующие лицо, его совершившее.

Как показывают материалы изученных нами уголовных дел, производство первоначальных следственных действий и соответствующих оперативно-розыскных мероприятий при расследовании убийств начинается после получения сообщений о совершении криминальной акции, при этом в большинстве случаев (более 72 %) характеризующейся наличием на месте совершенного преступления трупа или его останков. Как полагают Д.А. Степаненко и Д.Ю. Яковлев, в подобных случаях важное внимание следует уделять совместному проведению следователем и специалистом предварительного исследования [5] для получения данных о механизме, условиях, обстоятельствах совершения преступления, личности преступника и другой необходимой для раскрытия преступления информации [6]. Объектами такого исследования будут являться следы и иные объекты, обнаруженные на месте происшествия. Однако следует учитывать, что специалист в данных ситуациях существенно ограничен во времени и в выборе методов исследования, поэтому его выводы будут носить лишь общий характер.

На основании проанализированных протоколов следственных действий мы полагаем, что осмотр места происшествия по делам данной категории следует проводить эксцентрическим способом, то есть сначала осмотреть труп и ложе трупа, а затем - местность вокруг трупа, обходя кругами всю территорию места происшествия. Однако хотелось бы особо отметить, что если рядом с трупом обнаружены какие-либо следы, которые могут быть уничтожены при его осмотре, целесообразно сначала осмотреть и принять меры к их сохранению и изъятию.

Перед осмотром положение трупа необходимо зафиксировать посредством обзорной (с разных сторон), узловой (труп на фоне ориентира, во взаимосвязи с предметами и следами возле трупа) и детальной фото-

съемки и/или видеозаписи. При детальной съемке трупа используется, как правило, метод линейной панорамы, чтобы повреждения на одежде и теле трупа, а также следы наслоения инородных тел смотрелись крупным планом.

О высокой значимости осмотра трупа для установления фактических обстоятельств убийства часто упоминается на страницах специальной литературы [7], мы же предлагаем акцентировать свое внимание именно на действиях сведущих лиц при производстве указанного следственного действия.

Исходя из положений уголовно-процессуального законодательства, одним из обязательных условий осмотра трупа является участие в производстве названного следственного действия судебно-медицинского эксперта, а при невозможности участия последнего - участие в осмотре трупа врача.

Следует также иметь в виду, что в Постановлении Министерства труда РФ от 3 октября 2002 года № 64 установлено тождество наименований должностей «судебно-медицинский эксперт», «судебно-медицинский эксперт (эксперт-химик)» и «эксперт бюро судмедэкспертизы» наименованию должности «врач - судебно-медицинский эксперт» [8].

Как показывает практика, в зависимости от способа совершения убийства, имеющихся у следователя версий, в осмотре, кроме врача, целесообразно участие специалистов и других отраслей знания, например, в области химии, биологии, пожарного дела и др., задачей которых будет обнаружение, закрепление и изъятие максимального количества доказательственной информации посредством использования разнообразных технических средств.

Например, при осмотре трупа А.Литвиненко, погибшего в результате отравления радиоактивным веществом, целесообразно было бы привлечь специалистов в области химии для определения источника отравления и проведения соответствующих следственных мероприятий. Из-за низкой проникающей способности альфа-частиц, которые испускает при распаде полоний, его обнаружение специалистом не представлялось возможным

Для поиска необходимой информации при осмотре следует обращать внимание на точное местонахождение тела; расположение трупа по отношению к окружающим предметам, в том числе расположение отдельных частей тела; состояние одежды и обуви; наличие на ней повреждений, загрязнений, пятен; обнаруженные на трупе и одежде (в том числе в ее карманах) предметы; характер повреждений на одежде, наличие на ней следов, пятен, особых меток; местоположение найденных около трупа предметов; поза трупа; состояние и цвет кожного покрова; наличие обнаженных суставов верхних и нижних конечностей; цвет трупных пятен; расположение на теле трупных пятен; наличие (отсутствие) ожогов, поврежде-

ний тела, копоты, наличие пятен, брызг и потеков крови на отдельных предметах обстановки, степень трупного окоченения [9] и др.

Однако мы полагаем, что выяснение этих данных не является основным поводом для обязательного участия специалиста, состоящего на должности судебно-медицинского эксперта либо имеющего медицинское образование в области судебной медицины, так как и расположение трупа на месте происшествия, и его позу, пол, примерный возраст и внешний вид одежды и обуви может выяснить и описать в протоколе сам следователь. По нашему мнению, основная цель привлечения специалиста в данном случае будет заключаться в оказании консультативной помощи при описании нарушений целостности кожного покрова: порезов, колото-резаных, ножевых и пулевых ранений; вероятностных причин смерти; орудий, с помощью которых были нанесены те или иные травмы; акцентирует внимание следователя на локализации, форме, размерах, краях и других особенностях повреждений тупыми предметами; при падении с высоты - на положении трупа по отношению к объекту; при автомобильной травме - на положении трупа по отношению к частям дороги и т.п. В этой связи справедливо замечание И.А. Варченко, А.А. Сафонова и С.М. Колотушкина, что только лицо, обладающее специальными знаниями, в частности, в области следообразования, может квалифицированно и грамотно зафиксировать и правильно оценить имеющиеся следы преступления, особенно, если с момента обнаружения трупа и его осмотра прошел немалый период времени, вследствие чего они подверглись уничтожению или естественному изменению [10].

Как показывает практика, зачастую протоколы осмотра составляются крайне небрежно, во многих случаях их содержание не позволяет получить должное представление о состоянии трупа. Описание внешности и особых примет погибших выполняется произвольно и не поддается систематизации. Редко в прилагаемых к протоколам осмотров фототаблицам можно встретить фотоснимки трупов, выполненные в соответствии с правилами сигналетической (опознавательной) фотографии (менее 30%).

Как следует из 149 изученных нами материалов уголовных дел, в 65 % случаев в протоколах осмотров недостаточно подробно описываются находящаяся на трупе одежда, состояние посмертных явлений, характер и локализация телесных повреждений, окружающая обстановка. В 69 % случаев в протоколе и фото- и видеофиксации зачастую недостаточно четко и досконально отражается процесс удаления из ран фиксированных в них предметов (оружие или орудия) и других инородных тел, в случаях, когда такая необходимость имеет место быть непосредственно на месте происшествия.

Мы полагаем, что устранения обозначенных проблем при составлении протокола осмотра трупа следователю необходимо как можно чаще привлекать специалиста. Применяя свои специальные знания, он не толь-

ко поможет грамотно и верно закрепить в протоколе необходимую для следствия информацию, но и акцентировать внимание на наиболее важной информации и особенностях и специфических чертах каждого конкретного случая.

В тех случаях, когда убийство было совершено с применением огнестрельного оружия, при осмотре трупа специалисту важно предварительно определить, относятся ли повреждения на трупе к огнестрельным. Если они являются таковыми, то после осмотра трупа, наряду с другими следами, следует организовать поиск стреляных пуль, гильз, оружия. Выясняется, с какого расстояния произведены выстрелы.

Например, в процессе расследования убийства предпринимателя Олега П., при помощи электронно-оптического преобразователя на одежде темного цвета потерпевшего были обнаружены соответствующие следы выстрела, позволившие, в дальнейшем идентифицировать оружие, из которого было произведено снайпером выстрелы.

Особо велика роль специалиста в тех случаях, когда преступники пытались скрыть либо полностью уничтожить труп жертвы и осмотр обнаруженного трупа или его останков производится только лишь спустя достаточно продолжительное количество времени.

Используя свои специальные знания, уже при поверхностном осмотре, специалист может сообщить следователю важную информацию для оперативного принятия мер последним по дальнейшей координации и планированию хода расследования. Так, например, если труп, находился на открытой местности и подвергался воздействию различных насекомых, то по характеру и степени этих повреждений можно судить о давности наступления смерти. По словам А.Н. Коновалова и А.В. Втюрина, среди энтомофауны трупа наибольшее значение имеют мухи. В теплое время года уже вскоре после смерти (в течение первых часов) в окружности глаз, в отверстиях носа, во рту, в ранах можно увидеть большое количество яиц мух. Уже на вторые сутки появляются личинки червеобразной формы белого цвета, которые, выделяя протеолитические ферменты, активно поедают мягкие ткани трупа. Питаясь круглосуточно, они на 2-й неделе утолщаются до 0,3 - 0,4 см, длина их достигает 1,5 см. К концу 2-й недели личинки перестают питаться и окукливаются, образуя ложный кокон, или пупарий, в котором находится куколка [11]. Следовательно, обнаружив и проанализировав на месте осмотра данные признаки, специалист без проведения судебно-медицинской экспертизы может приблизительно сказать о давности наступления смерти.

При этом считаем необходимым подчеркнуть, что только при грамотном и четко спланированном взаимодействии следователя со специалистом и судебно-медицинским экспертом (врачом) исследование трупа на первоначальном этапе расследования будет осуществлено на уровне самых высоких требований, при максимальном использовании всех возможных

техничко- и тактико-криминалистических средств, приемов и методов для наиболее благоприятного дальнейшего хода расследования преступления, поимки и наказания виновных лиц.

Таким образом, подчеркивая важность и необходимость участия специалиста при осмотре трупа на месте происшествия, отметим, что именно по итогам этого следственного действия следователь не только получает исходную информацию о личности потерпевшего, но и уже может строить первоначальные версии, планировать дальнейший ход расследования, иными словами, характеризуя труп как источник криминалистически значимой информации при расследовании убийств, отметим, что с ее помощью формируется информационная база для дальнейших неотложных следственных действий и оперативных мероприятий.

Литература:

1. Осмотр места происшествия: практическое пособие / под ред. А.И. Дворкина. – М.: Юрист, 2001. - С. 10.

2. Таубкин, И.С. О повышении качества осмотра жилых помещений по делам о поджогах с целью сокрытия убийств или их совершения // Эксперт-криминалист, 2015. - № 4. - С. 10; Белкин, А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство, 2015. - № 2. - С. 15; Мамонов, В.С., Степанов В.В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения: моногр. – М., 2010. С. 33; Подопригора, А.А., Игнашин В.И. Новый справочник следователя: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент: Справ. – Ростов н/Д, 2006. - С. 3; Пропастин, С.В. Следственный осмотр: проблема определения целей и задач // Современное право, 2012. - № 5. - С. 133; Руководство для следователя по осмотру места происшествия / под ред. И.А. Попова, Г.В. Костылевой, Н.Е. Муженской. – М., 2010. - С. 7 – 8; Хижняк, Д.С. Осмотр места происшествия: учеб. пособие. – М., 2007. - С. 8, 12 – 13; Шошин, А.А. Некоторые процессуальные аспекты осмотра места происшествия, осмотра местности и помещений // Российский следователь, 2012. - № 6. - С. 8.

3. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. – М., 1998. - С. 37; Брусницын, В.И. Расследование преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств. – Владивосток, 2002. - С. 54 – 56; Кобзев, Г.В. Тактика осмотра места происшествия по отдельным видам убийств: дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. С. 15; Рассейкин, Д.П. Осмотр места происшествия и трупа при расследовании убийств. – Саратов, 1967. - С. 13, 16; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1970. - Т. 2. - С. 125; Толстухина, Т.В. Использование специальных знаний при расследовании неосторожных

преступлений, связанных с аварийными взрывами: монография. – Тула, 2012 и др.

4. Белкин, Р.С. Очерки криминалистической тактики. – Волгоград, 1993; Быховский, И.Е. Осмотр места происшествия. – М., 1973; Смирнов, К.П., Четко, И.Д., Голяев, В.Г. и др. Комплексная методика определения очага пожара. – Л., 1986; Смыслов, В. И. Осмотр места происшествия. – М., 1980.

5. Степаненко, Д.А. Актуальные вопросы использования специальных знаний при осмотре места происшествия при обнаружении скелетированных останков / Д.А. Степаненко, Д.Ю. Яковлев // Российский следователь, 2012. - № 12. - С. 11.

6. Предварительные криминалистические исследования следов на месте происшествия: учеб. пособие. – М., 1987. С. 3 – 5.

7. Например, Свицерский О.А., Овод И.В. Осмотр трупа на месте его обнаружения врачом медицинской части учреждения УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление, 2014. - № 2. - С. 20; Яновский Р.С. Следственный осмотр в уголовном судопроизводстве // Законность, 2012. - № 5. - С. 36; Исаенко В. О проблемах единообразного толкования и применения норм УПК РФ о производстве отдельных следственных действий // Уголовное право, 2009. - № 2; Шикано, В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. - С. 65; Семенов, Е.А. Участие специалиста в осмотре трупа: пути совершенствования законодательства // Эксперт–криминалист, 2009. - № 1. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс» и др.

8. Об установлении тождества наименований должностей «Судебно-медицинский эксперт», «Судебно-медицинский эксперт (эксперт-химик)» и «Эксперт бюро судмедэкспертизы» наименованию должности «Врач - судебно-медицинский эксперт»: постановление Министерства труда РФ от 3 октября 2002 г. № 64. Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.11.2002 № 3907 // Российская газета, 14.11.2002. - № 216.

9. Алимуратов, Г.Б. Особенности осмотра места происшествия при расследовании убийств / Г.Б. Алимуратов // Эксперт-криминалист, 2010. - № 3. - С. 3.

10. Варченко, И.А. Особенности организации первоначальных оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию убийств, связанных с расчленением трупа / И.А. Варченко, А.А. Сафонов, С.М. Колотушкин // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы второй Всероссийской научно-практической конференции 29-30 ноября 2012 г. – Москва, 2012. - С. 20.

11. Коновалов А.И. Медико-криминалистическое значение трупной фауны (повреждения трупа в биотопе) / А.И. Коновалов, А.В. Втюрин // Эксперт–криминалист, 2006. - № 2. [Электронный ресурс]: СПС «КонсультантПлюс». – (Дата обращения 13.01. 2016)

Семыкина О. И.,
старший научный сотрудник
отдела зарубежного конституционного, административного,
уголовного законодательства и международного права
Института законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ОБЕЩАНИЯ ВЗЯТКИ

Многие конвенционные положения, например, Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 21 ноября 1997 г. (ст. 1) [1], Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (ст. ст. 2, 3, 8, 12) [2], Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. (ст. 8) [3], Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. (ст. ст. 15, 16) [4], – в совокупности содержат рекомендацию о «внедрении» в национальное уголовное законодательство *обещания и предложения в двух структурно сложных блоках преступлений*: во-первых, обещания и предложения активного и пассивного подкупа в частном и публичном секторах; во-вторых, обещания и предложения выгод в целях получения каких-либо преимуществ в результате злоупотреблений служебным и должностным положением. В данном контексте обратимся к забытому (более чем 150-летнему) опыту такой криминализации, свидетельствующему о «генетической» обусловленности закрепления в российском уголовном законодательстве такого признака объективной стороны взяточничества, как принятие предложения и обещания взятки.

Рассмотрение генезиса норм русского уголовного законодательства XIX – начала XX вв. об ответственности за должностные и служебные преступления говорит об исключительном внимании законодателя к криминализации способов взяточничества (как преступления против государственной и общественной службы) и служебного подкупа (как преступления против порядка управления), в том числе их предложения и обещания. Например, в силу положений ст. ст. 372 – 382 гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» разд. V «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5], юридическая природа взяточничества не изменялась и тяжесть преступления не смягчалась: 1) когда деньги, вещи и иные блага были только *обещаны* чиновнику, как посулы, однако в таком случае учитывалось «последовало ли в деле послабление закона» именно в результате

взятки либо она не являлась «побуждением к тому»; 2) когда сумма подаренных или *обещанных* денег, вещей и иных благ была незначительной; 3) когда взятки переданы чиновнику не прямо, а через посредника под предлогом какой либо мнимозаконной и благовидной сделки (под предлогом проигрыша, продажи, мены и пр.) [6].

Таким образом, Уложение о наказаниях признавало преступлением *принятие* подарка или только *обещания* его в целях послабления силы закона в будущем, независимо от размера и свойства подарка, от принятия его непосредственно или через посредников (содействующих и подставных лиц), открыто либо в скрытой форме (под прикрытием законной сделки). Криминализация предложения и обещания взятки, в ч. 1 ст. 372 Уложения о наказаниях об ответственности за *получение взятки* выражалось в формулировке «если подарок принят или получен *уже после исполнения того, за что он был предназначен*», а в ст. 376 – «получивший взятку равномерно признавался виновным и подвергался определенным за преступления сего рода наказаниям в случаях...когда деньги или вещи были еще не отданы, *а только обещаны ему по изъявленному им на то желанию и согласию*».

Уголовное Уложение 1903 г. [7] практически декриминализовало предложение и обещание взятки, во-первых, в составах гл. VI «О неповиновении власти» о служебном подкупе (ст. 149) и подкупе избирателей (ст. 150); и, во-вторых, в нормах гл. XXXVII «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» об ответственности за получение взятки (ст. 656), вымогательство взятки (ст. 657), незаконные поборы (ст. 658) и содействие взяточничеству (ст. 660). Разработчики проекта Уголовного Уложения, пытаясь преодолеть неопределенность сложной и подробной системы наказуемости лихоимства в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, выделили в нем отдельный вид – «*покушение на обольщение чиновника честного предложением взяток или иными обещаниями*» [8]. Законодателем была оставлена лишь одна норма об ответственности за подкуп присяжных заседателей (в том числе состоящих в списке запасных), содержащая указание на «*принятие предложенной*» ему (или им) *взятки* в качестве оконченного состава преступления (ст. 659).

Как и в современной литературе, мнения дореволюционных исследователей о криминализации предложения и обещания взятки не отличались единством, не смотря на положительное решение этого вопроса законодателем. Например, В.Н. Ширяев, признавая неполноту и неточность определения взяточничества, приведенного Н.А. Неклюдовым, полагал, что предложение и обещание взятки может быть признано оконченным с момента их *доведения до сведения мздоима*, соответственно, установления факта непосредственного согласия на принятие поступившего предложения или обещания – не требуется [9]. А.Я. Эстрин, опираясь на сравнительно-правовое исследование опыта уголовного законодательства зарубежных го-

сударств в части криминализации предложения и обещания взятки, констатировал, что обещание взятки следует рассматривать как случаи продолжаемого преступления, в котором сохраняется единый умысел, и изменяются только формы проявления взаимоотношений между взяткодателем и взяткополучателем, таким образом, подлежит распространению принцип «*Mutatis Mutandis*» [10], с вытекающими из него поправками на правила квалификации продолжаемых преступлений.

Резюмируя приведенные суждения можно заключить, что рекомендуемая в международных правовых стандартах криминализация предложения и обещания взятки [11] в российском уголовном законодательстве *детерминируется исторической обусловленностью*, подкрепляется некогда существовавшими законодательными положениями и теоретическими разработками. С учетом этого обстоятельства нельзя безапелляционно констатировать новаторский характер модернизации современного отечественного уголовного законодательства в этой сфере.

При положительном исходе вопроса о криминализации в российском уголовном законодательстве предложения и обещания взятки либо злоупотребления должностными (или служебными) полномочиями необходимо осознавать комплексный характер таких изменений. Речь должна вестись не о новой редакции одной или двух норм УК РФ (например, о даче и получении взятки), а об *институте уголовной ответственности за предложение, обещание определенных преимуществ, включающем в свою структуру совокупность обособленных разнообъемных норм. Особенной части УК РФ, законодательная конструкция которых предполагает ответственность за дачу или получение благ, выгод и преимуществ либо злоупотребление положением и превышение полномочий для их приобретения.*

Оговоримся, Федеральный закон РФ от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [12] «возродил» жизнь уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Применительно к генезису развития отечественного уголовного законодательства в сфере борьбы с должностными преступлениями коррупционной направленности, криминализация посредничества во взяточничестве не является новеллой. Например, уголовная ответственность за данное деяние регламентировалась в Судебниках 1497 г. (ст. 38) и 1550 г. (ст. 32), Уложении о наказании уголовном и исправительном 1845 г. (ст. 380), Уголовном Уложении 1903 г. (ст. 659), Декрете СНК от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» (ст. 3), УК РСФСР 1926 г. (ст. 118) и УК РСФСР 1960 г. (ст. 174¹ УК РСФСР) [13]. Небезынтересно отметить, что в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ ответственность за *предложение и обещание по-*

средничества во взяточничестве находит легальное закрепление и, как ни странно, по мнению законодателя, в отличие от ст. ст. 290 и 291 УК РФ, не требует квалификации как неоконченное преступление. В этом случае: а) ставится под сомнение соблюдение принципа системности уголовного законодательства и б) нарушаются критерии соразмерности наказания.

Важно не забывать и тот аспект, что любому сознательному предложению и обещанию выгод, благ или преимуществ, корреспондирует *сознательное согласие* с предложением и обещанием предоставить либо принять оговариваемые выгоды, блага, преимущества или же оказывать посредничество в этом вопросе. В современной юридической литературе проблемный, на наш взгляд, вопрос о криминализации наряду с предложением и обещанием еще и согласия на получение предмета преступления, затрагивается весьма редко. Вместе с тем, ретроспективный анализ дореволюционного законодательства и доктрины уголовного права периода XIX – начала XX вв. об ответственности за должностные и служебные преступления, позволяет констатировать высокую степень его проработки. В частности, глубокие суждения по этому поводу имелись как в научных трудах [14], так и содержались в комментариях к уголовному законодательству [15]. В целом, объективная сторона согласия на предложение и обещание коммерческого подкупа, дачи взятки, получения взятки, посредничества во взяточничестве и злоупотреблений должностными (служебными) полномочиями может быть выражена: 1) путем активного действия к принятию обещанного или предложенного предмета (благо принято); 2) посредством бездействия в получении соответствующего предмета (благо не возвращено).

С учетом придания *согласию* принять предложенное либо обещанное «подношение» характера криминообразующего признака либо его полное «игнорирование» в структуре состава преступления, можно определить *три модели криминализации предложения и обещания* взятки либо злоупотреблений полномочиями и признания их оконченными на более ранней либо более поздней стадии преступной деятельности:

1) *модель уголовно-правовой нормы, включающая указание на двустороннее соглашение принятия предложения и обещания между взяткодателем и взяткополучателем, взяткодателем и посредником, взяткополучателем и посредником* (иными словами, наличие всех элементов сделки – акцепта, оферты и единого умысла на реализацию условий сделки или посредничества в ней). К слову сказать, этот путь криминализации предложения и обещания взятки был избран в *Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.* в нормах об ответственности за получение взятки (ст. ст. 376) и в *Уголовном Уложении 1903 г.* – в составе взяточничества присяжных заседателей (ст. 659).

Однако при таком подходе все же возможны случаи квалификация предложения и обещания со ссылкой на ч. 2 ст. 30 УК РФ (приготовление

к преступлению). Например, как неоконченное преступление будет расцениваться выраженная в одностороннем порядке готовность субъекта к предложению и обещанию взятки, злоупотреблений и посредничеству, без согласия на то другой стороны предполагаемой коррупционной сделки. Возможно, именно из этой посылки исходили разработчики проекта Уголовного Уложения 1903 г., предложившие выделить в отдельный вид взяточничества *«покушение на обольщение чиновника честного предложением взятки или иными обещаниями»* (ст. 107 проекта) [16].

2) *модель уголовно-правовой нормы, построенная с учетом возможности квалификации как оконченного преступления «одностороннего» предложения и обещания* готовности дать или принять выгоды, преимущества и иные блага за оказание определенных услуг и злоупотреблений полномочиями. Это деяние предполагает формальную конструкцию состава преступления, когда для признания преступления оконченным достаточно наличия одного элемента – выраженного в доступной форме предложения или обещания взятки. Такой вариант криминализации *уже используется в УК РФ* при определении оснований ответственности за предложение и обещание посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1). Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях» [17] четко оговаривается, что *обещание или предложение* посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных *на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве* (абз. 1 п. 26).

3) *смешанная модель уголовно-правовой нормы об ответственности за предложение и обещание взятки*, предполагающая построение по типу усеченного состава преступления с учетом одного из критериев:

а) придание согласию статуса криминообразующего признака в квалификации предложения и обещания как оконченного преступления либо неоконченного преступления зависит от вида преступления (например, в составе получения взятки такой способ присутствует, а в составе дачи взятки – он не обозначается в диспозиции уголовно-правовой нормы) [18]. Такая модель криминализации предложения и обещания взятки присутствует в *Уголовном кодексе Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ* [19], согласно ст. 311.1 которого для признания получения взятки (пассивного взяточничества) оконченным необходимо непосредственное *«принятие предложения или заверения об этом лично или через посредника, для себя либо третьих лиц материальных и иных благ, льгот или привилегий за какие-либо действия (бездействие), связанное с исполнением служебной обязанности (полномочий) должностного лица, равно за общее покровительство или попустительство по службе»*. Однако в соответствии со ст. 312.1 УК – для признания оконченным дачи взятки

(активного взяточничества) *достаточно лишь «предложения» и «заверения»* должностного лица прямо или косвенно лично или через посредника, о *передаче* ему самому либо третьим лицам материальных и иных благ, льгот или привилегий за совершение какого-либо действия либо отказ в совершении такого действия, связанного с исполнением служебной обязанности (полномочий).

б) установление согласия на получение предложения и обещания взятки как альтернативного способа их совершения наряду с односторонним волеизъявлением взяткодателя, взяткополучателя или посредника (например, через широко употребляемую в УК РФ категорию *«а равно»*). Аналогичный критерий используется в *Уголовном кодексе Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV* [20]. На основании ст. 333 получение взятки признается оконченным с момента 1) *притязания на получение*, 2) *согласия принять или принятие*, лично или через посредника, арбитром, избранным или назначенным для разрешения какого-либо спора путем арбитража, лицом, управляющим коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией либо работающим для такой организации, участником спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари, не полагающихся ему имущества, услуг, преимуществ или выгод в любой форме, для себя или для другого лица, *а равно* 3) *принятие предложения или обещания* таковых за выполнение или невыполнение либо затягивание или ускорение выполнения действия, входящего в его служебные обязанности, или в нарушение своих обязанностей, а также в рамках спортивного мероприятия или мероприятия, предложенного для заключения пари.

Безусловно, приведенные модели уголовно-правовых норм об ответственности за предложение и обещание взятки, не претендуют на истину в последней инстанции, и, возможно, наш законодатель выберет иной путь имплементации конвенционных рекомендаций в данной сфере противодействия коррупции.

Литература:

1. СЗ РФ, 2012. - № 17. - ст. 1899; СЗ РФ, 2012. - № 6. - ст. 622.
2. СЗ РФ, 2009, - № 20. - ст. 2394.
3. СЗ РФ, 2004. - № 40. - ст. 3882.
4. Бюллетень международных договоров, 2006. - № 10. - С. 7–54.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов Российской Империи. В пяти книгах. Книга пятая. Т. XIII – XVI. Т. XV. СПб., 1912. - С. 47.
6. Ширяев, В.Н. Взяточничество и лиходейство в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследо-

вание / В.Н. Ширяев. – Ярославль, 1916. - С. 425–427; 479–481.

7. Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание Государственной Канцелярии, 1903. - С. 65–66; 266–268.

8. Уголовное Уложение: Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. II. Главы 2-я – 7-я. СПб., 1895. - С. 317.

9. Ширяев, В.Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование / В.Н. Ширяев. – Ярославль, 1916. С. 529–530.

10. Эстрин, А.Я. Взятничество в доктрине и законодательстве / А.Я. Эстрин // Труды кружка уголовного права при С.-Петербургском университете / С предисловием и под ред. пр.-доц. М.М. Исаева. С.-Петербург, 1913. - С. 158–159, 166, 168, 170, 174–175, 180.

11. Хабриева, Т.Я., Федоров, А.В., Каширкина, А.А., Морозов, А.Н., Борисов, С.В., Семькина, О.И., Цирин, А.М. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой, профессора А.В. Федорова. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. - С. 244–249.

12. Рос. газ. 2011. 6 мая. № 97.

13. Шмонин, А.В., Семькина, О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. профессор, доктор юридических наук, А.В. Шмонин. – М.: Юрлитинформ, 2013. С. 349–350.

14. См., напр.: Ширяев, В.Н. Взятничество и лиходействие в связи с общим учением о должностных преступлениях: уголовно-юридическое исследование. – Ярославль, 1916. С. 529–530; 541–544.

15. См., напр.: Уголовное Уложение: Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. II. Главы 2-я – 7-я. СПб., 1895. С. 317; Уголовное Уложение: Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. VIII. Глава 37. СПб., 1895. С. 511.

16. Уголовное Уложение: Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. II. Главы 2-я – 7-я. СПб., 1895. С. 317; Уголовное Уложение: Объяснения к проекту редакционной комиссии. Т. VIII. Глава 37. СПб., 1895. С. 511.

17. БВС РФ. 2013. № 9.

18. Современные тенденции развития уголовного законодательства о

преступлениях экономической направленности (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 2. С. 327–338.

19. Гл. 33 «Коррупционные преступления и иные преступления против интересов службы» // Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (по состоянию на 30 мая 2014 г.) // Законодательство стран СНГ [Сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2670. – (Дата обращения 14.01.2016)

20. Гл. XVI «Коррупционные преступления в частном секторе» // Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (по состоянию на 9 апреля 2015 г.) // Registrul de stat al Actelor Juridice al Republicii Moldova [Сайт]. URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/>. – (Дата обращения 14.01.2016)

Славгородская О. А.,
доцент кафедры криминалистики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права»,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Саратов)

РЕАЛИЗАЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

К социальным запросам действительности необходимо отнести повышение качества расследования преступлений и формирование стандартов осуществления данной деятельности на высоком профессиональном уровне, лишенном формализма и соответствующего ориентирам «искусственной деятельности», заложенных Г. Гроссом.

Посредством решения задачи повышения уровня расследования реализуется созидательная функция криминалистики или функция внедрения и практической реализации достижений криминалистики в деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений [1].

Необходимость обращения к вопросам повышения качества поисково-познавательной деятельности в процессе расследования связана с тенденцией снижения уровня доверия к возможностям криминалистики. Что соответственно приводит к изменению качества деятельности по расследованию преступлений в неблагоприятном направлении.

Акцентируя внимание на возможностях современной криминалистики, Н.П. Яблоков подчеркивает, что имеющийся потенциал позволяет раскрывать практически любое преступление. Однако существует расхождение имеющихся возможностей с реалиями действительности. Ученый отмечает, что «фактически же уровень раскрытия преступлений на практике, к сожалению, не соответствует указанным возможностям криминалистики. Происходит это либо в силу криминалистической безграмотности лиц, осуществляющих расследование, или в результате пренебрежения принципами и рекомендациями науки криминалистики. Пренебрежение же наукой всегда оборачивается уродливым деформированием практики» [2].

Изменение сложившейся ситуации в позитивном ключе означает совершенствование основ формирования криминалистически ориентированного подхода со стороны лиц, осуществляющих деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

В основе деятельности по расследованию преступлений лежит процесс получения, обработки и использования различных видов информации, позволяющей установить все обстоятельства, содеянного. Одной из ключевых проблем при решении данной задачи является выявление всех воз-

можных источников криминалистически значимой информации. Решить эту проблему возможно посредством внедрения достижений криминалистики в практическую деятельность.

Следовательно, основу успешного расследования преступления, наряду с профессиональными действиями со стороны лица его осуществляющего составляет получение, и использование объективной криминалистически значимой информации.

Источники информации о событии преступления расширяются за счет внедрения в практику расследования достижений научного прогресса. Однако, при всей востребованности современных возможностей науки и появления новых источников доказательств неизменным остается привлечение в целях установления всех обстоятельств преступления его очевидцев.

В настоящее время практически расследования не одного преступления не может обойтись без использования показаний свидетелей, являющихся альфой и омегой уголовного процесса поскольку «обыкновенно предметом свидетельского показания является преступное событие или отношение к нему определенного лица» [3].

Процедура получения свидетельских показаний на стадии предварительного расследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1. Установление очевидцев, 2. Обеспечение явки свидетеля для дачи показаний, 3. Получение показаний от свидетеля.

Каждый этап характеризуется определенной спецификой и требует применения тактически обоснованных методов, позволяющих получать от свидетелей наиболее полную и объективную информацию.

Особенности использования информации, носителями которой являются очевидцы события обусловлены тем, что свидетели зачастую являются незаменимыми, а порой и единственными источниками данных обо всех обстоятельствах совершенного преступления, выступая носителями идеальных следов преступления.

Идеальные следы - это отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и (или) к нему прикосновенных (например, укрыватели преступления и т.п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей именуемые интеллектуальными или памятными следами [4].

Л.А. Суворова характеризует идеальные следы преступления с позиции содержания криминалистически значимой информации, которая воспринимается человеком, посредством отражения. Процесс отражения реализуется с помощью органов чувств в виде мысленных образов, воспроизводимых в дальнейшем в доступной для исследования форме. Возможности исследования информации предшествует ее извлечение из памяти средствами определенными законодательно [5].

Совокупность признаков идеальных следов определяет не только их своеобразие, но и специфику методов выявления и использования. Все субъективные факторы присущие свидетельским показаниям не умаляют их значения в процессе доказывания по уголовным делам. Причем показания незаинтересованных очевидцев преступления подчас являются более ценными с точки зрения их полноты, конкретики и достоверности, чем показания потерпевших, особенно в тех ситуациях, когда последние подверглись физическому насилию [6].

Свидетельские показания, являясь зачастую важным источником доказательственной информации, недостаточно изучены с точки зрения возможностей оценки содержания и характера обладаемой информации. Кроме того, возможности максимального истребования той информации, обладание которой и делает свидетеля незаменимым участником уголовного судопроизводства, в настоящее время не соответствуют потребностям практики.

Необходимость в переориентировании системы подготовки следователей на выработку совокупности знаний и навыков, позволяющих решать задачи любого уровня сложности в процессе осуществления профессиональной деятельности, представляет наиболее эффективный способ оптимизации следственной деятельности.

Одним из аспектов формирования соответствующего подхода служит разработка и внедрение в практику подготовки и переподготовки следователей компонента основанного на особом виде мыслительной деятельности. В связи, с чем представляет интерес подход профессора Н.П. Яблокова, который видит выход из сложившейся ситуации в разработке теоретической концепции криминалистического мышления. Создание подобной концепции потребует деятельности большого коллектива ученых-криминалистов, философов, психологов, математиков и других. В результате формирования теоретической базы подобного криминалистического мышления станет возможным решение не только криминалистических, но и иных юридических задач любой сложности. И на сформированной теоретической основе реально станет обучение его приемам в объеме необходимом для следственной деятельности [7].

Даная концепция согласуется с творческим подходом к расследованию уголовных дел, ориентированном на формирование у следователя готовности к различным ситуациям. Проблемный характер складывающихся в процессе расследования ситуаций предопределяет способность следователя к поиску новых приемов и способов действия, и придает его работе ярко выраженный творческий характер [8].

Формирование мышления позволяющего творчески решать разнообразные задачи в процессе осуществления поисково-познавательной деятельности требует в первую очередь получения устойчивых навыков работы с различными источниками информации. Основой успешной работы

следователя является умение эффективно получать и использовать уже имеющуюся информацию в процессе расследования.

Поскольку в процессе расследования преступлений одной из ключевых проблем является отсутствие либо недостаточность криминалистически значимой информации, то следует расширять информационную базу, в том числе за счет оптимизации процесса получения свидетельских показаний. Как показывает практика, среди всех следственных действий, допрос относится к числу наиболее востребованных способов получения доказательств.

В свое время, при оценке фактических затрат рабочего времени следователя, было установлено, что 27,3% рабочего времени следователь уделяет производству допроса и только 4% иным следственным действиям [9]. Относясь к категории так называемых личных доказательств, допрос способствует получению сведений от лиц, непосредственно осведомленных относительно обстоятельств совершенного преступления, его участников или иную информацию.

Допрос свидетелей при всей своей распространенности требует различной степени подготовки, определяемой ситуацией его производства.

Производство допроса свидетелей, не оказывающих противодействие расследованию, может происходить в следующих ситуациях: 1. Лицо добровольно сообщило о своей осведомленности в отношении расследуемого преступления или же выявило свою осведомленность в процессе действий по выявлению свидетелей. Потребность в совместной деятельности со стороны лица, вызванного на допрос в подобной ситуации в качестве свидетеля, может быть обусловлена его активной жизненной позицией, необходимостью сообщить информацию, имеющую значение для расследования. В подобном случае адаптация свидетеля будет происходить без особых сложностей и при тактически правильном поведении следователя, возможность возникновения конфликтной ситуации минимальна. 2. Свидетель в силу различных обстоятельств скрывает свою осведомленность в отношении расследуемого преступления. Установить подобное лицо удастся после комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в целях выявления всех лиц, располагающих информацией имеющей значение для расследования.

Однако, в последнее время в отношении получения и использования свидетельских показаний наблюдается тенденция уменьшения использования информации, получаемой от свидетелей в процессе расследования преступлений.

Ситуация негативного отношения к свидетельским показаниям и снижения объема их использования в качестве доказательств основана на возрастающем уровне недоверия к объективности информации, сообщаемой свидетелем и возможности последующего изменения ранее данных показаний. Причем процесс возникновения своеобразной пропасти в от-

ношении к свидетельским показаниям обусловлен двухсторонним характером просчетов науки и практики.

Со стороны теоретического упущения следует отметить, что в настоящее время отсутствует разработанное и сформировавшееся криминалистическое учение о личности свидетеля. И это несмотря, на то, что обоснованность существования данной частной криминалистической теории является неотъемлемой частью объективной реальности и обуславливается совокупностью ряда факторов.

В основе формирования криминалистического учения о личности свидетеля лежит понимание того, что оно основано на теоретическом обосновании единого подхода к существованию так называемых «идеальных следов преступления», как самостоятельного вида следов. Информационное содержание идеальных следов состоит в отражении в сознании лица, воспринимавшего событие преступления или обладающего иной информацией, имеющей значение для расследования мысленного образа происшедшего события. Исследование данных следов имеет долгую историю, и его основы должны использоваться в совокупности с разработками, касающимися изучения личности свидетеля в целях повышения эффективности расследования.

Актуальной задачей должно стать формирование на основе разработанного криминалистического учения о личности свидетеля построения алгоритмов работы со свидетелями, в зависимости от ситуации расследования, типа личности свидетеля и категории преступления.

Решение подобной задачи позволит достигнуть дальнейшего развития теоретических основ криминалистики и сформировать обоснованные рекомендации прикладного характера.

Литература:

1. Волынский, А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики / А.Ф. Волынский // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3. – С. 64-65.
2. Криминалистика. Учебник для вузов. отв. редактор проф. Н.П. Яблоков. - М.: Издательство БЕК, 1995. – 708с. – С. 1-2.
3. Скопинский, А.В. Свидетели по уголовным делам / А.В. Скопинский. - М.: Книжный магазин И.К. Голубева под фирмой Правоведение, 1911. – С. 4.
4. Баев, О.Я. Основы криминалистики: курс лекций / О.Я. Баев. - М., 2001. - С. 57.
5. Суворова, Л.А. Идеальные следы в криминалистике / Л.А. Суворова. - М.: Юрлитинформ, 2010. - С. 32.

6. Еникеев, М.И. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов // СПС Консультант плюс, 2015. - (Дата обращения 10.04.2015.)

7. Яблоков, Н.П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня. / Н.П. Яблоков // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях. Сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 9-10.

8. Боруленков, Ю.П. Процессуальная самостоятельность следователя как неперемное условие творческого подхода к расследованию уголовных дел / Ю.П. Боруленков, А.Б. Гранкина // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник науч.-практических трудов. Выпуск 4. – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. - С. 342.

9. Михайлов А.И. Научная организация труда следователя / А.И. Михайлов А.Б. Соловьев, Л.А. Соя-Серко. - М.: Юрид. литература, 1974. – 216с. – С. 127.

Смык Е. И.,
адъюнкт кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя
(г. Москва)

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕИСПОЛНЕНИЕМ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Раскрытие и расследование любого преступления во многом определяется грамотным и качественным проведением следственных действий. Одним из основных следственных действий, обеспечивающих раскрытие и расследование преступления, является допрос подозреваемого.

В данной статье нами будет рассмотрен допрос подозреваемого по преступлениям, связанным с неисполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Допрос можно определить как следственное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном законом порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов или специалистов об известных им фактах, имеющих значение для расследуемого дела [1, с.356].

Допрос подозреваемого по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего имеет свои особенности.

Во-первых, следует отметить, что по делам указанной категории подозреваемыми выступают лица, на которых по закону возложены обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних и которые данные обязанности не исполняют или исполняют ненадлежащим образом. К таковым относятся, прежде всего, родители несовершеннолетнего, представители дошкольных учреждений (воспитатели детских садов, ясельных групп), представители образовательных учреждений (педагоги); представители медицинских учреждений (врачи, участковые врачи).

Во-вторых, при допросе подозреваемого круг вопросов, которые необходимо выяснить в процессе осуществления допроса, зависит от того, кем является подозреваемый по отношению к несовершеннолетнему (родителем, воспитателем, педагогом и т.д.).

В-третьих, прежде чем приступить к допросу подозреваемого по делам данной категории, необходимо подробно изучить личность подозреваемого лица, его склонности, привычки и способности, если в качестве подозреваемого выступает воспитатель или педагог, необходимо установить стаж работы, отношение к работе, собрать характеризующий материал.

Если в качестве подозреваемого выступает родитель несовершеннолетнего, ему могут быть заданы следующие вопросы.

Общие вопросы:

- имеет ли он постоянное место работы;
- употребляет ли он спиртные напитки или наркотические средства; если да, с кем именно;
- как часто к нему приходят его знакомые, с которыми он занимается распитием спиртного;
- является ли потерпевший его родным сыном или дочерью;
- привлекался ли ранее к ответственности; если да, к какой именно.

Задав общие вопросы, необходимо перейти к частным, которые будут складываться из конкретной ситуации:

Если неисполнение обязанностей по воспитанию выражалось пренебрежением нуждами и интересами ребёнка подозреваемому лицу могут быть заданы следующие вопросы:

- почему он не обеспечивает своего ребёнка необходимыми игрушками, книгами и т.д.;
- почему тот не имеет своего спального места и постельных принадлежностей;
- почему у ребёнка нет необходимой одежды и обуви.

Если жестокое обращение выражалось в форме психического насилия над ребёнком, следует выяснить следующие обстоятельства:

- в связи с чем он придирается к нему, оскорбляет, унижает его человеческое достоинство, не обеспечивает его едой, необходимой для его физического развития;
- в связи с чем он прививает ему взгляды и установки, пропагандирующие жестокость, агрессивность, ненависть, неуважение к закону и другим людям.

Если применялось физическое насилие необходимо выяснить:

- за какие проступки подозреваемый применяет к несовершеннолетнему наказания, какие именно;
- почему он выбирает наказания, связанные с издевательством над ребёнком;
- как часто и за что он наносит побои несовершеннолетнему;
- какие предметы для этого использует.

В том случае, если в качестве подозреваемого выступает воспитатель или педагог, необходимо выяснить следующее:

- давно ли он воспитывает или обучает потерпевшего;
- почему у него возникли неприязненные отношения к нему;
- почему и как он его оскорбляет, обращается с ним грубо и пренебрежительно; унижает его человеческое достоинство в присутствии других учеников и воспитанников;

- причинял ли он ему телесные повреждения; в связи с чем; как на это реагировали присутствовавшие при этом ученики и воспитанники, другие учителя, директор;

- принимал ли он, какие-либо меры к изменению своего отношения к потерпевшему, если да, какие именно.

Хотелось бы отметить, что допрашиваемые в качестве подозреваемого, не зависимо от своего социального положения, не всегда дают правдивые и объективные показания, пытаются «запутать» дознавателя, а иногда и вовсе отказываются от дачи показаний. Очень часто получить правдивые показания удаётся лишь после длительных, настойчивых усилий дознавателя, в результате умелого применения целого ряда тактических приёмов. К таковым приёмам можно отнести следующие:

1) установление психологического контакта между дознавателем и подозреваемым;

Человек, глубоко раскаивающийся в совершённом преступлении, ещё задолго до допроса испытывает угрызения совести, чувство стыда, сожаления о содеянном. Такой подозреваемый, видя в дознавателе человека, сопереживающего вместе с ним, желающего объективно разобраться в случившемся, проникается доверием к дознавателю и начинает давать правдивые показания. Такая позиция подозреваемого, безусловно, является основой для установления контакта между дознавателем и допрашиваемым [2, с. 129-130].

2) создание благоприятной обстановки для осуществления допроса;

Обстановка в которой осуществляется допрос должна способствовать к даче правдивых показаний, должно быть исключено присутствие при допросе посторонних лиц. Кроме этого, спокойный, ровный тон дознавателя, его эмоциональная уравновешенность снимает напряжённость у допрашиваемого, а стремление дознавателя объективно, непредвзято разобраться во всём вызывает у допрашиваемого доверие к нему.

По мнению Г.Г. Шиханцова, при допросе подозреваемого по делам данной категории целесообразно использовать следующие тактические приёмы:

- допрос с использованием ассоциативных связей;
- повторный допрос по ограниченному кругу вопросов;
- убеждение – обращение дознавателя к здравому смыслу допрашиваемого, побуждении его к раскаянию и чистосердечному признанию;
- использование положительных свойств личности;
- создание «незаполненности»;
- форсированный темп допроса [2, с. 138].

Более сложным может оказаться установление контакта с подозреваемым, настроившимся на дачу заведомо ложных показаний, да ещё к тому же ранее судимым. Иногда в подобной ситуации контакт установить не удаётся. Допрос приобретает характер противоборства, и в таких условиях

психологической задачей дознавателя является внушение подозреваемому уважения к своему противнику, чувства безнадежности его обмануть [2, с. 130].

В заключение хотелось бы напомнить, согласно ст.187 УПК РФ допрос не может длиться непрерывно более 4 часов, причём общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов [3].

Исходя из анализа изученной нами судебной практики, по делам о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, необходимо сделать вывод о том, что в 50 % случаев допрос подозреваемого составляет в среднем от 30 минут до 1 часа, в 40% случаев допрос составлял от часа до полутора часов. Существуют единичные случаи, когда допрос подозреваемого длится менее 30 минут (10 %) [4]. Это связано, прежде всего, с тем, что подозреваемый отказывается давать показания в силу ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, допрос подозреваемого имеет существенные отличия от допроса иных участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Филиппов, А.Г. Криминалистика: учебник / под общей ред. А.Г. Филиппова.- 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшее образование, (Университеты России), 2009. - С. 356.
2. Шиханцов, Г.Г. Юридическая психология. Учебник для вузов / Г.Г. Шиханцов. Изд. 2-е. –М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2006. - С.129-130.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, КноРус, 2016. - ст. 187.
4. Изучено 10 уголовных дел, рассмотренных судами г. Москвы и Тверской области.

Сотников С. С.,
преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России
(г. Ставрополь)

**ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО
ОБХОДА УЧАСТКОВЫМ УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПОЛИЦИИ В
ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЁННЫХ НА АДМИНИСТРАТИВНЫХ УЧАСТКАХ**

В настоящее время вопрос о практических мерах совершенствования требований нормативно-правовых актов определяющих вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции в территориальных органах МВД России на районном уровне является дискуссионным. В деятельности территориальных органов внутренних дел сохраняются просчеты и недостатки, не позволяющие с большей эффективностью обеспечивать общественную безопасность и охрану общественного порядка, что, прежде всего, связано с недооценкой роли управленческой деятельности, которая характеризуется недостаточным влиянием на территориальные органы.

Реализация требований приказа МВД России от 31.12.2012г. №1166 определяющего «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции»[1] должна сопровождаться мерами организационно-практического и методического обеспечения, со стороны подразделений обеспечивающих контрольно-методическое сопровождение деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции и соответствующих руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне. Причём данные меры должны обеспечить максимальную эффективность в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции и повысить общественное мнение о работе участковых уполномоченных полиции со стороны населения обслуживаемого административного участка.

Практика реализации требований приказа МВД России от 31.12.2012г. №1166 территориальными органами МВД России на районном уровне показывает, что при планировании оперативно-служебной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции, не анализируются информация, характеризующая криминогенную обстановку; прогноз ее развития; количественные и качественные показатели преступности; в том числе тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на бытовой почве, состояние административной практики; состояние профи-

лактической работы, в том числе работы по профилактике тяжких и особо тяжких преступлений, выявлению превентивных составов преступлений, региональные программы профилактики преступности, решения органов государственной власти и местного самоуправления, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности; имеющиеся недостатки в организации работы.

Руководством кадрового аппарата, а так же руководством территориальных ОМВД не осознается важность и приоритетность задач, возложенных МВД России на участковых уполномоченных полиции.

Недостатки в работе по подбору руководящего состава службы крайне отрицательно сказываются на качестве организации работы участковых уполномоченных края. Должности начальников подразделений участковых уполномоченных полиции длительное время остаются вакантными. Участковым уполномоченным полиции, обслуживающим вакантные административные участки, не устанавливается дополнительная выплата за совмещение обязанностей в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Руководством территориальных органов МВД России на районном уровне не в полной мере осознается важность задач по работе с населением, проживающим на территории обслуживания, не всегда при подготовке графиков приема граждан на участковых пунктах полиции учитывается режим работы организаций, предприятий, учреждений, расположенных на административных участках, различные местные условия и особенности и предусматривается обязательное осуществление приема граждан в вечернее время, не созданы условия для проведения профилактической работы участковыми уполномоченными полиции в жилом секторе, не соответствует требованиям МВД России качество организации профилактических обходов участковым уполномоченным полиции административных участков и отсутствует контроль за данным направлением деятельности.

Так, исполняя основной массив деятельности при реализации полномочий по разрешению и рассмотрению поступающих в отделы внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях, количество рассматриваемых при этом заявлений и сообщений участковым уполномоченным полиции превышает 70% от общего числа их зарегистрированных в ОМВД России на районном уровне, что затрудняет реализацию основной форма несения службы участковым уполномоченным полиции по осуществлению профилактического обхода административного участка.

При этом неравномерное распределение нагрузки, возложение на участковых уполномоченных полиции дополнительных обязанностей лишают последних возможности качественного проведения профилактических обходов.

В целях надлежащей реализации основных направлений деятельности участковых уполномоченных полиции, с учетом специфики админист-

ративных участков и складывающейся оперативной обстановки, необходимо принять определенные меры по повышению уровня организации их взаимодействия с органами власти и местного самоуправления, направленные на повышение эффективности в оперативно-служебной деятельности, их влияния на оперативную обстановку в целом.

Отдельной оценке должны быть подвергнуты принимаемые руководителями территориальных органов и подразделений участковых уполномоченных полиции практические меры, которые должны способствовать улучшению основных направлений служебной деятельности.

Так, при реализации п. 25-35 Наставления, объявленного приказом МВД России от 31.12.2012г. №1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», определяющего порядок организации несения службы, в отделах на постоянной основе должны разрабатываться и утверждаться руководством территориальных отделов МВД России на районном уровне, графики несения службы участковых уполномоченных полиции, порядок и место проведения инструктажа, в книгу постовых ведомостей должны быть внесены записи о заступивших на службу участковых уполномоченных полиции, и обеспечен контроль за их выходом на связь со стороны оперативных дежурных, обязательному контролю подлежит порядок подготовки ежедневных рапортов участковых уполномоченных полиции о проделанной работе.

Проверка несения службы участковых уполномоченных полиции, со стороны руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне, в обязательном порядке должна включать оценку по своевременности и полноте проведения профилактического обхода.

Как отмечает С.Н. Чмырёв, отсутствие надлежащего контроля приводит к низкому организационно-практическому уровню реализации полномочий участковых уполномоченных полиции, вследствие чего на протяжении срока реализации требований нормативно-правового акта, работа участковых уполномоченных полиции может носить бессистемный характер[2].

Целесообразно для систематизации контрольных функций непосредственным руководителям подразделений участковых уполномоченных полиции обеспечить ведение контрольно-наблюдательных дел по реализации требований Наставления, объявленного вышеуказанным приказом, где концентрировать организационные документы подразделения (положение об отделах участковых уполномоченных полиции, должностные регламенты всех сотрудников, графики службы участковых уполномоченных полиции, анализ состояния преступности в разрезе административных участков и подготовленные на их основе приказы о закреплении административных участков).

Преследуя валовой показатель по выявлению и раскрытию преступлений, как правило, не влияющих на состояние оперативной обстановки,

по документированию административных правонарушений не несущих реализации основной целей и задач применения административного законодательства, связанных с общей и индивидуальной профилактической направленностью, не берется во внимание реальное положение дел по стоянию преступности, где в основу деятельности подразделения участковых уполномоченных должны ложиться сведения об общем количестве совершенных на административном участке преступлений и личный вклад участковых уполномоченных полиции в их раскрытие.

Вышеперечисленное оказывает негативное влияние на состояние оперативной обстановки и формируют как правило негативное общественное мнение о работе участкового уполномоченного полиции. При этом, позитивно оценивается деятельность участкового уполномоченного полиции, когда в его арсенале при личном участии раскрыты прежде всего, преступления которые относятся к категориям преступлений против личности, корыстно-насильственных преступлений, имущественных преступлений а так же выявленные и задокументированные, при установлении доверительных отношений с гражданами, инициативные преступления связанных незаконным оборотом оружия и наркотиков.

Таким образом, целесообразно в территориальных органах МВД России на районном уровне, при решении организационных вопросов по совершенствованию оперативно-служебной деятельности участковых уполномоченных полиции, осуществить мероприятия по проведению детального анализа состояния оперативной обстановки в разрезе административных участков, оценив деятельность каждого участкового уполномоченного полиции по отдельным направлениям оперативно-служебной деятельности, а также ввести в практику ежедневную подготовку с последующим докладом руководителю органа внутренних дел рапорта ответственного дежурного о проверке деятельности участкового уполномоченного полиции в участковом пункте полиции.

Литература:

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД Российской Федерации от 31.12.2012 г. - № 1166 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения: 01.02.2016).

2. Чмырёв, С.Н. Понятие и сущность тактики обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД при выполнении служебных обязанностей во время профилактики конфликтов / С.Н. Чмырев // Проблемы современной науки и практики, 2009. - № 3. - С. 34.

Сухорукова А. Н.,
аспирант 1 курса обучения
кафедры уголовного права и процесса
Юридического института ЧОУ ВО «Ставропольский университет»
(г. Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Преступность несовершеннолетних в нашей стране на протяжении ряда десятилетий является одной из серьезных проблем и дестабилизирующих факторов. Внушительные цифры только официально зафиксированных данных позволяют констатировать, что несовершеннолетние составляют наиболее криминально пораженную часть общества, занимают наивысшие показатели в структуре возрастных групп преступников не только в нашей стране, но и в мире.

Мы акцентируем свое внимание на такой категории преступлений, совершенных несовершеннолетними, как разбой, что обусловлено ростом данного количества преступлений. Кроме того, рассматриваемое преступление обладает высокой степенью общественной опасности, так как посягают не только на собственность, но и на жизнь и здоровье граждан. В связи с этим представляют особую значимость вопросы первоначальных следственных действий при расследовании разбойных нападений, совершенных несовершеннолетними.

При проверке сообщения о разбойных нападениях, в совершении которых подозреваются несовершеннолетние, целесообразно производство осмотра места происшествия, где подростками могут быть оставлены личные вещи, одежда, следы обуви, рук. О подростковом возрасте лиц могут свидетельствовать обнаруженные на месте происшествия предметы, не имеющие ценности и не используемые взрослыми, вещи маленького размера, следы пальцев рук и обуви, также небольшого размера [8, с. 146]. Наряду с проведением осмотра места происшествия непосредственно на месте совершения преступления возможно проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, включающего в себя опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности.

В случаях, когда установлено или предполагается участие в совершении преступления несовершеннолетних, необходимо обращать внимание на ряд признаков, которые объективно указывают на участие в преступлении несовершеннолетних, к числу которых относятся следующие:

- небольшие размеры следов рук, ног, а так же зубов позволяет устанавливать участие в совершении преступления подростков;
- небольшие размеры отверстий, через которые проникли к месту хранения похищенного имущества преступники;
- признаки специфического для подростков интереса к определенным продуктам или вещам, относящимся к типично «подростковому ассортименту»;
- признаки, указывающие на подражание преступников действиям известных персонажей детективных книг и кинофильмов;
- в случаях выполнения надписей на месте происшествия следует обращать внимание как на признаки почерка, так и на высоту надписей от пола, что позволяет примерно судить о росте пишущего, поскольку нанесение настенных надписей обычно выполняется на уровне глаз пишущего или несколько выше;
- отсутствие целенаправленных, заранее продуманных и реализованных до конца действий;
- примитивные, неухоженные способы проникновения (например, использования простейшего способа взлома запирающихся устройств, проникновение в жилище через форточку или за счет использования знакомства со сверстниками) [8, с. 288].

Другим, наиболее распространенным следственным действием при расследовании разбоев, совершенных несовершеннолетними, является допрос, в ходе которого следователь получает большую часть информации, необходимой для принятия решения по делу. Поэтому следует отнестись к данному следственному действию серьезно, особенно, когда речь идет о допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Выделяют несколько этапов допроса: это подготовка к допросу, которая включает в себя решение следователем общих организационных моментов уголовного дела, изучение личности допрашиваемого, определение способа вызова и вызов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на допрос, обеспечение участия защитника, педагога, психолога, законных представителей, выбор времени и места проведения допроса, тактическое обеспечение, техническое обеспечение, устранение из кабинета посторонних лиц, предметов, способных отвлечь внимание несовершеннолетнего; допрос подозреваемого, обвиняемого; фиксация результатов допроса [1, с.121]. Отдельным этапом допроса, кроме того может являться установление психологического контакта, предшествующее свободному рассказу допрашиваемого, постановке ему вопросов, ознакомлению допрашиваемого с протоколом и аудио - и (или) видеозаписью его показаний [2, с. 258]. На наш взгляд, здесь абсолютно верно определено место установления психологического контакта как этапа допроса. Но при этом не следует забывать о постоянной поддержке психологического контакта с допрашиваемым на протяжении всего следственного действия.

Необходимо заметить, что при работе с несовершеннолетними намного больше, нежели со взрослыми, недопустимо установление каких-либо шаблонов [9, с. 93]. Не только к каждому несовершеннолетнему, но и к каждой конкретной ситуации следователь должен подходить индивидуально. Для этого при подготовке к следственному действию необходимо решить такие вопросы, как выбор места допроса, необходимость участия законных представителей, защитника, педагога, психолога. Выбор места допроса будет зависеть от процессуального положения несовершеннолетнего, его возраста, отношений с родителями или лицами их заменяющими. Подозреваемые, обвиняемые, как правило, допрашиваются в кабинете следователя, специализированном кабинете для допросов, если в отношении них избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу [7, с. 93]. В своем кабинете следователю целесообразно убрать предметы, которые могли бы отвлечь внимание несовершеннолетнего. В ходе допроса рекомендуется наблюдать за несовершеннолетним и устранять факторы, препятствующие благоприятному проведению следственного действия. Так же рекомендуется удалить из кабинета лиц, на которых мог бы отвлекаться несовершеннолетний [6, с. 288].

Существенное значение может иметь время проведения следственного действия. Так при отсутствии острой необходимости не следует вызывать несовершеннолетнего в часы занятий, а при нахождении его под стражей - во время, отведенное для обеда или прогулки, что может способствовать психологической предрасположенности несовершеннолетнего к беседе.

Приняв дело к своему производству и установив, что подозреваемым или обвиняемым является несовершеннолетний, следователь выбирает тактические приемы установления психологического контакта. Для этого допросу должна предшествовать беседа, в ходе которой с несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым целесообразно прибегнуть к полуофициальному тону, настроить подростка на дружественный лад [5, с. 223]. Дружественная беседа не должна перейти в панибратские отношения, т.к. субъект (несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый) должен четко осознавать границу между собой и следователем. Это будет удерживать подростка от развязного тона в разговоре, неуважительного поведения в кабинете следователя (например, сидеть, развалившись на стуле). Если это все же произошло, следователю необходимо сделать корректное, но твердое замечание и в дальнейшем в том же тоне пресекать подобные попытки со стороны допрашиваемого. Не следует повышать голос на несовершеннолетнего. Следователь должен вести себя уважительно по отношению к подростку, его защитнику, законным представителям [4, с. 78].

Как отмечается в специальной литературе, изучение личности несовершеннолетнего преступника необходимо при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, применении меры пресечения, окончании пред-

варительного расследования, назначении наказания. Несмотря на достаточно широкий круг действий, осуществляемых по собиранию доказательственной информации о личности несовершеннолетнего обвиняемого, это направление в деятельности следователя понимается очень узко, в связи, с чем не используется весь арсенал средств для установления обстоятельств, характеризующих его личность [3, с. 200].

При проведении другого следственного действия - проверки показаний на месте в отношении несовершеннолетнего, целесообразно предложить несовершеннолетнему самостоятельно выбирать маршрут движения, одновременно давать показания и демонстрировать действия. При этом необходимо постоянно наблюдать за поведением подростка. Необходимость использования новых тактических приемов при проведении следственных действий, в том числе по разбойным нападениям, совершенным несовершеннолетними, обуславливается особой важностью поддержания бесконфликтного характера следственной ситуации, а также повышенными требованиями ко всему процессу расследования уголовного дела.

В криминалистике обращается внимание на то, что при расследовании разбойных нападений, совершенных несовершеннолетними, а также при расследовании других преступлений сотрудники правоохранительных органов должны широко применять тактические приемы при проведении отдельных следственных действий и рекомендации по их проведению, разработанные криминалистикой. Однако в современных условиях разработанных тактических рекомендаций не достаточно. [4, с. 75].

На наш взгляд, необходимость постоянного совершенствования тактических приемов, используемых при проведении первоначальных следственных действий в отношении несовершеннолетних при расследовании фактов разбойных нападений диктуется комплексом факторов. С одной стороны, это изменяющиеся тенденции корыстной преступности и техническое перевооружение правоохранительных органов (все чаще предметом разбоев становятся высокотехнологичные технические средства, постоянно совершенствуются информационно-справочные системы и технико-криминалистические средства). С другой стороны, процессуальное изменение подследственности (передача дел о преступлениях несовершеннолетних к компетенции следователей следственного комитета) изменяет организационные основы расследования соответствующих уголовных дел, в частности порядок взаимодействия субъектов криминалистической деятельности, технико-криминалистическую вооруженность последних, а, возможно, и объективность и повышенную ответственность расследования в целом (учитывая отсутствие «единой ведомственной принадлежности» основных субъектов расследования). При разработке, совершенствовании тактико-криминалистических рекомендаций, как представляется, должны учитываться и данные психологических исследований лиц несовершеннолетнего возраста, которые свидетельствуют о таких распространенных со-

временных личностных явлениях как «жестокость», «замкнутость», «агрессивность» и т.д.

Литература:

1. Аминев, Ф.Г. Особенности расследования разбойного нападения, совершенного несовершеннолетними: учеб. пособие по расследованию конкрет. уголов. дела / Ф.Г. Аминев, И.А. Макаренко. – М.: Юрлитинформ, 2011.
2. Баев, О. Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: науч.-практ. пособие / О.Я. Баев. – М.: Экзамен, 2013.
3. Бекбулатова, А.Т. Первоначальный этап расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними: монография / А.Т. Бекбулатова, А.А. Кузнецов. – М.: Юрлитинформ, 2013.
4. Брусницин, Л. Оpozнание в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего/ Л. Брусницин // Уголовный процесс, 2012. – №2.
5. Гаврилин, Ю.В. Криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений: учеб. пособие / Ю.В. Гаврилин, Н.Г. Игурхнов. – М., 2014.
6. Дымов, Г.А. Социально-правовой анализ личности несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбои / Г.А. Дымов // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. Юридический журнал, 2013. – № 2.
7. Кайгородова, О.С. Тактика допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по грабежам и разбоям, совершенным несовершеннолетними / О.С. Кайгородова // Научные исследования высшей школы: сборник тезисов докладов и сообщений на итоговой научно-практической конференции (8 февраля 2013 г.). – Тюмень: Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД России, 2013.
8. Юсупкадиева, С.Н. Методика расследования грабежей и разбоев: учеб. пособие / С.Н. Юсупкадиева. – М.: Норма, 2013. – 146с.

Сыромля Л. Б.,
преподаватель кафедры криминалистики
и специальной техники
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
(г. Владивосток)

К ВОПРОСУ О КОНКРЕТИЗАЦИИ ВИДОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ

На сегодняшний день спектр мнений ученых о понятии предварительного исследования, его целях и задачах, субъектах проведения, вопросах организационного, тактического, методического характера, связанных с проведением предварительного исследования, возможных направлениях использования результатов предварительных исследований при раскрытии и расследовании преступлений достаточно разнообразен.

Анализ точек зрения ученых криминалистов и процессуалистов относительно дефиниции «предварительное исследование» показал, что существуют различные наименования данного вида непроцессуальной формы использования специальных знаний - предварительное специальное исследование [11, с. 20], предварительное диагностическое исследование [12, с. 15-16], предварительное исследование следов [7, с. 30], предварительное исследование материальных следов на месте происшествия [14, с. 6], экспресс-анализ [9, с. 29], предварительное интегрированное исследование [1, с. 41-42] и другие. Широту предложений понятия «предварительное исследование» можно объяснить лишь различным пониманием ученых его предмета, целей и задач, методологической сущности, выделяемых видов. Постараемся разобраться в существе вопроса.

Так, А.И. Бельский определяет предварительное исследование, как процессуальное применение специальных познаний, проводимое специалистом путем предварительной оценки обнаруженных материальных следов, с целью получения доказательственных данных о механизме их образования, обстоятельствах совершенного преступления и личности преступника с последующим оформлением своих суждений в письменном виде [2, с. 15]. Считаем данную точку зрения ошибочной, так как предварительные исследования в настоящее время являются видом непроцессуального использования специальных знаний и, пока они не закреплены УПК РФ, называть их «процессуальным применением специальных знаний» недопустимо.

А.И. Дворкин отмечает, что внеэкспертное исследование вещественных доказательств, осуществляемое следователями и некоторыми другими субъектами уголовно-процессуальной деятельности, называется предвари-

тельным [4, с. 3]. Полагаем, что автор, давая определение данного понятия, в первую очередь делал акцент на субъектах проведения предварительного исследования и на объекте исследования - вещественных доказательствах. Характер используемых специальных знаний, цели и задачи, решаемые с помощью данного исследования, в определении остались не раскрытыми.

Солидаризируясь с А.И. Дворкиным, считаем, что к субъектам предварительного исследования следует относить не только сотрудников судебно-экспертных учреждений, но и следователей, а так же оперативных уполномоченных, участковых уполномоченных полиции, инспекторов ОБДПС ГИБДД (к примеру, при проведении предварительных исследований на месте дорожно-транспортного происшествия) и других участников уголовного судопроизводства, обученных несложным приемам предварительного исследования. Однако, именовать объекты предварительного исследования вещественными доказательствами полагаем несколько некорректно. Следы, предметы, вещества обретают статус вещественных доказательств лишь после того, как они получены следственным (судебным) путем и оформлены в соответствии с требованиями закона, а объекты, подвергшиеся предварительному исследованию на месте происшествия, могут еще и не приобрести таковой статус.

Достаточно узко определяет предварительное исследование следов и В.Д. Корма, как вид использования специальных знаний для выявления признаков, служащих основанием для возбуждения уголовного дела и получения розыскной информации в ходе выявления и расследования преступления [7, с. 30]. Несколько иную, но достаточно схожую интерпретацию предварительным исследованиям дает В.В. Степанов, отмечая, что это исследование, проводимое в стадии возбуждения уголовного дела для выявления признаков преступления, которые обуславливают последующие действия - возбуждение уголовного дела либо отказ в таковом [13, с. 349-350]. Считаем, что данные достаточно краткие определения понятия «предварительное исследование» не конкретизируют вид используемых при этом специальных знаний, объект исследования и в целом не передают весь объем информации, которую возможно получить в результате исследования.

А.М. Зинин отмечает, что предварительное исследование может быть определено как исследование, осуществляемое специалистом в условиях процессуального действия, носящее экспрессный характер и направленное на получение ориентирующей информации о субъектах, обстоятельствах, интересующих правоприменительные органы, средствах и методах, которые при этом использовались [5, с. 90]. Во-первых, в данном определении выделен единственный субъект проведения предварительного исследования -специалист, что на наш взгляд, существенно ограничивает возможности других участников уголовного судопроизводства (следователя (дознавателя), оперуполномоченного и других) в проведении предварительного исследования. Во-вторых, исходя из данного определения, пред-

варительное исследование возможно проводить только в рамках процессуального действия, что соответственно уже не позволяет проводить его в лабораторных условиях экспертного учреждения.

Представляется небезынтересным определение предварительного исследования, данного современными учеными Литовской Республики Г Бучюнас, С. Матулене, под которым понимается деятельность должностных лиц, осуществляющих процессуальные действия (обыск, осмотр и другие) и специалистов, которые применяя научно-обоснованные, неопасные для человека методы и средства, в короткие сроки получают данные о происхождении объекта исследований, а также другую информацию, имеющую значение для расследования преступного деяния [3, с. 52]. В данном определении подчеркнуты как субъекты проведения предварительного исследования, так и характер методов и средств, применяемых при исследовании.

Заслуживает внимания и поддержки точка зрения В.Н. Хрусталева и Р.Ю Трубицина, дающих следующее определение предварительному исследованию: «... это внепроцессуальное применение специальных познаний для определения относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, установления признаков слеодообразующего объекта и сбора сведений о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих лиц, принимавших участие в указанном событии» [16, с. 39]. Считаем, что в данном определении наиболее точно и полно отражены объект, цели и задачи предварительного исследования, раскрыта его методологическая сущность.

Вышеуказанные авторы, давая определение предварительным исследованиям, воспринимают его в целом, не проводя деления на виды. Вместе с тем, другие ученые, наоборот, пытаются систематизировать и классифицировать предварительные исследования по различным основаниям.

Так, И.В. Макогон выделяет две разновидности предварительных исследований: лабораторное (выполняемое в передвижной криминалистической лаборатории, либо в стационарной лаборатории экспертного учреждения) и внелабораторное (выполняемое на месте происшествия специалистом), при этом отмечая, что лабораторное исследование целесообразно уже не именовать предварительным исследованием [8, с.107]. Противоположной точки зрения придерживается Т.Д. Телегина, утверждая, что предварительные исследования являются таковыми, только если проводятся сотрудниками экспертного учреждения в лабораторных условиях, предварительным исследованием не является экспресс-изучение объектов, явлений, осуществляемое специалистом в рамках его участия в следственном действии, поскольку подобная деятельность полностью охватывается процессуальными полномочиями специалиста [15, с. 112].

В.Н Молоканов, С.Б. Пазухин подразделяют предварительные исследования на: специальные (проводятся экспертами (по должности) на основании официального задания оперативных работников с указанием

вопросов, которые необходимо разрешить), и предварительные исследования на месте происшествия (представляют собой комплексный анализ обнаруженных следов на месте происшествия для их оперативного использования с целью: эффективного корректирования тактики осмотра места происшествия и поиска новых следов, получения оперативно-розыскной информации для розыска преступников, оценки доказательственного значения следов о событии преступления и лицах его совершивших)[10, с 239-245].

Считаем целесообразным конкретизировать виды предварительного исследования с учетом места его проведения, субъектов проведения, объектов исследования и решаемых задач, выделяя при этом:

- предварительное исследование материальных следов, проводимое в лабораторных условиях - непроцессуальное использование специальных знаний, осуществляемое сотрудником экспертно-криминалистического подразделения, имеющим право самостоятельного производства соответствующего вида судебной экспертизы, в лабораторных условиях на основании письменного задания руководителя (заместителя руководителя) оперативного подразделения или следователя (дознавателя) с указанием вопросов, которые необходимо разрешить, в целях установления признаков, служащих основанием для возбуждения уголовного дела и получения розыскной информации о личности предполагаемого преступника и других данных, значимых для раскрытия и расследования преступления;

- предварительное исследование материальных следов, проводимое в «полевых» условиях - непроцессуальное использование специальных знаний на месте происшествия при его осмотре или при производстве на этом месте иных следственных действий, осуществляемое следователем, специалистом-криминалистом, оперуполномоченным или другим участником уголовного судопроизводства с использованием научно-технических средств, технико-криминалистических методов, информационного обеспечения с целью получения ориентирующей информации, связанной с определением относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получением данных о механизме их образования, установлением признаков слеодообразующего объекта и сбором сведений о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих лиц, принимавших участие в указанном событии, для раскрытия и расследования преступлений.

Предварительное исследование материальных следов, проводимое в лабораторных условиях сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений достаточно подробно регламентировано в ведомственном подзаконном нормативно-правовом акте (в «Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России», утвержденном приказом МВД России от 11 января 2009 г №7) и проводится достаточно масштабно, как в отдельных регионах страны, так и в Российской Федерации в целом. Так, сотрудниками экспертно-

криминалистических подразделений Приморского края в 2014 году проведено 14379 предварительных исследований. Совершенно иная ситуация складывается с проведением предварительных исследований материальных следов, проводимых в «полевых» условиях.

Анализ результатов проведенного нами анкетирования 137 следователей (дознавателей), 86 сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, 35 сотрудников ОБДПС ГИБДД УМВД России по Приморскому и Хабаровскому краю показал, что следователи (дознаватели), сотрудники ГИБДД никогда не осуществляют предварительные исследования в полевых условиях. 68% сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, выступающих в роли специалистов-криминалистов, также не проводят предварительные исследования в «полевых» условиях, 30% осуществляют лишь эпизодически, и только 2% осуществляют при каждом участии.

При этом 79% респондентов отметили, что, по их мнению, предварительные исследования на месте происшествия проводятся не в достаточной степени. Таким образом, можно прийти к неутешительному выводу, что предварительные исследования материальных следов в полевых условиях в реальности не проводятся.

Следует отметить, что в «Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденном приказом МВД России от 11 января 2009 г №7» о предварительном исследовании, проводимом в «полевых условиях» (при осмотре места происшествия или других следственных действиях) не упоминается. Однако, в предшествующем нормативно-правовом акте, регулирующем экспертно-криминалистическую деятельность - Приказе №261 от 1 июля 1993 года «О повышении эффективности экспертно - криминалистического обеспечения деятельности органов внутренних дел» п. 1-4, 6 которого утратили силу, отмечалось, что специалист по согласованию со следователем (лицом, производящим дознание) проводит на месте происшествия предварительное исследование следов в целях принятия неотложных мер к раскрытию преступления и розыску преступника (п. 2.2.6).

Представляется, что выходом из данной ситуации будет решение, как проблем нормативно-правового регулирования в ведомственных подзаконных актах предварительных исследований с учетом конкретизации их видов, так и вопросов организационно-тактического, методического и информационно-аналитического характера, связанных с проведением данных исследований.

Литература:

1. Аминев, Ф.Г. Предварительное интегрированное исследование следов преступлений на месте происшествия / Ф.Г. Аминев // Адвокатская практика, 2010. - N 6. - С. 41 - 42.

2. Бельский, А.И. Заключение и показания специалиста как доказательства / А.И. Бельский. - Белгород: Белгородский юридический институт МВД России, 2010. - 32с.
3. Бучюнас Г. Применение предварительных исследований в досудебном расследовании / Г. Бучюнас, С. Матулене // Вестник криминалистики. М.: Спарк, 2010. - Вып. 1 (33). - С. 52-58.
4. Дворкин, А.И. Предварительное исследование вещественных доказательств при расследовании преступлений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук.: 12.00.09 / А.И. Дворкин. - М., 1974. 21с.
5. Зинин, А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник / А.М. Зинин. - М.: Проспект, 2011. - 256с.
6. Ивашков В.А.. Предварительные исследования материальных объектов на месте происшествия: Методические рекомендации / В.А. Ивашков, Л.И. Слепнева. М.: ЭКЦ МВД России, 1992. - 24с.
7. Корма, В.Д. Предварительные криминалистические исследования следов применения оружия: учебно-практическое пособие / под редакцией Е.П. Ищенко. М.: Приор-издат, 2007. - 143с.
8. Макогон, И.В. Техничко-криминалистические и тактико-организационные вопросы обнаружения, изъятия, исследования и использования микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений: дисс. ...канд. юрид. наук.: 12.00.09 / И.В. Макогон. – Волгоград, 2003. - 207с.
9. Мешков, В.М. Роль специалиста в расследовании дел о незаконном обороте наркотиков / В.М. Мешков // Российская юстиция, 2001. - №2. - С. 29.
10. Молоканов, В.Н. Предварительные и экспертные исследования в стадии возбуждения уголовного дела / В.Н. Молоканов, С.Б. Пазухин // Вопросы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. - Волгоград: ГУ Издатель, 2004. - С. 239-245.
11. Овсянников, И.В. Проблемы использования специальных знаний при рассмотрении сообщений о преступлениях / И.В. Овсянников // Судебная экспертиза. Волгоград: ВА МВД России, 2012. - №3 (31). - С. 18-26.
12. Снетков, В.А. Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств: учебное пособие. / В.А. Снетков. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. - 40с.
13. Степанов, В.В. Проблемы использования специальных познаний при выявлении преступлений / В.В. Степанов // Актуальные вопросы борьбы с преступностью: материалы республ. научн-практ. конф. - Екатеринбург. СЮИ, 1992. - С. 349-350.
14. Сырков, С.М. Проведение предварительных исследований материальных следов на месте происшествия: учебное пособие. / С.М. Сырков А.В Фефилятьев. – М, 1986. - 28с.

15. Телегина, Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук.: 12.00.09 / Т.Д. Телегина. - М., 2008. - 204с.

16. Хрусталеv, В.Н., Трубицин Р.Ю. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях. / В.Н. Хрусталеv, Р.Ю. Трубицин. - СПб.: Питер, 2003. - 208с.

Сысенко А. Р.,
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Омск)

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Механический транспорт сам по себе представляет источник повышенной общественной опасности. Однако, несчастные случаи, связанные с дорожно-транспортными происшествиями (далее – ДТП), не являются фатальной и жесткой платой за технический прогресс. Наблюдения показывают, что число ДТП в сравнении с быстрым ростом транспорта постоянно снижается. Проведенный анализ свидетельствует, что количество ДТП на 10 тысяч единиц транспорта увеличивается в три раза медленнее, чем возрастает транспортный парк [1].

Транспортные средства, находящиеся на месте происшествия, осматриваются, как правило, после осмотра, фиксации и изъятия следов и предметов, подверженных быстрому изменению и уничтожению.

Осмотр транспортных средств начинается с уяснения их положения на месте происшествия по отношению к элементам дороги, улицы, ориентирам, определенным в процессе общего осмотра, другим транспортным средствам и пострадавшему. Осмотр транспортных средств на месте происшествия осуществляется двумя методами: статическим и динамическим. При статическом осмотре транспортное средство воспринимается как элемент обстановки места происшествия, занимающий определенное положение по отношению к окружающим его объектам. Оно фотографируется, наносится на схему дорожной обстановки.

В протоколе осмотра следователь указывает: какое это транспортное средство, его тип (вид), модель, регистрационный номер, цвет, характер груза, его количество, вес и т.д.; где находится транспортное средство (на проезжей части, на тротуаре и т.д.), как расположено на месте его обнаружения, на каком расстоянии находятся задняя и передняя часть (бампер, крюк), правая и левая стороны (шины, борта кузова) от элементов дороги, других транспортных средств, а также объектов, избранных следователем в качестве ориентиров. Определяя положение транспортного средства по отношению к элементам дороги, следователь указывает, куда обращена передняя часть транспортного средства.

При осмотре транспортного средства обращают внимание на целостность фар, подфарников, переднего стекла, наличие вмятин, царапин, частиц биологического и химического происхождения на частях автомобиля.

При исследовании повреждений необходимо тщательно определять их линейные и объемные размеры (длину, ширину, глубину), высоту расположения от поверхности земли, а также определить их координаты относительно какой-либо неповрежденной части транспортного средства. С помощью специалистов следует разобраться в том, все ли они относятся к данному происшествию. Кроме того, специалисты оказывают следователю консультационную помощь и участвуют в изъятии сломавшихся или рассоединившихся деталей и неисправных узлов, и агрегатов, нарушения в работе которых могли вызвать или оказать влияние на возникновение данного происшествия.

Далее необходимо осмотреть все узлы и механизмы транспортных средств, которые в первую очередь влияют на безопасность движения: тормозную систему, рулевое управление, внешние световые приборы, ходовую часть и другие, установить их техническое состояние.

Для оценки технического состояния тормозной системы транспортного средства необходимо произвести на месте происшествия, если это возможно, контрольное торможение согласно требованиям ГОСТа Р 51709-2001 «Автотранспортные средства. Требования к техническому состоянию по условиям безопасности движения. Методы проверки» [2]. С помощью специалистов необходимо разобраться в причинах неисправности тормозной системы, исследовав все детали. Результаты контрольного торможения фиксируются в протоколе. Недопустимо употребление в протоколе такой распространенной оценки, как «слабо держит тормоз», и ей подобных.

При повреждении шин колес обязательно их изъятие на месте ДТП. При повреждении или неисправности приборов световой сигнализации (указатели поворотов, стоп-сигнал и т.п.) в любое время суток, а также внешних световых приборов в темное время суток обязательно изъятие ламп данных световых приборов. Нужные данные о состоянии шин могут быть без затруднения получены при осмотре их на месте происшествия - это сведения о модели каждой шины, типе рисунка протектора, глубине рисунка, давлении в каждой шине, так как состояние шин оказывает влияние на длину тормозного пути и на возможность заноса. Данные о состоянии шин должны быть обязательно внесены в протокол.

Следует считать правилом, что транспортное средство должно находиться на охраняемом объекте, и к нему не должны иметь доступа посторонние лица до тех пор, пока следователь не убедится, что собраны все нужные технические данные.

Однако эти требования зачастую не выполняются. Осмотр производится наспех, поверхностно и как результат этого - утрачиваются следы происшествия, доказательства, восполнить и восстановить которые затем становится невозможно.

В случае если ДТП произошло на железнодорожном переезде, то необходимо еще выяснить: как оборудован переезд средствами автоблокировки и сигнализации, состояние средств связи, механизмов и сигналов при переезде, их наличие или отсутствие, открыт или закрыт переезд во время дорожного происшествия, состояние настила и уклона, имеется ли указатель числа рядов или разметки.

Исправность рулевого управления, внешних световых приборов, стеклоочистителей и стеклоомывателей ветрового стекла, колес и шин, двигателя, прочих элементов конструкции необходимо также оценивать, сравнивая с требованиями ГОСТа Р 51709-2001, приведенными в приложении к Правилам дорожного движения [3]. Фиксация обстановки на месте ДТП техническими средствами фотосъемкой или видеосъемкой выполняются по правилам криминалистической фотосъемки.

При фото-видеосъемке транспортного средства необходимо соблюдать следующие правила:

1. Фиксировать общий вид автомобиля (т.е. виды автомобиля со всех сторон); при этом фотографии должны быть сделаны так, чтобы было понятно расположение зон (ы) повреждений.

2. Фиксировать расположение зон повреждений автомобиля относительно опорной поверхности (поверхности покрытия дороги).

3. Сделать снимки повреждений в этих зонах и определить их характер и направление образования.

Осведомленность следователя в технических вопросах транспорта, знание типичных случаев развития опасной дорожной ситуации, возникающей по вине участников движения, помогают ему разобраться в сложной картине остаточных явлений происшествия, обнаруживать взаимосвязи отдельных фактов и обстоятельств.

Литература:

1. Всего количество нарушителей правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в 199 720 случаев в 2014 году. Госавтоинспекция: официальный сайт Госавтоинспекции. URL.: <http://www.gibdd.ru/> (дата обращения: 10.12.2015).

2. Государственный стандарт Российской Федерации. Автотранспортные средства. Требования безопасности к техническому состоянию и методы проверки. ГОСТ Р 51709-2001. Утв. Постановлением Госстандарта России от 01.02.2001 г. № 47-ст. (в ред. Изменения № 1, утв. Приказом Ростехрегулирования от 26.08.2005 г. № 215-ст). М., ИПК Издательство стандартов, 2001.

3. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. постановления Правительства РФ от 2.11.2015 г. № 1184) // Российские вести, 1993. - № 227.

Уляева Е. В.,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета
МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК ВИД УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Подозреваемым, в соответствии с ч.1 ст.46 УПК РФ, является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо которое задержано по подозрению в совершении преступления, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо уведомленное о подозрении в совершении преступления.

В рамках данной статьи нами будут рассмотрены вопросы о двух основаниях признания лица подозреваемым – задержание и применение мер пресечения.

Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, является одной из широко применяемых мер уголовно-процессуального принуждения. Поэтому, как справедливо отмечает Луговец Н.В., применение задержания требует строжайшего соблюдения законности, которое предполагает четкое понимание юридической природы, оснований и порядка задержания [1, с.58].

В соответствии с п. 11 ст. 5 УПК задержание подозреваемого — мера процессуального принуждения, применяемая органами дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Моментом фактического задержания является момент производимого в порядке, установленном УПК, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство четко регламентирует основания для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. В соответствии со ст. 91 УПК РФ – это:

- 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя

следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Следует отметить, что само по себе наличие основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления не влечет необходимости для применения данной принудительной меры. Фактическое применение задержания должно быть обусловлено наличием цели, для достижения которой оно применяется.

Действующее законодательство не обозначает цели применения задержания лица, однако четко их регламентирует относительно мер пресечения. Нам представляется допустимым и обоснованным расширительное толкование данной нормы (ст.97 УПК), из которой следует, что задержание должно применяться для обеспечения установленного порядка УПК уголовного судопроизводства, предупреждения или пресечения ненадлежащего поведения подозреваемого в совершении преступления, обеспечения исполнения им возложенных законом процессуальных обязанностей.

Кроме того, применение норм УПК РФ, связанных с задержанием, должно зависеть от конкретики правовой нормы, особенностей преступления, от индивидуальных свойств лица, подозреваемого в совершении преступления, от субъективной оценки обстоятельств совершения преступления лицом, осуществляющим задержание [2, с.72-73].

Особо важным в этом плане, мы полагаем, является правильное понимание термина «подозрение». Закон данный термин не разъясняет, в большей степени содержание «подозрения» раскрыто в научных работах.

Так, по мнению Н.А.Козловского, «... подозрение в уголовно-процессуальном смысле - это особая форма причастности лица к совершению преступлению, выраженная в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленного специальным процессуальным актом о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого» [3, с.11]. Представляется, что в этом определении несколько смещены акценты - формой причастности и преступлению может быть, например, прикосновенность [4, с.79].

На наш взгляд, более удачное определение подозрения дал Аверченко А.К.: «Подозрение – это основанное на достаточных доказательствах предположение органа расследования о причастности лица к преступлению, которое официально объявлено лицу в соответствующей форме и об разует у него правовой статус подозреваемого [5, с.41].

О задержании лица в качестве подозреваемого, в соответствии со ст.92 УПК, в срок не более 3 часов после доставления лица в орган дознания или к следователю, должен составляться протокол. Лицо, составляющее протокол, разъясняет подозреваемому его права. В случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактиче-

ского задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. В протоколе должны быть указаны все обстоятельства задержания, в том числе дата, время, место, основания и мотивы задержания, результаты личного обыска подозреваемого. Подозреваемый в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право такое уведомление производится дознавателем, следователем, о чем также делается отметка в протоколе задержания. О произведенном задержании уведомляется прокурор.

Второе рассматриваемое нами основание признания лица подозреваемым – избрание в отношении него меры пресечения до предъявления обвинения.

Следует отметить, что в отличие от ранее действующего уголовно-процессуального кодекса, в настоящее время допускается избрание в отношении подозреваемого любой из предусмотренных законом (ст. 98 УК) мер пресечения.

Основания применения меры пресечения обозначены в ст. 97 УПК. Из смысла данной нормы следует, что меры пресечения могут применяться для воспрепятствования подозреваемому возможности скрыться от дознания, предварительного следствия и суда; продолжения заниматься преступной деятельностью; попытки угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо иным путем нарушать установленный порядок уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон строго определяет срок, на который может применяться мера пресечения в отношении подозреваемого – 10 суток. По истечении данного времени ему должно быть предъявлено обвинение либо вынесено мотивированное постановление об отмене меры пресечения. Если мера пресечения избрана в отношении лица, подозреваемого в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205-1, 206, 208, 209, 277, 278, 279, 281, 360 УК РФ, то обвинение хотя бы по одному из указанных составов должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 30 суток с момента фактического применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу — в тот же срок с момента фактического задержания. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется (ч.2ст. 100 УПК РФ).

В соответствии со ст. 101 УПК РФ об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, содержащее

указание на преступление, в котором подозревается лицо, и основания для избрания меры пресечения. Постановление объявляется лицу, в отношении которого оно вынесено, и одновременно ему разъясняется порядок обжалования решения об избрании меры пресечения, который установлен ст. 123-127 УПК РФ. Копия постановления об избрании меры пресечения вручается лицу, в отношении которого оно вынесено, а также его защитнику или законному представителю по их просьбе.

Анализ законодательства и практики, проведенный в учебной литературе [6, с.662], позволяет выделять общие и специальные правила применения законодательства о мерах пресечения. Общие правила установлены в гл. 13 УПК, а специальные — в главах УПК, посвященных отдельным стадиям и особым производствам уголовного процесса, либо вытекают из соответствующих положений данных глав УПК РФ.

Общие положения избрания и применения мер пресечения включают правила, которые регулируют: собирание доказательств относительно оснований и условий избрания и применения мер пресечения; принятие первичных и в необходимых случаях повторных решений о них; контроль и надзор за избранием и применением мер пресечения; полномочия субъектов уголовного судопроизводства при правоприменении; требования к форме и содержанию процессуальных решений о мерах пресечения; процессуальную и материально-правовую ответственность за нарушения процессуальных решений о мерах пресечения; исполнение процессуальных решений о мерах пресечения.

Под специальными правилами процедуры применения законодательства о мерах пресечения следует понимать особенности процессуальной формы данного института, характерные для каждой из стадий уголовного процесса и для каждого из особых производств. При этом особенности процессуальной формы в целом корреспондируют общим установлениям применения мер пресечения, которые используются с учетом особенностей процедуры в соответствующих стадиях уголовного процесса и особых производствах [6, с.663].

Глава 13 УПК не содержит указаний о том, на каких стадиях уголовного судопроизводства возможно применение мер пресечения. Очевидно, что применительно к подозреваемому меры пресечения возможно лишь на одной стадии - предварительного расследования.

Об избрании подписки о невыезде, личного поручительства, наблюдения командования воинской части, залога и присмотра за несовершеннолетним подозреваемым дознаватель или следователь выносят постановление. Меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу уполномочены избирать в стадии расследования лишь федеральные судьи.

В заключении отметим, что в отношении подозреваемого могут применяться и иные меры процессуального принуждения, такие как:

- обязательство о явке,

- привод,
- временное отстранение от должности,
- наложение ареста на имущество.

Однако данные принудительные меры, в отличие от ранее рассмотренных, имея своим назначением обеспечение установленного законом порядка уголовного судопроизводства, процессуальный статус лица не определяют и не меняют.

Литература:

1. Луговец, Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения: дисс. ...канд. юр. наук. - Саратов, 2004.
2. Догот, Е.Б. Права, свободы и неприкосновенность при задержании лица по подозрению в совершении преступления: дисс. ...канд. юр. наук. - Владивосток, 2004.
3. Козловский, Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Свердловск, 1989.
4. Лифанова, Л.Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления. Дисс. ...канд. юр. наук. М., 2005.
5. Аверченко, А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дисс. ...канд. юр. наук. - Томск, 2001.
6. Курс уголовного судопроизводства: учеб.: В 3 т. / под ред. В.А. Михайлова. – Т. 1. М. - Воронеж, 2006.

Федотов И. С.,
заместитель председателя
Ленинского районного суда г. Воронежа,
профессор кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
доктор юридических наук, доцент
(г. Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Данные, полученные в ходе изучения следственной практики, свидетельствуют о том, что все чаще сотрудники правоохранительных органов вынуждены проводить следственные действия с детьми, которые пострадали в результате совершенных в отношении них преступлений либо являются единственными свидетелями-очевидцами преступления [1]. Проведение следственных действий с участием такого рода потерпевших и свидетелей часто вызывает у следователей, дознавателей и сотрудников органа дознания трудности, связанные с незнанием ими особенностей общения с подобными участниками уголовного процесса, а также трудностями толкования норм УПК РФ, отсутствием опыта проведения следственных действий с участием несовершеннолетних с учетом изменения законодательства [2]. Принимая во внимание изменения норм, предусмотренных статьей 191 УПК РФ, а также положения иных норм УПК РФ, в данной работе будут раскрыты отдельные особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего, который приглашен в качестве статиста.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных следственному эксперименту, с учетом изменений в УПК РФ, касающихся особенностей проведения отдельных следственных действий (допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний) с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, в юридической литературе отсутствуют работы, раскрывающие особенности проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего, который приглашен в качестве статиста, при том, что проведение следственного эксперимента особенно актуально по делам, связанным с преступлениями в сфере безопасности дорожного движения, а именно, нарушений правил дорожного движения, где пострадавшими выступают несовершеннолетние [3].

Так, за 2014 год на территории Российской Федерации зарегистрировано 199,7 тыс. (-2,1%) дорожно-транспортных происшествий, в результате которых ранено 251,8 тыс. (-2,6%), погибло 27 тыс. человек (-0,2%). Тя-

жесть последствий (число погибших в расчете на 100 пострадавших) в среднем по России составила 9,7 (2013 г. – 9,5).

За 2014 год с участием детей и подростков в возрасте до 16 лет совершено 10,2% всех ДТП (20,4 тыс.; -3,7%). При этом число раненых в них детей снизилось на 3,7% (21,6 тыс.), а погибших составило 878 (+0,7%) человек [4].

По состоянию на 03.12.2015 года на территории РФ зарегистрировано 143273 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибло 17387 человек, из них совершено 17956 дорожно-транспортных происшествий в отношении детей в возрасте до 16 лет, в результате которых погибло 686 человек [5].

В числе вопросов, связанных с особенностями проведения следственного эксперимента с участием несовершеннолетнего, который приглашен в качестве статиста, подлежат изучению данные о процессуальном положении несовершеннолетнего-статиста.

В настоящее время УПК РФ в действующей редакции не предусматривает понятие статиста, отсутствуют в УПК РФ и положения о его правах, обязанностях и ответственности. При этом пункт 58 статьи 5 УПК РФ указывает на то, что принимать участие в уголовном процессе могут только участники уголовного судопроизводства. Согласно главам 6-8 УПК РФ предусмотрены участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты, а также иные участники уголовного судопроизводства и ни в одной из этих глав нет положений, указывающих на такого участника уголовного судопроизводства, как статист, тем более несовершеннолетний.

Так, при рассмотрении одного из уголовных дел, где в результате дорожно-транспортного происшествия (далее по тексту – ДТП) была причинена смерть несовершеннолетнему, защитником подсудимого, который не признал свою вину в нарушении правил дорожного движения и в предъявленном ему обвинении, отказался давать показания, как на предварительном следствии в качестве обвиняемого, так и в судебном заседании, в связи с чем обстоятельства происшедшего ДТП устанавливались из других источников доказательств, было заявлено ходатайство о признании недопустимыми доказательствами и исключении из числа доказательств двух протоколов соответственно двух проведенных следственных экспериментов с участием несовершеннолетнего, который был приглашен в качестве статиста. Указанные следственные эксперименты проводились в ходе предварительного следствия с целью установления видимости несовершеннолетнего-велосипедиста с рабочего места водителя, управлявшего автомобилем Камаз на месте ДТП (в первом случае), а в другом целью было установление времени нахождения в пути несовершеннолетнего, передвигавшегося по нерегулируемому пешеходному переходу на велосипеде до момента наезда на него автомобилем Камаз.

Одним из оснований, которые как полагал защитники, являются основаниями признания вышеприведенных протоколов следственных экспериментов недопустимыми доказательствами, были представлены сведения о том, что в УПК РФ отсутствуют нормы, регулирующие участие в следственном эксперименте несовершеннолетнего-статиста, а также положения о том, что понятие статиста в юридической практике подразумевает не выполнение каких-либо активных действий, от которых зависят результаты расследования по делу, а пассивная роль, например, приглашение двух статистов при опознании, где от статиста ничего не зависит, так как активную роль в данном случае выполняет опознающее лицо, предупрежденное об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Полагаем, что вышеприведенное основание, заявленное в ходатайстве защитником, не основано на правильном (законном) толковании норм УПК РФ, неосведомленности с содержанием юридической литературы о следственном эксперименте, и имеет безосновательную ссылку на юридическую практику.

Несмотря на то, что в УПК РФ отсутствуют нормы, регулирующие участие в следственном эксперименте статиста, в том числе и несовершеннолетнего, это не предполагает, что такой участник не должен быть не осведомлен о том, в каком следственном действии он принимает участие, обязывает получить его согласия на участие в данном следственном действии, а при участии несовершеннолетнего, также необходимо согласие его законного представителя. Участие в следственном эксперименте несовершеннолетнего статиста, а также участие его законного представителя и педагога, если несовершеннолетний является воспитанником школы-интерната, то допустимо участие социального педагога данной школы-интерната и как законного представителя, и как педагога в процессуальном статусе.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что отсутствие в УПК РФ понятия статиста негативно сказывается на правоприменительной практике, влечет возможность заявления стороной защиты ходатайств по вышеприведенным основаниям и, соответственно, необходимость их разрешения в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу, что влечет увеличение процессуального времени на производство по уголовному делу и влияет на рассмотрение дела в разумный срок. Полагаем, что включение понятия статиста в статью 5 УПК РФ, как это сделано в отношении понятия законного представителя (п.12 ст.5 УПК РФ), следователя-криминалиста (п.40.1 ст.5 УПК РФ), позволит снять те вопросы, которые возникают в настоящее время в правоприменительной практике.

Литература:

1. Федотов, И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и орга-

низационные основы: монография / И.С. Федотов. - М.: Юрлитинформ, 2010. - С.228.

2. Виноградова, О.В. Обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших на досудебном этапе уголовного судопроизводства / О.В. Виноградова // Новый юридический журнал, 2014. - №3. - С.113 - 118.

3. Например, кассационное определение Амурского областного суда от 05.04.2012 по делу № 22-546/12.

4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности МВД России за 2014 год // https://mvd.ru/Deljatelnost/results/annual_reports

5. Данные с сайта госавтоинспекции // <http://www.gibdd.ru/stat/>. – (Дата обращения 03.01.2016 г.)

Ханина Н. В.,
старший преподаватель кафедры криминалистики
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук
(г. Калининград)

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРИ ИНСЦЕНИРОВКАХ

Противодействие расследованию преступлений следует принимать как некоторую естественную, само собой разумеющуюся данность, о которой нужно всегда помнить, прогнозировать ее, моделировать возможный ход и результаты.

Разумеется, возможно расследование и без противодействия, но это скорее исключение. Правилom же является необходимость преодолевать отчетливо проявляющееся сопротивление как предметной, так и человеческой «материи» - подозреваемых и свидетелей, потерпевших и обвиняемых, «немых» свидетелей - вещественных доказательств и документов. То есть практически каждому расследованию противопоставляется противодействие, борьба с ним, с этих позиций, само расследование есть не что иное, как борьба против борьбы.

Рассматривая расследование преступлений в аспекте противодействия ему, следует отметить, что система правоохранительных органов не в полной мере обеспечивает нейтрализацию противодействия. В этой связи должны разрабатываться тактические операции по нейтрализации противодействия, которые должны входить в методику по расследованию преступлений. При этом ее основы, принципы и структура должны рассматриваться в стратегии расследования.

Среди основных факторов, обуславливающих специфику противодействия расследованию, можно выделить следующие:

- особенности планируемого, совершаемого или совершенного преступления, его тяжесть, общественную опасность и т.д.;
- условия, место и время совершения преступления;
- объект и предмет преступного посягательства;
- качественный и количественный состав преступной группы, наличие у заинтересованных лиц связей, с помощью которых они могут оказывать противодействие «изнутри»;
- наличие у преступников специальных средств, позволяющих эффективно противодействовать расследованию, наличие оружия и иных средств защиты от разоблачения;
- осведомленность субъектов преступной деятельности о работе правоохранительных органов, состоянии расследования, о содержании

имеющихся доказательств, об используемой тактике расследования, принятых мерах пресечения в отношении того или иного субъекта, об отношении к расследованию свидетелей и потерпевших и содержании их показаний;

- социальный статус субъекта (возраст, пол, семейное положение, образование, профессия, стаж работы, общественная активность), наличие связей среди сотрудников правоохранительных органов;

- прошлые судимости, наличие преступного опыта и специальных навыков, позволяющих совершать преступление и противодействовать расследованию;

- физическое и интеллектуальное развитие субъекта преступной деятельности, состояние его здоровья, психики;

- особенности личности преступника, способствующие противодействию расследованию (изворотливость, склонность к обману и различным ухищрениям, умение владеть собой, артистичность, другие свойства характера и навыки);

- иные факторы, включая случайные обстоятельства, благоприятствующие субъекту преступной деятельности.

Противодействие препятствует решению так же и других задач предварительного расследования, где субъекты противодействия стремятся помешать установлению не только обстоятельств преступления и степени виновности отдельных лиц, но и других факторов, образующих содержание объективной истины по уголовному делу [1].

Любая противоправная деятельность вызывает реакцию, тем более у следователя, расследующего конкретное дело.

В такой ситуации он должен предпринять адекватные меры по пресечению такой деятельности, при ее завершении предпринять действия по нейтрализации, ликвидации ее результатов, последствий. Активное воздействие на преступную деятельность вызывает ответную реакцию в виде также активного либо нейтрального действия заинтересованного лица, и наоборот. Такое противостояние, двойное противодействие характерно для всего процесса расследования. Но наличие преступной инсценировки, ее признаков свидетельствуют о повышенной активности противостоящего следователю заинтересованного лица, что требует уже от следователя соответствующих мер по преодолению противодействия следствию.

Методы преодоления можно строить, но можно и разрушать, если этого требует ситуация.

Обнаружив признаки противодействия и проводя их первоначальный анализ с целью уяснения их сущности, особенностей относимости к исследуемому событию, следователь должен определить для себя необходимые формы реагирования на них.

Существующие в следственной практике и разработанные криминалистикой и теорией оперативно-розыскной деятельности средства и методы преодоления противодействия расследованию можно разделить на две группы:

- средства и методы преодоления попыток сокрытия преступлений;
- средства и методы преодоления иных форм противодействия расследованию [2].

Средствами и методами преодоления попыток сокрытия преступлений, которыми располагает следователь, служат следственные и розыскные действия, обращение к помощи населения и средствам массовой информации.

При определении путей реагирования по преодолению противодействия расследованию в форме сокрытия, выбору того или иного действия, мероприятия необходимо учитывать частоту встречаемости тех или иных способов сокрытия. Более всего распространены способы сокрытия, направленные на минимальное оставление доказательственной информации. К таким способам можно отнести принуждение людей к отказу выдавать информацию правоохранительным органам; избрание способа совершения преступления, который ведет к минимальному отображению доказательственной информации; выбор места и времени совершения преступления, обеспечивающих минимальную возможность присутствия очевидцев; маскировка преступников; использование технических средств и иных орудий, оставляющих наименьшее количество следов.

Так же заинтересованные лица могут использовать способы, которые направлены на сокращение объема воссоздаваемой доказательственной информации (уничтожение материальных следов; избавление от орудий и средств преступления; отказ от дачи показаний; временное прекращение преступной деятельности; изменение постоянного места жительства; уничтожение людей – источников идеальных следов преступления) и дезориентацию в ходе расследования (дача ложных показаний; выдвижение ложных версий, создание оправдательных мотивировок; симуляция психического расстройства или психического заболевания; выдвижение ложных алиби; создание ложных следов; фальсификация доказательственной информации; создание инсценировок).

Одним из действий следователя по преодолению сокрытия преступлений, в том числе преступных инсценировок является осмотр места происшествия [3].

Выявленная в ходе исследования обстановки места происшествия при ее осмотре информация о наличии в ней признаков возможной преступной инсценировки может быть использована следователем для целей дальнейшего расследования по нескольким направлениям: в качестве ориентира для дальнейшего поиска иных следов и вещественных доказательств, выявление невидимых следов в обстановке места происшествия, а также возможных дополнительных источников сведений о расследуемом

события; для определения дальнейшего направления и средств поиска иной информации, подтверждающей или опровергающей уже полученную информацию; для надлежащей оценки первоначальных следственных ситуаций и выбора соответствующих оптимальных решений по поводу личности субъекта преступной инсценировки и его связей с жертвой или иным предметом преступного посягательства, а также сути расследуемого события; для разработки плана расследования по данному делу, так как это имеет важное значение для формирования вопросов, подлежащих выявлению, и для определения путей собирания информации по расследуемому событию; для выдвижения следственных версий по расследуемому делу о сути происшедшего на данном месте события и др.

Признаки преступной инсценировки, устанавливаемые, благодаря исследованию материальной обстановки места происшествия, во многих случаях устанавливаются также в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий. Это требует от следователя не только знания закономерностей выявления признаков инсценировки, но и эффективного взаимодействия с оперативными работниками. Последнее во многом предопределяет успех в раскрытии и расследовании преступлений. Их содержанием являются действия работников полиции по предупреждению, пресечению преступлений, поиску и задержанию лиц, совершивших уголовно-наказуемые правонарушения, обнаружению предметов, так или иначе связанных с преступлениями, выяснению фактов, которые могут облегчить расследование. Известно, что следственные и оперативно-разыскные подразделения обладают специфическими, только им присущими средствами и методами раскрытия преступлений, поэтому чрезвычайно важно, чтобы эти возможности были использованы не разрозненно, а в комплексе.

Противодействие расследованию (в том числе включающие различные инсценировки) может быть преодолено и проведением тактической операции, что особенно актуально при расследовании организованной преступной деятельности.

Исследовав систему противодействия расследованию, определив ее структуру, ясно видно место и роль в этой системе преступной инсценировки как смешанного способа сокрытия преступления, включающей в себя разнообразные элементы (их части) иных способов сокрытия преступления. Тем более что следственная практика знает случаи, когда, несмотря на реализованную (часто неудачно) инсценировку, в ход идут и другие формы и способы противодействия. Это в обязательном порядке требует анализа связи инсценировки, ее особенностей с возникшим противодействием в ходе расследования.

Взаимодействие же следователя с субъектами расследования в выявлении признаков противодействия расследованию помогает решать наиболее сложные задачи [4].

В заключение отметим, что одним из актуальных способов преодоления противодействия следует признать активное использование процессуально-криминалистических алгоритмов [5] и программ расследования [6], целью которых выступает оптимизация и повышение эффективности деятельности участников уголовного судопроизводства, в конкретных условиях производства процессуального действия, в рамках расследования преступления или судебного разбирательства по уголовному делу. При этом правильное их выполнение способно минимизировать отрицательное внешнее и внутреннее противодействие расследованию [7].

Литература:

1. Карагодин, В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1992. – С.20.
2. Белкин, Р.С. Противодействие расследованию и пути его преодоления криминалистическими и оперативно-розыскными средствами и методами // Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Г.В. Аверьяновой и Р.С. Белкина. – М.: Новый юрист, 1997. – С.143-149.
3. Уваров, Н.А. Организация взаимодействия сотрудников инженерно-технических отделений мобильных отрядов особого назначения при обеспечении следственных действий / Н.А. Уваров, А.А. Рясков // Вестник Университета. Государственный университет управления. - Москва, 2014. - №13. - С.340-342
4. Безруких Е.С. Взаимодействие при раскрытии и расследовании преступлений: учебно-методическое пособие / Е.С. Безруких, А.А. Рытьков. - Калининградский юридический институт, 2010. - С. 50-51.
5. Светочев, В.А. Понятие и сущность процессуально-криминалистического алгоритма / В.А. Светочев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск № 2 (36), 2014 г.: Научно-теоретический журнал. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2014. - С.20-23.
6. Светочев, В.А. Понятие и сущность процессуально - криминалистической программы / В.А. Светочев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск № 1 (39), 2015 г.: Научно-теоретический журнал. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2015. - С. 26-29
7. Светочев В.А. Процессуально-криминалистическая алгоритмизация и программирование уголовного судопроизводства / В.А. Светочев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск №3(29), 2012 г.: Научно-теоретический журнал. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2012. - С. 67-71.

Хасанов Ф. З.,
помощник судьи Верховного суда
Республики Башкортостан,
кандидат политических наук
(г. Уфа)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ РАБОТНИКАМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В настоящее время коррупция поразила все сферы жизнедеятельности, и здравоохранение не исключение. Медицинские преступления в сфере охраны здоровья, преимущественно совершаемые работниками медицинской сферы против жизни и здоровья пациентов в ходе профессиональной лечебной деятельности, имеют особую актуальность. За последние годы в стране сложилась крайне неблагоприятная обстановка в отрасли здравоохранения: снижение качества и доступности медицинской помощи; увеличение число заболеваний социально опасного характера; медико-демографическая ситуация характеризуется снижением рождаемости и ростом смертности, отрицательным естественным приростом населения. Несовершенство правового обеспечения, наличие существенных противоречий в области здравоохранения, проявляющихся в несоответствии возможностей государства потребностям населения, ведут к снижению регулирующей роли нравственных и других социальных норм, таят в себе большие опасности для выживания любого народа.

Охрана здоровья своих граждан внутри страны и за рубежом - это высшая ценность любого государства. Все преступления, совершаемые медицинскими работниками в корыстных интересах с целью обогащения, при этом используя свое служебное положение, наплевав на клятву Гиппократ, не оставляют человеку право иного выбора.

Достижение цели уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу во многом зависит от профессиональных навыков и умений следователей по раскрытию и расследованию преступлений. Одним из источников профессиональных следственных знаний являются частные методики расследования преступлений и их криминалистические характеристики.

Значение разработки криминалистической характеристики преступлений конкретного вида или группы состоит в том, что знания совокупности входящих в нее (криминалистическую характеристику) элементов позволяют по отдельно установленным фрагментам построить достаточную для принятия решения модель преступления, а также высказать обоснованные предположения о наличии не известных еще элементов, т.е. предугадать всю совокупность подготовки, совершения и сокрытия преступле-

ния, а также характеристику личности виновного. С практической точки зрения криминалистическая характеристика как научная абстракция может иметь значение лишь тогда, когда выявлены корреляционные связи и зависимости между ее элементами, носящие закономерный характер, данные о которых служат ориентиром при выдвижении версий и определении направления расследования [1].

Методике расследования преступлений вообще и преступлений медицинских работников в частности посвящены работы ученых-криминалистов и судебных медиков Григорьева И.Ю., Ищенко Е.П., Яковлева М.М., Кустовой О.А., Карпова Н.С., Сергеева Ю.Д., Ерофеева С.В., Перепечиной И.О. и др.

Расследование преступлений медработников против жизни и здоровья требует особой компетенции, следовательно, специальной подготовки следователей. Большую роль может сыграть введение в юридических вузах дисциплины «медицинское право». Собственно, введение специальной подготовки следователей не означает умаления роли института специальных судебно-медицинских знаний в расследовании. Более того, имеет смысл расширить формат взаимодействия следователей и врачей, не ограничивая участие последних производством экспертиз, как это обычно имеет место. Расследование может вестись значительно эффективнее, если судебный медик будет сопровождать его, выступая при производстве различных следственных действий в роли специалиста. Целесообразно участие врача в допросе медицинского работника, поскольку именно он может задать (с разрешения следователя) те вопросы, ответы на которые дадут экспертам, которые будут впоследствии проводить экспертизу, необходимую информацию.

В криминалистике отсутствует методика расследования преступлений медицинских работников, хотя совершенно очевидно, что расследование таких дел имеет существенные особенности. В рамках этой методики должны быть разработаны многие криминалистические вопросы, касающиеся как тактики проведения следственных действий, так и иных аспектов.

Преступление с точки зрения криминалистики, это деяние оставляющее материальные и идеальные следы. Важно для нашей науки то, на какие объекты происходит посягательство, так как в этом случае неизбежны существенные особенности следообразования. Архиважно, как происходит посягательство, какими способами, посредством каких действий, поскольку различные действия оставляют разные следы. Невозможно отрицать и то, что механизм следообразования зависит от категории носителей преступных действий, субъектов преступления [2].

Разработка криминалистической характеристики профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками при осуществлении ими профессиональных (должностных) обязанностей, послужит:

- защите прав и законных интересов граждан, пострадавших от преступных действий медицинского персонала;

- защите от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения медицинских работников за профессиональные преступления, при осуществлении профессиональных (должностных) обязанностей.

На практике сотрудники правоохранительных органов при производстве проверок по сообщениям о совершении профессиональных преступлений медицинскими работниками при расследовании уголовных дел, возбужденных в отношении медицинских работников по фактам совершения ими профессиональных преступлений, в одних случаях используют элементы методики расследования неосторожных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье граждан, а в других - пытаются на основе личных знаний и следственного опыта разобраться в сути происшедшего самостоятельно [3].

В большинстве же случаев сотрудники правоохранительных органов, не утруждая себя необходимостью познать и понять суть происшедшего, назначают судебно-медицинскую экспертизу и на основании полученного результата принимают решение.

Благоприятные условия для противодействия расследованию врачебных преступлений создаются в связи с тем, что, медицинская документация не изымается своевременно, это дает возможность подозреваемым фальсифицировать ее, вносить в эту документацию недостоверные сведения. К сожалению, подозреваемые по этим делам не задерживаются, не арестовываются, не допрашиваются и не изобличаются в совершенном преступлении по «горячим» следам.

У профессиональных преступлений медицинских работников отсутствует динамический процесс подготовки к совершению данного преступления. Отчасти к процессу подготовки можно отнести процесс неполучения медицинским работником знаний, необходимых для оказания квалифицированной медицинской помощи. Однако данная характеристика более полно, на наш взгляд, должна быть освещена при раскрытии элемента криминалистической характеристики, характеризующего субъекта преступления. К методам и приемам совершения данных преступлений следует отнести не точное, не полное выполнение и (или) не точное, не полное соблюдение указанных и общепринятых в медицинской литературе (науке) методов и способов оказания медицинской помощи по конкретному виду заболеваний.

Как правило, основными причинами врачебных ошибок, явившихся причинами смертельных исходов, являются незнание; недостаточное обследование; ошибки в суждении (отсутствие клинического мышления, излишняя самоуверенность, предвзятость, самолюбие и тщеславие, нелогичность выводов, нерешительность); ошибки аппаратуры.

Одним из первоначальных следственных действий по делам о врачебных преступлениях является осмотр места происшествия, трупа погибшего пациента, медицинской документации (истории болезни) и выемка этой документации.

Врачебные преступления чаще всего раскрываются или по жалобе пациентов, или, в случае их гибели, их родственниками. Необходимо предусмотреть строгую ответственность администрации больниц за сокрытие подобных случаев. Время совершения преступления - им может быть любое время суток, в зависимости от обстоятельств. Чаще всего это бывает ночью, когда дежурный медицинский персонал остается бесконтрольным и может поступить с пациентом как заблагорассудится или вообще спокойно спать в течение всей ночи в отведенных для них местах. Место совершения преступления - медицинские учреждения.

Способы непосредственного совершения - действия, направленные на констатацию смерти мозга; отключение аппаратов, которые временно поддерживают функции организма человека, опять же ночью, бесконтрольно и без свидетелей; подписание «протокола установления смерти мозга». Способы сокрытия - подделка подписей в «протоколе установления смерти мозга» остальных врачей; уничтожение документов, на основании которых были отключены реанимирующие аппараты.

Для эффективного расследования врачебных преступлений, как, впрочем, и любой другой категории преступлений, необходимо налаженное взаимодействие и сотрудничество между всеми правоохранительными ведомствами, снятие искусственно созданных преград по обмену информацией и преодоление межведомственной разобщенности.

Особенностью коррупции в сфере здравоохранения является тот факт, что медицинские работники, призванные охранять здоровье и жизнь людей, используя свое служебное положение совершают преступления, зачастую не оставляя человеку право выбора.

Литература:

1. Сучков, А.В. Криминалистическая характеристика профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей / А.В. Сучков // Медицинское право, 2012. - N 2. - С. 46-52.

2. Перепечина, И.О. Актуальные вопросы расследования преступлений медицинских работников против жизни и здоровья / И.О. перепечина // Эксперт-криминалист, 2013. - N 4. - С. 16-20.

3. Фроля, В.Н. Методика расследования врачебных преступлений против жизни и здоровья пациентов / В.Н. Фроля // Медицинское право, 2007. - N 2. - С 23-26.

Хижняк Д. С.,
доцент кафедры криминалистики
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Саратов)

ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, РЕЛЕВАНТНЫЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Происходящие в мире процессы глобализации объективно затрагивают все сферы жизни мирового сообщества, в том числе и такие негативные, как преступность. Происходившие в России экономические и социально-политические изменения значительно опережали формирование нормативно-правовой базы, регулирующей новые правоотношения, что стало одной из основных причин, позволившей национальной преступности выйти за пределы Российской Федерации и интегрироваться в мировое криминальное пространство. Каждое государство разрабатывает собственные стратегии борьбы с транснациональными преступлениями [1].

Значительное внимание этой проблеме уделяется и в криминалистических исследованиях, посвященных проблеме расследования транснациональных преступлений [2]. Одним из элементов стратегии является стратегема. В словаре С.И. Ожегова термин *стратегия* определяется как «искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [3]. Криминалистическая стратегия — это искусство руководства процессом расследования преступлений, т.е. криминалистической деятельностью, осуществляемой несколькими субъектами и направленной на достижение системы целей (общих, конкретных, специфических, частных), состоящей из нескольких этапов с последовательным изменением имеющейся информации (следственной ситуации), а также целей и задач от момента возбуждения уголовного дела до его рассмотрения в суде, основанной на научно-практических методах. Именно стратегия структурирует и оптимизирует криминалистическую деятельность.

Руководителем процесса расследования, его центральным звеном является следователь. Он и является стратегом. История формирования такого понятия, как «криминалистическая стратегема», уходит корнями в научные дискуссии 60-х гг. XX века, когда появились публикации, посвященные «следственным хитростям» и «психологическим ловушкам» [4]. Р.С. Белкин отмечал, что термин «следственная хитрость» не вполне соответствует обозначенному им понятию [5]. Солидаризируясь с ними, нам

представляется более правильным использование термина «криминалистическая стратагема».

Стратагема в криминалистике — это часть криминалистической стратегии, используемая в ходе производства следственного действия. Она является разновидностью тактической комбинации. В основе стратагемы лежит многозвенная рефлексия. Тактические приемы, используемые в криминалистической стратагеме, по форме и содержанию должны соответствовать закону и не противоречить целям и задачам уголовного судопроизводства, а также нарушать и ущемлять права и законные интересы лиц, участвующих в производстве по делу, и третьих лиц. Криминалистическая стратагема используется в конфликтной ситуации и направлена на преодоление противодействия расследованию. Как отмечал Р.С. Белкин, обман служит одним из средств преодоления противодействия расследованию, а его допущение — ответ на распространенность и изощренность противодействий [6]. На современном этапе развития криминалистики также сформулировано определение «криминалистической интриги» [7, с. 104]. Криминалистическую интригу Г.А. Зорин определяет по-разному. К интригам, составляющим основу криминалистической стратагемы можно отнести:

- 1) трансформацию смысла слов и действий;
- 2) формирование информационной неопределенности;
- 3) форму интеллектуального лабиринта, то есть систему ходов без выходов;
- 4) формирование ожиданий, которые могут не стать фактом;
- 5) форму интеллектуальной ловушки; форму перевертывания смысла действий [7, с. 104-105].

К тактическим приемам, создающим основу криминалистической стратагемы, в частности относятся:

- 1) тактические примы, направленные на создание у подозреваемого (обвиняемого) преувеличенного представления об осведомленности следователя обо всех обстоятельствах совершенного деяния и наличии определенных доказательств;
- 2) тактические приемы, направленные на создание у виновного представления о том, что другие соучастники сознались;
- 3) тактические приемы, направленные на обнаружение скрываемой криминалистически значимой информации;
- 4) тактические приемы, направленные на сокрытие намерений следователя относительно целей следственного действия;
- 5) тактические приемы, использующие фактор внезапности, неподготовленности подозреваемого (обвиняемого) ко лжи по отдельным вопросам, его неосведомленности относительно собранных доказательств, а также имеющейся у следователя информации, в том числе оперативной.

К стратагемам можно отнести *оперативное внедрение* (ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8]), заключающееся в конспиратив-

ном вводе сотрудника оперативного подразделения и (или) лица, оказывающего ему конфиденциальное содействие, в криминальную среду или на соответствующие объекты, добывании оперативно-розыскной информации, оказании воздействия на лиц, предоставляющих оперативный интерес, и ином участии для решения задач оперативно-розыскной деятельности [9]. Нормы, касающиеся оперативного внедрения, также закреплены в Положении о Федеральной службе безопасности (утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 18.08.2011 г. № 960), Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

Дезинформация представляет собой еще одну криминалистическую стратегию. Она заключается в осуществлении специальных мер, направленных на сокрытие от изучаемого лица (посторонних лиц) защищаемых информации, лиц или объектов, и введение его (их) в заблуждение относительно истинных решений и задач оперативно-розыскной деятельности [10]. О возможности использования подобных стратегий в расследовании транснациональных преступлений свидетельствует регламентация аналогичных норм в законах иностранных государств. Например, Закон Республики Молдова «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью» от 22 марта 2012 г. № 50 устанавливает специфические меры борьбы с организованной преступностью — подконтрольное внедрение в преступную группу и организацию и подконтрольное преступление (ст. 12) [11]. Кроме того, в Конвенциях ООН против коррупции (ст. 50) и против транснациональной организованной преступности (ст. 20) закреплена возможность проведения агентурных операций.

Транснациональная преступность нацелена, прежде всего, на подрыв безопасности государства и ее экономики. Борьба с ней может быть успешной только при условии объединения усилий всех или большинства стран мирового сообщества, в том числе и в плане разработки и применения конкретных стратегий для расследования транснациональных преступлений. Таким образом, стратегия — существенный компонент стратегии борьбы с преступностью, в том числе и с транснациональной. Криминалистическую стратегию можно считать методологически значимым понятием, поскольку без реализации стратегических составляющих борьбы с преступностью, успешное и своевременное раскрытие преступлений, особенно таких сложных и динамичных, как транснациональные преступления, значительно затруднено.

Литература:

1. Хижняк, Д.С. Стратегические аспекты расследования транснациональных преступлений / Д.С. Хижняк // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, 2014. - № 2. - С. 12-16.

2. Аверьянова Т.В. Понятие, основные признаки и стратегия борьбы с транснациональной преступностью / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Сочи, 9-12 октября 2000 г.). - Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2000. - С. 10.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. - М.: Рус. яз., 1996. - 761 с.
4. Красуский, В.Т. О некоторых психологических приемах / В.Т. Красуский // Следственная практика. - 1964. - № 65. - С. 105.
5. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. В 3-х томах. Т. 3. - М.: Юрист, 1997. - С. 204.
6. Белкин, Р.С. Криминалистика. Проблемы сегодняшнего дня. - М.: Издательская группа НОРМА ИНФРА - М, 2001. - С. 114.
7. Зорин, Г.А. Философия, стратегия и тактика криминалистической интриги / Г.А. Зорин // Теоретические и прикладные проблемы уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 18 мая 2006 г. / М-во внутрен. Дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. - Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006.
8. Об оперативно-розыскной деятельности: ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс», 2011.
9. Лапин, Е.С. Краткий курс теоретических основ оперативно-розыскной деятельности / Е.С. Лапин, Ю.Н. Михайлова. - Саратов: Науч. кн., 2006. - С. 31.
10. Оперативно-розыскной словарь / авт.-сост. А.Ю. Шумилов. - М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2008. - С. 20.
11. Закон Республики Молдова «О предупреждении и борьбе с организованной преступностью» от 22 марта 2012 г. № 50. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52178 (дата обращения: 17.01.2016).

Хмелева А. В.,
заведующая кафедрой криминалистики
ФГКОУ ВО «Академия следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С
РАСЧЛЕНЕНИЕМ ТРУПОВ
(прикладной аспект)**

Как показывает практика, зачастую следователи, особенно не имеющие достаточного опыта работы, испытывают определенные трудности в раскрытии и расследовании убийств, связанных с расчленением трупов. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть некоторые вопросы, связанные с криминалистическим обеспечением указанных умышленных убийств, с особенностями производства отдельных следственных действий (прежде всего осмотра места происшествия и назначения судебных экспертиз), а также некоторые вопросы методического характера.

Криминалистическая характеристика преступления, в частности механизма его совершения (время, место, способ совершения, место обнаружения частей трупа, способ их сокрытия, цель и способ расчленения, орудие преступления и расчленения и др.) имеет важнейшее значение для выдвижения версий о предполагаемом преступнике уже на первоначальном этапе расследования, позволяет обозначить круг лиц, на которых прежде всего следует обратить внимание правоохранительным органам.

Анализ следственной практики слушателей Академии Следственного комитета Российской Федерации, получающих дополнительное специальное образование в Институте повышения квалификации следственных работников показал, что его результаты совпадают с опубликованными данными [2, с.65] и свидетельствуют о том, что практически во всех случаях расчленения оно проводится в жилище, во дворах частных домов, и, как правило, эти места и являются местом совершения преступления. В большинстве случаев части трупов закапывались, выбрасывались (например, в мусорные контейнеры), иногда – сжигались. Последним способом сокрытия частей трупов чаще пользовались женщины. Иногда трупы (их части) прятались по месту убийства – в погребе, на садовом участке. Мужчины чаще, чем женщины, отвозят части трупа на дальние расстояния (по одному из уголовных дел части трупа мужа сожитель преступницы по ее просьбе, передвигаясь на электричке, разбросал по территории трех районов области).

Расчленяли трупы после убийства как мужчины, так и женщины. Как правило, такой вид сокрытия трупа характерен для лиц, находившихся в

родственников или близких отношениях с жертвой (по уголовному делу, возбужденному прокуратурой Ленинского района г. Воронежа, были убиты одновременно мать и сестра, в других случаях - супруг, сожительница; партнер по половой связи; знакомый, с которым распивались спиртные напитки, в одном случае, женщина убила и расчленила труп мужа и домработницы).

Основной возраст жертвы от 30 до 70 лет. Несовершеннолетние жертвы, особенно малолетние, встречаются крайне редко.

Расчленение трупа осуществлялось с целью затруднения его опознания, облегчения сокрытия трупа.

Остановимся на некоторых моментах осмотра места обнаружения частей трупа. Как уже отмечалось, они могут быть крайне разнообразны: лес, болото, водоемы, свалки, колодцы и др. В помещении, относительно которого есть предположение, что оно явилось местом убийства и расчленения трупа, осмотр обязательно надо проводить с участием специалиста, с применением ультрафиолетового осветителя, раствора люминола, других осветительных и поисковых технико-криминалистических средств – например, тестовые пластины для обнаружения следов биологической природы, набор «экспертный свет» и т.д. В протоколе осмотра места происшествия указываются характеристики места обнаружения частей трупа: среда – водная, почва, песок и т.д., температурные данные, глубина захоронения в почву, глубина погружения в жидкость. Следует иметь в виду, что отличающаяся степень гнилостных изменений отдельных частей трупа, обнаруженных в разных местах, не всегда свидетельствует о принадлежности их к разным трупам, так как многое зависит от условий, в которых находились останки.

На месте происшествия изучаются следы вокруг непосредственного места нахождения объектов (следы обуви, транспорта, ткани (по одному из уголовных дел рядом с отчлененной головой на земле был обнаружен след, оставленный тканью брюк, образованный в момент, когда преступник стоял на коленях). При наличии упаковки (чемодан, пакет, простыня и др.) она должна быть тщательно осмотрена, измерена и описана. Причем, в начале – в том виде, в каком обнаружен сверток, а затем – в развернутом, раскрытом. Отдельно изучаются узлы на упаковочном материале, они не развязываются, а срезаются на некотором расстоянии от завязки, что обеспечивает дальнейшее их экспертное исследование (виды узлов, необходимость владения специальными, в том числе – профессиональными навыками для их завязывания). Все обнаруженные объекты тщательно фотографируются по правилам опознавательной съемки.

Каждая из частей трупа должна быть осмотрена и описана с обязательным указанием размеров, толщины подкожной клетчатки, степени развития мышц; трупных изменений; характера загрязнений, наслоений; наличия растительных или животных останков. Дается детальная характе-

ристика повреждений, особенно на голове, туловище – там, где могут быть обнаружены огнестрельные, колото-резаные раны, strangуляционные борозды. Безусловно, для полноты указания данных признаков необходима следователю помощь специалиста – судебного медика. Следует иметь в виду, что гниение искажает вид и размеры повреждений на теле, а воздействие насекомых и животных может имитировать самые разнообразные травмы.

Если возможно, изымается подногтевое содержимое; личинки, яйца насекомых, находящиеся на частях трупа. Вопрос о месте дактилоскопирования решается следователем в зависимости от ситуации (или на месте обнаружения кистей, или – в морге). При гнилостных изменениях назначается специалистам восстановление папиллярных узоров пальцев рук. Если на оставшихся частях трупа имеется одежда или ее остатки, то она также подробно описывается в протоколе (вид одежды, цвет, рисунок, наличие или отсутствие застежек, их состояние, содержимое карманов). Особое значение имеет тщательное описание особенностей отчлененных кистей и стоп (размеры, аномалии развития, следы заболеваний, мозоли, состояние ногтей и др.). Все эти признаки особенно важны для формирования версии об убитом в случаях обнаружения частей трупа неустановленного лица.

Для определения времени года и давности захоронения рекомендуется направлять на энтомологическое исследование обнаруженных насекомых, их личинки, яйца. При осмотре частей трупа с большим количеством мух следует иметь в виду возможность забора их в качестве материала для судебно-химического исследования на наличие ядовитых, сильнодействующих веществ.

В зависимости от обнаруженной части и ее размеров при назначении судебно-медицинской экспертизы ставятся вопросы, направленные на установление личности убитого:

- Каковы пол, возраст, рост убитого, его группа крови?
- Имелись ли у него какие-либо заболевания, не перенес ли потерпевший хирургические операции, какие, когда?
- Нет ли следов от полученных ранее травм, каковы их механизм и давность?
- Есть ли признаки национальной или расовой принадлежности?
- Каковы особенности зубного аппарата потерпевшего?

Особое значение имеет установление генотипа потерпевшего, позволяющего установить, принадлежат ли обнаруженные останки одному и тому же человеку, а в дальнейшем провести его идентификацию (при этом для сравнения получают образцы крови родственников предполагаемой жертвы или объекты биологической природы самой жертвы, например, ее потожировые следы). Важное значение может иметь установление гаплотипа, т.е. этнической принадлежности убитого.

Если обнаружен череп, то проводится его реконструкция (пластическая или графическая). При сохранившемся кожном и волосном покрове головы и имеющейся фотографии предполагаемой жертвы, назначается судебная экспертиза и проводится портретная идентификация человека. С учетом особенностей зубного аппарата трупа, признаков стоматологического лечения и наличия соответствующих рентгеновских снимков или (и) описания зубного аппарата предполагаемого лица, ставшего жертвой преступления, возможна идентификация трупа по данным признакам. При обнаружении торса трупа идентификацию человека можно провести по имеющимся рентгеновским снимкам. Еще раз уточним, описанные выше исследования, в основном осуществляются для установления личности жертвы, когда имеются обоснованные предположения о ней.

Комплекс назначаемых экспертных исследований в каждом случае определяется конкретными обстоятельствами дела. В обязательном порядке назначается судебно-медицинская экспертиза по останкам трупа. Кроме обычных вопросов о причине, давности наступления смерти т.д., при обнаружении отчлененных частей трупа особое значение имеют вопросы о способе, орудии отчленения, а также диагностических признаках лица, которое его осуществляло. В частности, ставится на разрешение эксперта вопрос, обладало ли оно анатомическими познаниями и навыками секционной техники. Могут быть назначены экспертизы по микроналожениям на одежде (криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий), частях трупа или их упаковке, трасологические экспертизы по следам рук и обуви, транспортных средств, по узлам. Не исключено назначение товароведческой экспертизы и по обертке (упаковке) частей трупа, и по остаткам одежды, обуви на них. В некоторых случаях целесообразно гидрологическая экспертиза, позволившая установить место и время сбрасывания в реку сумки с частями трупа [1, 67]. Известен случай, когда следователем назначалась почерковедческая экспертиза по надписи, имеющейся на мешке, в который помещалась отчлененная часть трупа. В практике встречаются случаи назначения энтомологической экспертизы по личинкам, яйцам насекомых, позволяющая установить время нахождения трупа в том или ином месте, факт перемещения трупа из одного места в другое.

Еще на одном аспекте темы хотелось бы остановиться. Учеными-криминалистами (И.Н. Якимов, В.И. Громов и др.) еще в начале 20-х гг. прошлого столетия была высказана идея о возможности программирования расследования различных видов преступлений. Огромную работу по созданию таких программ, включающих типовые задачи расследования в зависимости от конкретной следственной ситуации, проделал Г.А. Густов. Его программа изучения события убийства, сопряженного с расчленением трупа, включает 23 вопроса. Это именно те вопросы, на которые, как минимум, должен получить ответы следователь при работе по делу, обеспе-

чивая всесторонность, полноту и объективность расследования. Считаю нелишним напомнить составляющие этой программы:

1. Кто, когда, при каких обстоятельствах обнаружил части тела?
2. Являются ли обнаруженные останки частями тела человека?
3. Не было ли отчленение прижизненным, не отчленены ли части во время хирургической операции?
4. Принадлежат ли останки тела одному трупу или нескольким? Каких частей тела недостает? Где они находятся?
5. Какова причина смерти?
6. Что произошло: убийство, несчастный случай и т. д.?
7. Кто погибший?
8. Какие события в жизни погибшего произошли накануне смерти?
9. Каким орудием, способом совершено убийство?
10. Каким орудием, способом расчленен труп? Не применялись ли меры к уничтожению трупа, как пытался это сделать виновный?
11. Расчленение совершено на месте обнаружения частей тела или в другом месте?
12. Когда наступила смерть, когда произведено расчленение?
13. Когда появились части тела на месте их обнаружения?
14. Как долго находился труп (его части) на месте убийства?
15. Каким способом доставлены части тела на место их обнаружения? Не указывают ли на это вес останков, упаковка, особенности места обнаружения?
16. Откуда, каким путем доставлены части тела?
17. Где совершено убийство? Не указывает ли на это состояние трупа в момент расчленения (замороженный, обугленный, в состоянии трупного окоченения и др.)?
18. Каков мотив убийства?
19. Каков мотив расчленения трупа, не сопряжено ли расчленение с мотивом убийства, сокрытием неосторожного убийства, несчастного случая, не направлено ли на дезинформацию следственных органов?
20. Сколько человек участвовали в убийстве, расчленении, эвакуации трупа с места убийства?
21. Кто находился в районе убийства, обнаружения частей тела, на пути их транспортировки?
22. Кто совершил убийство? Не указывают ли на личность виновного использованные им орудия, способ расчленения трупа, личность погибшего и другие обстоятельства преступления?
23. Что изобличает виновного?

При необходимости надлежит выяснить, в каком положении находились погибший и виновный в момент нападения, что исчезло, появилось на месте происшествия, как долго находился там виновный и другие вопросы типовой программы [4, 16-17].

Представляющую интерес для следствия информацию можно получить, используя наработки известного криминалиста Л.Г. Видонова. Разработанные им таблицы, включающие элементы криминалистической характеристики преступления, позволяют ограничить круг лиц, которые, прежде всего, должны быть подвергнуты проверке оперативным и следственным путем на причастность к совершению преступления [3, 45-49].

Как видно, важнейшими средствами по наполнению содержанием данного алгоритма являются данные, получаемые в результате использования всего арсенала криминалистического обеспечения: методические рекомендации, касающиеся хода расследования и его отдельных этапов; назначение и результаты судебных экспертиз, а также использование специальной криминалистической техники и данных криминалистических учетов. Остановимся немного подробнее на последних двух факторах.

Уже упоминалось, что для отыскания невидимых следов крови необходимо применять специальные осветительные и химические средства. Для отыскания закопанных частей трупа используются механические щупы и буры. Электрощупы позволяют обнаружить трупные останки на глубине до 1,4 м. На дне водоемов крупные части трупа отыскиваются с помощью трала. Разложившиеся трупы и их части можно обнаружить, применяя трупоиискатель-газоанализатор «Поиск-Г». В арсенале поисковых средств имеются и магнитоподъемники и металлоискатели (реагируют на металлические объекты на трупе или его одежде). Эффективно для поиска частей трупов, зарытых в землю, использование георадара [5, 190-207].

Важнейшим средством для опознания лица, чей расчлененный труп обнаружен, и получения иных криминалистически значимых сведений являются данные криминалистических и оперативно-справочных учетов. Это, прежде всего, дактоучет (отпечатки пальцев рук), АИС «Подучетный элемент», позволяющая получить данные о конкретном лице, сведения о его розыске, местонахождении, связях, кличках и др., а также АИС «Нераскрытые преступления». С помощью последней системы получают сведения о нераскрытых преступлениях, совершенных аналогичным способом, об известных приметах подозреваемых лиц, о следах и вещественных доказательствах, изъятых с мест совершения преступлений, и др. Трудно переоценить учет генотипов лиц, который ведется в ЭКЦ МВД России и Следственном комитете Российской Федерации. Нужно отметить, что в СК России помимо учетов генотипов, предусмотренных законом «О геномной регистрации в Российской Федерации», осуществляется еще и учет генотипов без вести пропавших лиц.

Таким образом, на сегодняшний день криминалистики предоставляет следователю довольно широкий арсенал средств, необходимых для расследования убийства, сопряженного с расчленением трупа: технические средства для обнаружения отчлененных останков, методические разработки по идентификации личности, части трупа которой обнаружены, выяс-

нению иных обстоятельств происшедшего, в том числе – отдельные поисковые признаки преступника.

Литература:

1. Архипова, А.Н. Возможности судебно-гидрологической экспертизы при расследовании убийства без трупа / А.Н. Архипова, Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева // Вестник криминалистики. - Вып. 4 (36), 2010.
2. Афанасьев, С.А. Особенности расследования сексуально-садистских убийств / С.А. Афанасьев, В.И. Иванов, В.В. Новик. СПб., 1993.
3. Видонов, Л.Г. Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие / Л.Г. Видонов. – Горький, 1981.
4. Густов, Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств: учебное пособие / Г.А. Густов.- Санкт-Петербург, 1993.
5. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учебное пособие / под ред. канд юрид наук А.М. Багмета. М.: Юр-литинформ, 2016.

Хорев М. В.,
ассистент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
(г. Тула)

О ВЛИЯНИИ ГРАЖДАНСТВА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА МЕТОДИКУ РАССЛЕДОВАНИЯ

Иностранное гражданство лица, подозреваемого в совершении преступления является крайне важным фактором влияния на процесс расследования. В данном случае важную роль играет не только гражданская принадлежность, но и принадлежность к определенной языковой, этнической группе, религии, расе и т.д.

Принадлежность субъекта гражданству определенного государства отражает уровень общей и правовой культуры населения этой страны, эффективность и доступность правосудия для населения и прочие факторы, оказывавшие влияние на формирование правосознания личности. Исходя из этого, можно предполагать о степени осведомленности гражданина иностранного государства о действующем праве, об отношении к праву, о знании порядка отправления правосудия в своем государстве, а также о порядке выполнения отдельных следственных действий. Соответственно это дает возможность иностранцу сравнить порядок отправления правосудия в стране его гражданства с отправлением правосудия в Российской Федерации.

Кроме того, следует учитывать степень обеспеченности прав человека на судебную защиту и юридическую помощь в стране иностранного гражданина. Это может быть страна, где судебная система и юридическая помощь доступна для всех граждан, на высоком уровне обеспечиваются государством. Но это может быть страна, где такая защита и помощь затруднительна для определенных слоев населения, либо по причине стоимости юридических услуг, либо в силу высокого уровня коррупции в стране и т.д.

Помимо этого, необходимо учитывать и факторы формирования общественного мнения в стране, гражданином которой является субъект. Важную роль в поведении может играть официальная позиция и взаимоотношения государств.

Расовая, религиозная, этническая принадлежность может играть ещё более важную роль и в проведении отдельных следственных действий и в процессе расследования преступления в целом.

Таким образом, гражданская принадлежность, а также принадлежность лица к определенным группам населения в стране гражданства не могут не учитываться при расследовании преступлений, совершаемых иностранными гражданами.

Исходя из того, какой уровень правовой культуры в стране гражданства иностранца, насколько эффективно правовое воспитание населения, каково соотношение общественных отношений и их правовое регулирование, какова политика этого государства по отношению к России, можно предположить, как себя поведет иностранный гражданин при выполнении с ним определенных следственных действий, насколько сложно будет объяснить ему их сущность и порядок выполнения, предусмотренный российским уголовно- процессуальным законодательством.

Таким образом, в методике расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием, субъектовый фактор, который включает множество элементов как общего характера, присущих гражданам определенного государства, так и более узких, принадлежащих определенной части населения страны гражданства иностранца, а также сугубо частных, которые присущи отдельному индивиду. Эти элементы охватывают восприятие права, сущности общественных отношений, сравнение права государства гражданства и Российской Федерации и т.д. При этом восприятие права имеет отраслевое разграничение.

Так, с точки зрения уголовного права в той или иной стране (в т.ч., в силу принадлежности к той или иной правовой семье), объективно присутствуют национальные подходы к оценке тех или иных деяний как преступлений. Соответственно, это может выражаться в восприятии субъектом российского уголовного права, а именно в понимании преступного или не-преступного поведения или отдельных деяний. Таким образом, перед следователем стоит задача доходчиво разъяснить иностранному гражданину, привлекаемому к уголовной ответственности, в чем его обвиняют, как оцениваются его действия с точки зрения российского уголовного права.

С позиций уголовно-процессуального права - это отношения к отдельным видам следственных действий, предусмотренных российским законодательством. Соответственно, следователю необходимо принять меры к тому, чтобы иностранному гражданину была понятна суть и порядок их выполнения.

Особенность методики расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием, предопределена не только видом преступления, отношением к культуре, общественным отношениям, их правовому регулированию государства их гражданства, но и особым статусом субъекта преступления. Как было отмечено в предыдущей главе, особое отличие субъекта преступления в данном случае заключается в том, что он находится под двойной юрисдикцией. Более того, при совершении преступлений в других, кроме России и страны гражданства государствах, на это лицо может распространяться юрисдикция не только двух, но и более государств. Данным обстоятельством обусловлена необходимость выполнения как ряда дополнительных следственных и иных действий, так и

особенностями выполнения следственных действий, требуемых в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

К таковым относятся: установление гражданской принадлежности лица иностранному государству; уведомление посольства или консульства государства гражданства в случае задержании иностранного гражданина в качестве подозреваемого (п. 3 ст. 96 УПК РФ); предоставление возможности пользоваться услугами переводчика, если иностранный гражданин не владеет или недостаточно владеет русским языком; перевод следственных документов, подлежащих вручению подозреваемому или обвиняемому (ст. 18 УПК РФ); получение характеризующей информации из страны гражданства; при необходимости, выполнение следственных и иных действий на территории другого государства и т.д.

Наряду с принадлежностью гражданству определенного иностранного государства, принадлежность иностранного гражданина к определенной национальности, этнической группе, вероисповедание, также вносят свои коррективы в методику расследования совершаемых ими преступлений, а также в методику выполнения предусмотренных законодательством следственных действий.

Применительно к выполнению конкретных следственных действий, принадлежность иностранного гражданина определенной этнической группе или вероисповеданию вносят существенные коррективы в порядок ведения допроса виновного лица, получения образцов биологического характера для проведения экспертизы, получения характеризующей информации и т.д.

Кроме того, принадлежность лица к гражданству другой страны зачастую ставит следователя в условия, когда выполнение отдельных следственных действий связано не только с применением национального законодательства, но и законодательства государства гражданства иностранца, что осуществимо посредством применения норм международного права, регламентирующего порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам.

Таким образом, для преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием, важную роль играет международный характер возникающих в процессе их расследования правоотношений. В данном случае следователь может находиться не только в условиях необходимости получения правовой помощи от другого государства, но и выполнения другого рода действий, предписываемых нормами международного права, а также других международных обязательств, связанных с привлечением к уголовной ответственности иностранных граждан.

Цуканова О. В.,
старший инспектор по особым поручениям
отдела планирования, контроля и взаимодействия
с полномочным представителем Президента Российской Федерации
в Северо-Кавказском Федеральном округе
Главного управления МВД России
по Северо-Кавказскому Федеральному округу
(г. Пятигорск)

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ПАССАЖИРСКОМ ПОЕЗДЕ

Технико-криминалистические средства криминалистики – это технические устройства, материалы и приборы, научные приемы и методы, разрабатываемые криминалистикой и используемые в процессе обнаружения, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Внедрение в производство следственных действий технических средств фиксации значительно повышает эффективность предварительного расследования [1, с. 15]. В.И. Лебедев заслуженно отмечал, что успешную борьбу с современной преступностью может вести только полиция, вооруженная и искусно владеющая равным или лучшим оружием новейшей техники и прикладных знаний [2, с.12].

С изобретением звукозаписи А.Е. Брусиловский и М.С. Строгович отмечали полезность фонограммы как средства фиксации показаний [3, с.161]. а А.А. Эйсман и А.И. Винберг разработали некоторые процессуальные вопросы и практические рекомендации применения техники звукозаписи в расследовании преступлений [4, с.22].

П.В. Макалинский придавал особое значение фотографированию для документирования следственного действия, подчеркивая, что даже самый тщательный и добросовестный осмотр в виде описания не может дать такого наглядного представления, как фотография [5, с.199].

Эффективное проведение следственных действий и тактических операций, направленных на получение и проверку доказательственной информации, зачастую невозможно без применения технико-криминалистических средств и методов, которые значительно расширяют и обостряют способность человеческих органов чувств. С помощью технико-криминалистических средств и методов появляется возможность располагать криминалистической информацией, которая без них либо недоступна, либо не может рассматриваться как достоверное доказательство [6, с.6].

Криминалистическая техника (как совокупность оборудования) является одним из элементов криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Всю совокупность организационно-

правовых отношений, связанных с работой криминалистической техники можно объединить одним понятием «технико-криминалистическое обеспечение» [7, с.8].

По мнению А.Ф. Волынского, технико-криминалистическое обеспечение представляет собой деятельность, направленную на создание таких условий, в которых ее субъекты будут постоянно готовы к применению криминалистической техники, а сами условия будут реализованы во всех отдельных случаях расследования, раскрытия и предупреждения преступлений. Все научно-технические средства и методы, независимо от того, заимствованы они у других наук или разработаны специально для криминалистики, могут являться криминалистическими, при условии их адаптации к условиям деятельности по раскрытию и расследованию преступления [8, с.48].

Можно выделить ряд взаимозависимых элементов технико-криминалистического обеспечения расследования:

1. Криминалистическая техника, а также деятельность, направленная на ее освоение и усовершенствование, разработка методик ее применения;
2. Правовое регулирование использования и применения криминалистической техники;
3. Организация применения криминалистической техники в расследовании преступлений;
4. Техничко-криминалистическая подготовка следователей (дознателей), оперативных работников, экспертов-криминалистов и др.

По целевому назначению технико-криминалистические средства можно разделить на средства: обнаружения следов преступления и вещественных доказательств; фиксации следов преступления, хода и результатов процессуального действия; изъятия следов преступления (вещественных доказательств); исследования криминалистических объектов; розыска похищенного имущества и преступника; криминалистической регистрации; научной организации труда следователя; обеспечения безопасности; предупреждения преступлений и запечатления правонарушителей [9, с.54].

Криминалистическая техника имеет непрерывную связь с организацией и выбором методов расследования как отдельного преступления, так и видов преступлений. В зависимости от выбора тактики производства следственного действия выбираются технико-криминалистические средства и наоборот. А потребности тактики, в свою очередь, приводят к совершенствованию технических средств [10, с.44].

Залогом полного и всестороннего расследования, успешного раскрытия и предупреждения преступлений является максимально широкое применение технико-криминалистических средств, приемов и методов, своевременное и правильное использование специальных знаний, а также помощь специалистов. Соответственно, субъектами, применяющими средст-

ва криминалистической техники, являются лица, непосредственно занимающиеся расследованием преступления: следователь (дознатель), оперативные работники, эксперт-криминалист и др. [11, с.168]

В условиях железнодорожного транспорта, когда производство следственных действий ограничено во времени, а обстановка места непостоянна, применение технических средств, в том числе средств фиксации крайне необходимо. При необходимости ход следственного действия может быть закреплён с помощью средств фиксации (фотографирование, видеозапись), после чего работа железнодорожного транспорта восстанавливается и продолжается, а протокол следственного действия, в соответствии с ч. 1 ст. 166 УПК РФ, составляется с использованием полученных материалов позднее.

Когда следователь располагает материалами фиксации следственного действия, он имеет возможность более детального, тщательного анализа его хода и результатов, поведения участников следственного действия, для дальнейшего планирования расследования, выбора тактических приемов и методов, а также выявления и устранения нарушений.

Так, заранее очевидно, что для фиксации допроса глухонемого участника процесса не имеет смысла применение звукозаписи, в то время как использование видеозаписи более чем желательно, так как позволяет при необходимости перепроверить правильность сурдоперевода [12, с.172].

Специальные знания и криминалистическая техника могут применяться в двух формах:

1. процессуальная форма - предполагает использование технико-криминалистических средств, приемов и методов уполномоченными на то лицами при производстве следственных действий (ч. 6 ст. 164 УПК РФ);
2. непроцессуальная форма - реализуется в ходе оперативно-розыскных мероприятий, при проведении исследований специалистами-криминалистами, при получении консультаций у специалистов, при проверках по криминалистическим учетам и др.

В любом случае, технико-криминалистические средства, приемы и методы могут применяться только при наличии на то правовых оснований. Общие основания применения технико-криминалистических средств и методов закреплены в Конституции РФ, УПК РФ, Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» и Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Отдельные ведомственные нормативные акты предусматривают порядок их применения.

Применение технико-криминалистических средств, приемов и методов допустимо только в случаях, когда: не нарушаются законные права и интересы граждан, а также нравственные и этические нормы; обеспечивается сохранность источников доказательственной информации и отсутствуют искажения фиксируемой (анализируемой) информации; научная состоятельность и надежность используемых технико-криминалистических

приемов гарантирована; применение технико-криминалистических средств уполномоченными субъектами является квалифицированным.

Учитывая то, что технико-криминалистические средства, приемы и методы применяются с целью собирания, исследования и оценки доказательств, в протоколе следственного действия (заключении эксперта) обязательно отражается факт применения техники, ее наименование, условия и порядок применения, результаты. К протоколу следственного действия прилагаются материальные носители информации - диски с видеозаписями, планы, схемы, слепки и оттиски следов и др.

Протокол следственного действия может «существовать» без технических средств фиксации. Он сохраняет свое значение без дополняющих приложений, но проигрывает в полноте, наглядности и убедительности [13, с.25].

Все технико-криминалистические средства можно разделить на группы [14, с.36]:

1) Средства, применяемые при производстве следственных действий. К ним относятся:

- технико-криминалистические средства обнаружения следов и предметов (вещественных доказательств) - современные физические и химические средства выявления слабовидимых и невидимых следов (порошки для дактилоскопирования, магнитные кисти и др.), осветительные приборы всевозможных типов, средства оптического увеличения, средства обнаружения предметов, сокрытых в тайниках (металлоискатели, металлические щупы и др.). В условиях расследования преступлений, совершенных в движущемся поезде, особое внимание уделяется обнаружению следов по неочевидным преступлениям, особенно связанным с вскрытием купе, вагонов;

- технико-криминалистические средства фиксации следов преступления и получаемой доказательственной информации – материалы графического отображения и описания (линейки, рулетки, штангенциркули, транспортиры), фотографического, фонографического и электронного запечатления. В условиях непрерывной мобильности обстановки в поезде и ограниченности во времени средства фиксации и запечатления играют важнейшую роль в сборе доказательств по делу. Большинство следственных действий, в особенности осмотр места происшествия, фотографируется, реже снимается на видеокамеру. Кроме того, для более подробного описания обстановки составляются схемы, планы. Практически каждый сотрудник транспортной полиции имеет в папке с документами схему вагона, схему купе, на которой делаются необходимые пометки;

- технико-криминалистические средства, предназначенные для закрепления и изъятия следов (вещественных доказательств) – вещества для фиксации следов; средства для забора образцов; приспособления для изъятия поверхностных следов, микрочастиц, брызг жидких веществ; ма-

териалы для изготовления объемных следов и оттисков; приспособления для упаковки при изъятии части либо целого объекта со следами (дактилоскопические пленки, баллончики со сжиженным фреоном, портативные пылесосы, гипс и др.); средства для получения проб и образцов (например, отпечатков пальцев рук (краситель, резиновый валик, пластины для раскатывания краски, бланки дактилоскопических карт).

Для оптимизации процесса расследования разрабатываются универсальные комплекты технико-криминалистических средств (следственный чемодан, оперативная сумка), содержащие в себе средства основных функциональных назначений при производстве следственных действий по любым категориям преступлений, а также специализированные наборы для использования при расследовании конкретных видов преступлений (поджогов, преступлений с использованием взрывчатых веществ и устройств и др.) и передвижные криминалистические лаборатории, оснащенные, кроме основных и специализированных технико-криминалистических средств, приборами, которые не могут войти в следственный чемодан по причине громоздкости. Такие лаборатории в поезде применяются крайне редко по той же причине громоздкости и неудобства использования.

2) Аналитические технико-криминалистические средства (средства исследования криминалистических объектов). В рамках экспертных исследований следов преступления и вещественных доказательств используются наиболее сложные научно-технические средства, предназначенные для изучения строения объекта исследования на различных уровнях, исследования состава веществ и материалов, анализ структуры вещества, анализ свойств вещества (физических, химических и др.), а также применяются специальные методы и программы, разработанные для конкретных исследований компетентными сотрудниками экспертных подразделений.

3) Техничко-криминалистические средства для решения иных криминалистических задач, как правило, направленных на накопление и переработку криминалистически значимой информации при помощи ведения криминалистических учетов, обеспечение личной безопасности сотрудников правоохранительных органов, оптимизацию их труда, предупреждение преступлений и запечатление преступника на месте преступления [15, с.98]. Применяются различные комплекты рисунков и компьютерные программы для создания фоторобота преступника, средства связи для оперативной передачи информации о совершенном преступлении и др.

В настоящее время практически все дежурные части и (или) экспертные подразделения полиции на железнодорожном транспорте оборудованы мобильными комплексами «Папилон М-11» и мобильными дактилоскопическими станциями «МДС-40», позволяющими компетентному лицу в одном месте (при помощи одного «чемодана») в максимально короткие сроки внести в базу данных необходимую информацию о лице (заполнить и распечатать электронную дактокарту, сделать фотографию задержанного

лица и др.), внести в базу другие следы преступления, а также получить информацию о совпадении с уже имеющимися в базе данными. Так, сотрудниками подразделений УТ МВД России по ЦФО при помощи данных комплексов и станций осуществляется в среднем 1000-1500 оперативных проверок в месяц. Примерно в 1 случае из 10 по результатам проверок выявляются лица, скрывающие свои реальные установочные данные [16].

В качестве примера можно рассмотреть сведения о результатах использования технических средств в Курском ЛО МВД России на транспорте за сентябрь 2015 года: в отделе имеется один «Кейс КПМ» - применялся 2077 раз, 15 «Терминалов-ТМ» - применялись 5517 раз, 3 «LQ-тестера» - не применялись, 15 различных металлодетекторов – не применялись, 3 анализатора веществ – не применялись, 1 переносная лаборатория – не применялась, так как не исправна, один мобильный комплекс «Папилон М-11» - применялся 106 раз. Кроме того, в распоряжении экспертов отдела имеется микроскоп «МБС-10» в нерабочем состоянии, 1 видеокамера, 3 цифровых фотоаппарата и 2 универсальных чемодана «Криминалист» [16]. Согласно штатному расписанию, в Курском ЛО МВД России на транспорте экспертно-криминалистическую деятельность осуществляет 1 эксперт, в связи с чем, экспертом периодически проводятся занятия по обучению личного состава ЛО и повышению уровня специальной подготовки следователей (дознавателей) и сотрудников других подразделений по осуществлению экспертно-криминалистической деятельности в пределах компетенции. Данная ситуация наглядно показывает недостаточность экспертно-криминалистического обеспечения в данном подразделении и УТ МВД России по ЦФО в целом, что отрицательно сказывается на качестве обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления на месте происшествия, а также экспертно-криминалистической деятельности, необходимой для решения задач расследования уголовных дел и оперативно-розыскной деятельности.

Технические средства научной организации труда следователя представляют собой комплекс разнообразной оргтехники, технико-криминалистических средств доставки к месту производства следственных действий, средств связи, телефаксов, электронной почты и многого другого оборудования, необходимого для своевременного качественного расследования преступлений. В условиях железнодорожного транспорта телефакс и электронная почта значительно облегчают работу следователя, дают возможность следователю в кратчайшие сроки провести неотложные следственные и иные процессуальные действия, получить необходимую информацию на удаленных расстояниях.

Также важно отметить технико-криминалистические средства обеспечения личной безопасности сотрудников правоохранительных органов, основное распространение среди которых получил пуленепробиваемый жилет. К этой группе можно также отнести менее распространенные на

практике портативные электрошоковые приборы, миниатюрные сигнализаторы и др.

К технико-криминалистическим средствам, используемым для предупреждения преступлений относятся те, которые затрудняют или исключают возможность преступного посягательства, например, запирающие и противоугонные устройства, фото- и видеоэлементы, шифр-системы.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на постоянно и стремительно развивающиеся технологии, важность и обоснованность использования технико-криминалистического обеспечения в органах внутренних дел, технико-криминалистическое обеспечение, в том числе и на транспорте, на практике остается недостаточным. В большей степени криминалистической техникой, в частности необходимой для сбора информации на месте происшествия, обеспечены экспертные подразделения, в то время как следователи и оперативные работники обеспечиваются, как правило, простыми и необходимыми в первую очередь средствами, на пример, фонарями, фотоаппаратами, при необходимости металлоискателями.

Учитывая, что в большинстве случаев работы на месте происшествия в поезде эксперт-криминалист не привлекается, в связи с тем, что он не входит в состав дежурной СОГ, а времени на ожидание его прибытия нет, обеспечение криминалистической техникой СОГ в настоящее время сводится к фонарю, рулетке, криминалистической линейке и фотоаппарату, что может отрицательно сказываться на результатах расследования на первоначальном и соответственно последующих этапах. В ходе дальнейшего сбора материала доследственной проверки и расследования уголовного дела следователь имеет возможность планирования следственных действий, в связи с чем, качество работы и количество криминалистического обеспечения значительно возрастает в зависимости от складывающейся обстановки.

Литература:

1. Юрченко, И.А. Техничко-криминалистическое обеспечение в административной деятельности органов внутренних дел / И.А. Юрченко // Российский следователь, 2014. - № 7.
2. Лебедев, В.И. Искусство раскрытия преступлений. Дактилоскопия (пальцепечатание). Типография МВД. Бесплатное приложение к журналу «Вестник полиции». СПб., 1909. - 62 с.
3. Брусиловский, А.Е. Свидетельские показания в качестве судебных доказательств / А.Е. Брусиловский, М.С. Строгович // Методика и техника следственной работы. М., 1934. - 255 с.
4. Винберг А.И. Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике / А.И. Винберг, А.А. Эйман. - М.: РИО ВЮА, 1946. - 30 с.

5. Макалинский, П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах / П.В. Макалинский. Ч. 2. СПб.: Типография А. Бенке, 1871. - С. 199.
6. Плоткин, Д.М. Новейшие методы исследования вещественных доказательств в криминалистике: научно-практическое пособие / Д.М. Плоткин, Е.П. Ищенко.- Рязань: Изд-во «Пресса», 2005. -256 с.
7. Новик, В.В. Криминалистическое обеспечение доказывания по уголовным делам: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. - 24 с.
8. Филиппов А.Г. Криминалистика / А.Г. Филиппов, А.Ф. Волынский - М.: Спарк, 1998. 543 с.
9. Ищенко, Е.П. Криминалистика. 3-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, 2011. - 566 с.
10. Криминалистика. 2-е издание, переработанное и дополненное / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Юрайт, 2013. - 463 с.
11. Латыпов, Ф.Т. Адвокат - гарант охраны прав и свобод человека и гражданина при применении технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве / Ф.Т. латыпов // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. Сборник научных статей. Ч. 1. Уфа: РИО БашГУ, 2003. - 236 с.
12. Ищенко, Е.П. История развития криминалистики / Е.П. Ищенко // История юридических наук в России: сб. статей. М., 2009. - 8. с.
13. Карнеева Л.М. Применение звукозаписи в следственной практике / Л.М. Карнеева, А.Р. Ратинов, М.П. Хилобок. - М., 1967. - 68 с.
14. Филиппов, А.Г., Волынский А.Ф. Криминалистика / А.Г. Филиппов, А.Ф. Волынский. - М.: Спарк, 1998. - 543 с.
15. Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. 2-е изд., Перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2000. - 672 с.
16. Обзор о состоянии и проблемных вопросах по использованию многофункциональных дактилоскопических станций «МДС-40» и мобильных комплексов «Папилон М-11» в линейных подразделениях УТ МВД России по ЦФО за 3 месяца 2014 года.

Черников С. В.,
участковый уполномоченный полиции
отдела полиции 3 УМВД России по г. Ставрополю
(г. Ставрополь)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УЧАСТИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Специальные знания используются при расследовании преступлений в течение многих веков, когда еще не существовало терминов «экспертиза», «специальные знания», «эксперт», «преступность». Однако сложные ситуации при расследовании преступлений возникали и требовали своего разрешения.

Так, в России в XVII в. при исследовании спорных документов привлекались дьяки и подъячие. Врачи (лекари), аптекари консультировали суд при разбирательствах фактов насильственной смерти, телесных повреждений, отравлений.

Артикул воинский (1715 г.) предусматривал устанавливать по делам об убийствах причину смерти и «того ради дело потребности есть ... лекарей определить, которые был тело мертвое взрезали, и подлинно разыскали, что какая причина смерти его была, и о том имеют свидетельство в суде на письме подать, и оной присягою своей подтвердить» [1, с.356].

Однако наиболее распространенными были свидетельские показания. Специалисты для исследования вещественных доказательств или дачи разъяснений суду по каким-либо иным вопросам привлекались в исключительных случаях, так как лишь «сознание считалось лучшим доказательством всего света» [2, с.18].

При таком положении дел представители правосудия нередко выносили ошибочные решения, привлекая к ответственности невиновного человека. Часто свидетели показывали не то, что было на самом деле, тем самым клеветая на подозреваемого в совершении преступления.

Вещественные доказательства по силе и значимости часто уступали показаниям свидетелей. Тем не менее, следам, оставленным преступником на месте происшествия, порой, как подчеркивают источники, придавалось доказательственное значение. Так, в статье 3 Договора Руси с Византией (911 г.) сказано: «Что же касается преступлений, если случится злодеяние, договоримся так: пусть обвинение, содержащееся в публично представленных (вещественных) доказательствах, будет признано доказанным» [3, с.11].

По данным И.Ф.Крылова, впервые специальные познания были применены в России в 1508 г., когда имели место случаи судебно-медицинской экспертизы и экспертизы документов [4, с.4]. В качестве своеобразных экспертов выступали медики, устанавливающие причины

смерти, проводившие освидетельствование. Лица, обладавшие специальными знаниями, именовались «сведущими людьми».

До середины XIX века возможности, предоставляемые наукой и техникой следственным и судебным органам, носили весьма ограниченный характер в силу их недостаточного уровня развития, вследствие чего перечень научно-технических достижений, используемых в уголовном судопроизводстве, был крайне ограничен. При таком положении вещей вполне закономерным выглядит факт отсутствия законодательных решений, которые бы регламентировали использование достижений науки и техники при расследовании преступлений и вынесении судебных решений.

После принятия судебной реформы 1864 года ситуация существенно меняется. Буржуазный уголовный процесс, заменивший существовавший в то время в России феодальный, розыскной, отказался от системы формальных доказательств, одновременно значительно повысил значение объективных (вещественных) доказательств.

Устав уголовного судопроизводства следующим образом определял положение экспертизы. В соответствии со ст.ст. 112 и 325 эксперты должны приглашаться в тех случаях, когда для «точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» [5, с.96]. В ст. 326 указывалось, что в качестве экспертов могли приглашаться «врачи, фармацевты, профессеры, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особую опытность» [5, с.97].

Большинство процессуалистов стали признавать экспертизу самостоятельным видом доказательств (И.Я. Фойницкий, В.К. Случевский, Н.Н. Розин и др.) [6, 7, 8].

Наряду с этим существовали и другие взгляды на экспертизу. Например, ряд процессуалистов видел в ней разновидность свидетельского показания. Эту позицию обосновывал К.В. Шавров. Он утверждал, что так же, как свидетель изображает суду наблюдавшийся им факт, так же, в сущности, и эксперт сообщает суду свои заключения о факте, так как никакая умственная деятельность немыслима без умозаключения. Разница между заключением эксперта и показанием свидетеля, по мнению К.В.Шаврова, состоит только в степени достоверности выводов этих лиц, а это не дает основания для выделения экспертизы в особый вид доказательств [9].

Критически к данной позиции отнесся Н.Н. Розин. «Это мнение, — писал он, — не может быть признано правильным, поскольку, каков бы ни был характер нашей логической деятельности, свидетель не призван к тому, чтобы давать суду свои мнения, суждения или заключения по существу своего показания, тогда как эксперт, именно призывается для сообщения суду своих заключений о значении того или другого обстоятельства».

Кроме того, по мнению Н.Н. Розина, свидетель является в процессе лицом случайным и потому незаменимым, тогда как эксперты приглашаются судом или сторонами по их выбору, в силу доверия к их специальным познаниям [10, с.388]. Взгляд на эксперта, как на свидетеля, не получил в России заметного распространения.

Уже тогда были сформулированы основные требования к экспертам — незаинтересованность в исходе дела, объективность мнений и суждений, возможность проявления инициативы при проведении исследования в целях обнаружения «таких признаков, на которые следователь не обратит внимания, но исследование которых может привести к открытию истины» [11, с.140]. Заключение экспертов должны были проверяться и оцениваться судом. Внедрение состязательных форм в уголовное судопроизводство, привело к необходимости более полного и всестороннего исследования обстоятельств дела. Эксперименты в судах стали более частыми, и, хотя возможность их проведения Уставом уголовного судопроизводства не предусматривалась, косвенно они были обоснованы в статьях 689 и 692 Устава. Первая из них допускала выезд суда на место преступления в целях «ближайшего удостоверения в событии, когда оно заключает в себе важное преступление», во второй же предоставлялось право «приглашать сведущих людей для производства необходимых освидетельствований или испытаний в заседании суда» [12, с.18].

Бурный прогресс в развитии естествознания на рубеже XIX - начала XX века привел к тому, что в результате материального воплощения научных открытий появляются новые технические средства и процессы (фотография, звукозапись) [13, с.3-4].

Особо следует отметить вклад ученых того времени в развитие судебной экспертизы. Так, в качестве судебного эксперта к химическому исследованию документов привлекают и Д.И. Менделеева [14, с.63-64].

Возможности использования фотографии в исследовании документов заслуженно связывают с именем Е.Ф. Буринского, который считается основоположником применения фотографических методов при исследовании документов, в частности почерковедческих исследований. В 1903 г. им была опубликована монография «Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею», в которой были изложены результаты собственных многолетних исследований. Существенный вклад в разработку теории судебно-экспертного исследования документов внес А.А. Поповицкий, усовершенствовавший судебно-фотографические методы и средства и впервые предложивший классификацию элементов, составляющих особенности почерка [15, с.46].

Тогда же появляется наука, основное назначение которой состоит в разработке технических средств и научных рекомендаций для целей борьбы с преступностью. Первоначально называемая «научной полицией»,

«технической полицией», «уголовной техникой», в дальнейшем она трансформируется в ныне существующую криминалистику [16, с.150-152].

Однако бурное развитие научно-технического процесса имеет и отрицательную сторону: достижениями науки вооружаются не только органы по борьбе с преступностью, но и сами преступники. «Улучшая обиход общественной жизни, многие технические открытия, дают в руки преступников новые усовершенствованные орудия для учинения преступлений и создают благоприятную обстановку для их деятельности» писал русский юрист С.Н.Трегубов [13, с.3-4].

На это же обстоятельство обращал внимание и Б.Л.Бразоль: «Подчас кажется, что самые глубокие выводы науки, самые изощренные приемы техники, самые тонкие изгибы психики и наиболее отвлеченные требования морали заключили между собой тесный союз с той целью, чтобы усложнить исследование преступления и мотивов его до крайней степени» [17, с.181].

В результате действия вышеописанных причин использование достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью активизировалось, и наиболее распространенной формой использования последних стала экспертиза. Стали применяться технические средства, по поводу которых Б.Л.Бразоль, например, писал: «Выбывая на место преступления, следователь, помимо обычных канцелярских принадлежностей, должен захватить с собой следующее: 1) складной метр или сантиметровую линейку; 2) кронциркуль; 3) сильную лупу; 4) пузырек с графитным порошком; 5) баночку с порошком свинцовых белил; 6) должностную печать; 7) сургуч; 8) склянку с самым тонким гипсом; 9) баночку с раствором сулемы для дезинфекции» [17, с.96-97].

В это же время происходит исследование правовых проблем научно-технического прогресса в теории уголовного процесса. Так, например, по словам русского процессуалиста В.Случевского, «для того, чтобы исследовать многочисленные и разнообразные явления, с которыми связывается преступление или соприкасается вызываемое им судебное производство, для этого нужна помощь многих научных дисциплин» [18, с.27]. Называя эти научные дисциплины «субсидиарными» (по отношению к науке права), он причисляет к ним не только криминалистику и психологию, но и другие естественнонаучные дисциплины, надобность в которых может возникнуть в ходе производства по делу.

В 1890г. в составе петербургской полиции начинает действовать антропометрическая станция, а с 1906г. в полицейских подразделениях организуются дактилоскопические бюро.

После революции 1917 г. в Петрограде и Москве кабинеты научно-судебной экспертизы были закрыты, существовавшие при сыскных отделениях полиции фонды дактилоскопических бюро частично уничтожены.

Но необходимость практики по раскрытию и расследованию преступлений востребовала научные методы работы с вещественными доказательствами. В начале 1918 г. была составлена объяснительная записка к проекту Устава уголовного судопроизводства, разработанного НКЮ РСФСР, в которой доказывалось, что, применяя научные приемы следствия и широко используя экспертизу, «в руках правосудия окажется тот могучий рычаг, который повернет жизнь в недалеком будущем в лучшую сторону. Описанная обстановка следствия убьет постепенно надежду на безнаказанность, которая обычно плодит преступления» [19].

С 1 марта 1919 г. по решению Коллегии НКВД РСФСР при Центро розыске начал работу Кабинет судебной экспертизы, ставший основой научно-технической службы уголовного розыска. Первым его руководителем был назначен П.С. Семеновский. Эту дату принято считать днем зарождения экспертно-криминалистической службы российских органов внутренних дел.

Литература:

1. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – М., Юридическая литература, 1986.
2. Крылов, И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987.
3. Памятники Русского права: научное издание / сост. А. А. Зимин; Под ред. С. Ю. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. - Вып.1.
4. Крылов, И.Ф. Криминалистическая экспертиза в России и в СССР в ее историческом развитии: автореф. дисс.. докт. юрид. наук. — Л., 1966. .
5. Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ.1997. Т. 3.
6. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – С-Пб., 1902.
7. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. – С-Пб., 1913.
8. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – Петроград, 1916.
9. Шавров, К.В. Экспертиза в уголовном суде / К.В. Шавров// Вестник Права, 1899.
10. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – Петроград, 1916.
11. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах: Части: Общая и Особенная. – 3-е изд., изм. и законч. - С.-Пб.: Кн. маг. Законоведение, 1910.

12. Крылов, И.Ф. Были и легенды криминалистики / И.Ф. Крылов.— Л. : Издательство Ленинградского университета, 1987.

^{13.} Трегубов, С.Н. Основы уголовной техники: Научно-технические приемы расследования преступлений: практическое руководство для судебных деятелей / С.Н. Трегубов. П-г., издание Юридического книжного склада «Право», 1915.

14. Шифман, М.Л. Д.И. Менделеев об экспертизе в судебных делах / М.Л. Шифман // Сов. Государство и право, 1947. - № 8.

15. Зинин, А.М. Научные и правовые основы судебной экспертизы: курс лекций / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. — М., Изд-во Моск. акад. ... МВД России, 2001.—

16. Лифанова, Л.Г. Оценка заключения эксперта как доказательства (сравнительно-исторический аспект) / Л.Г. Лифанов // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях // Материалы Международной научно-практической конференции. г. Москва, 14 - 15 февраля 2007 г. - М.: Проспект, 2007.

17. Бразоль, Б.Л. Очерки по следственной части / Б.Л. Бразоль. — Пг., Гос. Тип. — 1916. Случевский В. Учебник русского уголовного права. — СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.

18. ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, ед. хр. 166, л. 38.

Чуниха А. А.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
в г. Ставрополе,
кандидат юридических наук
(г. Ставрополь)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Осмотр относится к группе следственных мероприятий, проведение которых играет большую роль в расследовании любого преступления. Нередко именно в результате осуществления указанного процессуального действия в материалах уголовного дела появляется информация, имеющая значение для установления значимых обстоятельств, в том числе сведений о лице, совершившем преступление.

Интерес исследования проблемы теории и практики применения следственного осмотра не случаен. Он обусловлен, прежде всего, важностью для науки и практики, ее многоаспектностью и отсюда практически невозможностью одновременно решить весь комплекс вопросов, относящихся к рассматриваемому следственному действию. «Осмотр места происшествия - это действие первоначальное и неотложное» [1, с. 275]. Неотложность данного следственного действия диктуется, прежде всего, тем, что обстановку на месте происшествия невозможно законсервировать, она может быть умышленно или случайно изменена [2, с.24].

Осмотр - это следственное действие, направленное на собирание доказательств в основном путем непосредственного наблюдения и отражения его результатов в соответствующем протоколе. Принуждение в рамках этого следственного действия может применяться только при осмотре жилища по решению суда.

Сущность осмотра заключается в том, что следователь (дознатель) сам непосредственно, путем применения различных методов познания (наблюдения, измерения, вычисления, сравнения и др.), убеждается в существовании фактов, имеющих доказательственное значение, и удостоверяет их существование путем составления протокола осмотра места происшествия, местности, помещения, предметов и документов.

Основанием производства следственного осмотра служат данные о том, что тот или иной материально фиксированный объект (группа объектов), оказавшийся в поле зрения следствия, может иметь (имеет) отношение к делу и содержать доказательственную и полезную ориентирующую информацию.

В качестве объектов следственного осмотра могут выступать какой-либо фрагмент (часть, участок) материальной среды (место происшествия, жилое помещение, салон легкового автомобиля, участок местности, не являющиеся местом происшествия, участок дороги, иное открытое или замкнутое пространство); вещные объекты (трупы людей, животных, орудия преступления, одежда преступника и т.д.); материально фиксированные следы.

Целями осмотра как элемента системы следственных действий являются получение и проверка доказательств (процессуальная цель); получение сведений для выдвижения и проверки криминалистических версий (тактическая цель).

Задачами осмотра выступают обнаружение, фиксация, изъятие, исследование и оценка материальных следов преступления (и получение тактической информации как результат отражения указанных следов в сознании следователя); фиксация материальных признаков обследуемого объекта (и получение тактической информации как результат отражения указанных признаков в сознании следователя).

Условия производства осмотра: производится лишь по возбужденному уголовному делу (за исключением осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов); производство осмотра в ночное время не допускается (за исключением случаев, не терпящих отлагательства); при осмотре нельзя применять принуждение (за исключением осмотра жилища, осуществляемого по решению суда или по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ); обязательное участие судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия - врача при наружном осмотре трупа; в протоколе осмотра нельзя фиксировать показания потерпевшего, свидетелей и других принимающих участие в нем лиц; должно быть точно установлено, что при осмотре не будут нарушены те права и законные интересы как участвующих в нем, так и других лиц, ограничение которых не предусмотрено уголовно-процессуальным законом; не унижается честь и достоинство участвующих в искомом действии лиц, а также окружающих; не ставится под угрозу здоровье и жизнь лиц, участвующих в производстве осмотра.

Порядок проведения осмотра. Приглашаются обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель или другие лица, а при необходимости специалист (судебно-медицинский эксперт, врач). Им разъясняются права, обязанности, ответственность, цели и порядок производства осмотра. Затем оглашается постановление, если производится осмотр жилища в отсутствие согласия проживающих в нем лиц. В ходе данного следственного действия осуществляется наблюдение, измерение и фиксация результатов осмотра в протоколе следственного действия, поиск следов, предметов (документов), которые могут иметь отношение к уголовному делу (заявлению или сообщению о преступлении). Осматриваются обнаруженные предметы и документы, а в случае необходимости для уголовного дела (за-

явления или сообщения о преступлении) они изымаются. В протоколе осмотра отражаются отличительные признаки каждой изъятой вещи и точного места ее обнаружения с привязкой к местности. Обнаруженные и изъятые вещи упаковываются, опечатываются, удостоверяются подлинности упаковки подписями следователя (дознателя и др.).

Наиболее часто при осмотре места происшествия применяется фотосъемка. Полученные фотоснимки существенно дополняют протокол соответствующего следственного действия, позволяя участникам уголовного процесса на последующих этапах уголовного судопроизводства составить более полное и объективное представление о событии, получившем отражение в протоколе, рассмотреть детали образа, имеющие доказательное значение [3].

Фотосъемка выступает в качестве дополнительного средства фиксации и может применяться по усмотрению следователя, а полученные материалы являются приложениями к протоколу следственного действия. Несмотря на это фотография является сегодня одним из наиболее широко применяемых при осмотре места происшествия технических средств. Трудно не согласиться со словами П.В. Макалинского, который писал, что «как бы ни был добросовестен и тщателен осмотр, как бы он ни был картинно и даже художественно изложен, описание никогда не может дать того наглядного представления, как фотография» [4, с.261].

Нельзя не отметить, что нормы гл. 24 УПК РФ, касающиеся данного следственного действия, страдают неполнотой и нуждаются в уточнении.

В настоящее время в связи с изменениями ст. 170 УПК РФ осмотр места происшествия по усмотрению следователя может производиться без участия понятых. Однако в этом случае закон обязывает следователя применять технические средства фиксации хода и результатов следственных действий. В связи с этим повышается удостоверяющая роль результатов использования фото- и видеосредств при осмотре места происшествия. Соответственно возрастают требования, предъявляемые к тактике применения указанных средств.

В идеальном случае фиксацию хода и результатов осмотра места происшествия в полном объеме позволяет осуществить только видеосъемка. Фотографическая съемка позволяет в той или иной степени зафиксировать результаты осмотра, но не может в полной мере обеспечить фиксацию хода следственного действия. На практике сделать видеозапись всего процесса осмотра места происшествия крайне проблематично. Одной из основных трудностей изготовления видеофильма по осмотру места происшествия является то, что при видеозаписи должна быть зафиксирована и визуальная, и аудиоинформация. Вследствие этого следователю необходимо в процессе осмотра места происшествия не только выполнять те действия, которые он обычно производит при осмотре места происшествия: осмотр различных объектов, обнаружение следов, руководство работой участни-

ков следственно-оперативной группы, составление протокола и др., но и одновременно проговаривать текст, который должен быть записан на видеокамеру. Кроме того, для производства видеосъемки необходим еще один специалист, работающий с видеокамерой, который должен фиксировать весь ход следственного действия. Вследствие указанных трудностей наиболее часто при осмотре места происшествия применяется фотосъемка.

Среди целей производства осмотра Белкин А.Р. предлагает упомянуть и изъятие обнаруженных предметов, документов, образцов [5, с. 15]. Обращаем внимание, что законодатель достаточно часто упоминает термин «изъятие», однако определения ему не дает и такого самостоятельного действия не предусматривает. Отметим, что в КоАП РФ есть отдельная ст. 27.10 «Изъятие вещей и документов». УПК РСФСР тоже содержал отдельную ст. 171 «Изъятие предметов и документов при выемке и обыске». В связи с этим для уточнения понятия предлагается дополнить УПК РФ новой статьей, поместив ее в главу 22 Кодекса.

В связи с вышеизложенным предлагается автором ч. 1 ст. 176 УПК РФ изложить следующим образом: «1. Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, трупов, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, изъятия обнаруженных предметов, документов, образцов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Для уточнения понятия «изъятие» предлагается дополнить УПК РФ новой статьей, поместив ее в главу 22 Кодекса:

«Ст. 164.1. Изъятие предметов, документов, образцов

1. Изъятие представляет собой действие, производимое в ходе следственных действий в целях последующего осмотра и исследования изымаемых предметов, документов, образцов, а также для обеспечения их сохранности.

2. Изъятие может быть произведено в ходе таких следственных действий, как:

1) осмотр места происшествия, местности, жилища (в том числе повторный осмотр в ходе проверки показаний на месте);

2) эксгумация, осмотр трупа;

3) освидетельствование;

4) обыск, личный обыск;

5) выемка (в том числе выемка почтово-телеграфной корреспонденции, фонограмм телефонных переговоров, информации об абонентских и иных соединениях).

3. Изъятие также может быть произведено при наложении ареста на имущество.

4. Факт изъятия должен быть отражен в протоколе соответствующего процессуального действия. Изымаемые предметы, документы, образцы

предъявляются всем участникам процессуального действия, упаковываются и опечатываются установленным образом».

Кроме того, ч. 1 ст. 178 УПК РФ почему-то говорит об участии судебно-медицинского эксперта, хотя о назначении экспертизы не упоминает. Вполне вероятно, что именно этот судебный медик и будет впоследствии привлечен в качестве эксперта и что по должности он называется экспертом; но в процессуальном смысле пока что он - специалист.

Отметим, что ст. 180 УПК РСФСР предусматривала именно такую формулировку: «Наружный осмотр трупа на месте его обнаружения производит следователь в присутствии понятых и с участием врача - специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия - иного врача».

Литература:

1. Бастрыкин, А.И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений: науч.-практ. пособ / А.И. Бастрыкин. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Проспект, 2011.

2. Лушин, Е.А. Особенности использования фотографических средств фиксации при осмотре места происшествия без участия понятых / Е.А. Лушин // Российский следователь, 2015. - № 20.

3. Соколов, Ю.Н. Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий / Ю.Н. Соколов // СПС КонсультантПлюс. – (Дата обращения 12.01. 2016)

4. Макалинский, П.В. Практическое руководство для судебных следователей / П.В. Макалинский. СПб., 1890. Ч. 2.

5. Белкин, А.Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации / А.Р. Белкин // Уголовное судопроизводство, 2015. - № 2.

Шабалина Ю.В.,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Дальневосточный юридический институт МВД России
(г. Хабаровск)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для современного общества характерны явления глобализации, которые находят свое отражение и в современной преступности. Интернационализация преступных интересов с возможностями извлечения сверхприбылей привела к появлению такого феномена как транснациональная организованная преступность. Угрозе распространения данного явления в последние годы уделяется все больше внимания как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Так, например, стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года деятельность транснациональных преступных организаций и группировок названа одним из основных источников угроз безопасности страны [1]. А одним из ключевых итогов проведенного в апреле 2015 года XIII Конгресса Организации объединенных наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию стало принятие Дохинской декларации - документа, в котором обозначены главные аспекты борьбы с транснациональной организованной преступностью и сформулированы призывы по активизации усилий правоохранительных органов по противодействию транснациональной организованной преступности через двустороннее, региональное и международное сотрудничество [2].

Под транснациональными преступлениями, как правило, подразумеваются криминальные деяния, реализуемые не менее чем в двух странах, т.е. за рамками границ одного государства [3]. С целью осуществления такой преступной деятельности для транснациональных преступных группировок характерно наличие устойчивых международных связей для постоянного осуществления незаконных операций, связанных с перемещением потоков информации, денег, физических объектов, людей, других материальных и нематериальных средств через государственные границы.

Следует заметить, что в науке существует ряд терминов в обозначении преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств:

- международное преступление (деяние, которое посягает на основы правопорядка, установившиеся международные отношения, важнейшие общепризнанные интересы мирового сообщества);
- преступление международного характера (деяние, которое посягает на правопорядок международных отношений);
- преступление с иностранным элементом (деяние, которое приобретает международное содержание в связи с тем, что в нем проявляется ино-

странный элемент, например, соучастники – граждане разных стран или потерпевший – иностранный гражданин).

Между тем, по нашему мнению, понятие международная преступность является родовым по отношению ко всем остальным и включает в себя международные преступления, преступления международного характера и преступления с иностранным элементом. В свою очередь преступления с иностранным элементом (международными связями) - в ряде случаев являются транснациональными, если преступные посягательства связаны с перемещением предметов, товаров, людей через государственные границы.

Организационные аспекты расследования транснациональных преступлений обусловлены тем, что в то время как в криминальном мире происходит «сращивание» группировок различных стран и имеет место их обмен преступным опытом, полноценное противодействие такой деятельности зачастую зависит от возможностей сотрудничества правоохранительных органов заинтересованных государств. При расследовании преступлений, совершенных транснациональными преступными организациями, регулярно возникает вопрос о необходимости проведения следственных или иных действий на территории другого государства, об истребовании доказательств, доходов, полученных преступным путем, решении вопроса о выдаче правонарушителей и т.д. - т.е. об оказании друг другу международной правовой помощи.

Оказание международной правовой помощи представляет собой содействие компетентными органами одного государства соответствующим органам другого. Оно направлено на разрешение конкретных вопросов расследования и преследует цели собирания доказательств, находящихся за рубежом; возмещение причиненного ущерба и возможную конфискацию денежных средств и имущества, полученных преступным путем, и находящихся за рубежом. Целью оказания международной правовой помощи может являться также уголовное преследование лиц, скрывающихся после совершения преступлений на территории иностранного государства, или осуществляющих преступную деятельность или руководство ею из-за рубежа (например, в случае совершения преступлений с использованием компьютерных технологий, новейших средств коммуникации).

Очевидно, что эффективная борьба с организованными формами преступности, имеющей транснациональный аспект, возможна лишь при совместной, скооперированной деятельности правоохранительных органов нескольких государств. Необходимость такого взаимодействия детерминировано с одной стороны сущностными характеристиками транснациональной преступности, а с другой - требованиями, вытекающими из международных договоров, уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ.

Конкретные механизмы осуществления международной правовой помощи закреплены в правовых документах различного уровня. Прежде всего, это ряд основополагающих международных договоров (Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959) [4] с дополнительным протоколом к ней; Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия [5] и Типовой договор о выдаче [6], принятые Генеральной Ассамблеей ООН (1990); многочисленные двусторонние и многосторонние межгосударственные договоры и соглашения, заключаемые отдельными заинтересованными государствами; некоторые нормы внутреннего законодательства РФ, основные из которых сформулированы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Таким образом, оказание международной правовой помощи при расследовании транснациональных преступлений предполагает взаимодействие официальных представителей двух и более стран, которые в своей работе должны опираться не только на международные конвенции, договоры и соглашения, но и нормы своего внутреннего законодательства, поэтому в ходе такого взаимодействия неизбежно возникают трудности процедурного и содержательного характера. Такие проблемы вызваны пробелами в законодательстве, различиями в правовых системах сотрудничающих государств, противоречиями норм международного и внутригосударственного права и недостаточно сформировавшейся практикой применения подобных норм.

Одним из таких проблемных организационных аспектов является направление на территории зарубежных государств запросов об оказании международной правовой помощи. Как правило, при расследовании транснациональных преступлений правовая помощь по уголовным делам осуществляется на основе соответствующих следственных поручений. В России форма и порядок направления такого запроса регламентируются ст. 454 УПК РФ и международными договорами. При направлении и исполнении отдельных запросов целесообразно учитывать также нормы уголовно-процессуального законодательства соответствующего государства.

Положения договоров с некоторыми странами предусматривают дополнительные, помимо установленных УПК РФ, реквизиты запроса или необходимость приложения к нему дополнительных документов. Так, договор между Российской Федерацией и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам предусматривает включение в запрос «указание цели, для которой запрашивается помощь» [7]. Ст. 7 договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче говорится, что при выполнении договора стороны пользуются своим государственным языком с приложением перевода на государственный язык другой стороны или на английский язык [8].

Заметим, что оказание правовой помощи возможно как при наличии соответствующего международного договора, так и без документально

оформленного соглашения. В случае отсутствия такового вступают в действие общие правила деятельности по дипломатическим каналам межгосударственных договоренностей. Основными из них являются правила международной вежливости и взаимности. Однако, как показывает практика, одной из самых распространенных причин неисполнения, оставления зарубежной стороной запроса без удовлетворения, на сегодняшний день является именно направление следственных поручений о действиях, не предусмотренных международными договорами.

Внутренним и международным законодательством предусматривается также возможность официального отказа от выполнения запроса о правовой помощи. Например, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам предусматривает отказ в выполнении запроса в случае, если он касается политического преступления [9], договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам оговаривает, что в помощи может быть отказано, если, по мнению запрашиваемой стороны, имеются основания предполагать, что запрос был сделан с целью преследования или наказания лица в связи с его расовой, половой, религиозной, национальной принадлежностью [10].

Проблемным моментом в регулировании исполнения запросов о правовой помощи является отсутствие регламентации как в международно-правовых актах, так и в УПК РФ, конкретных сроков исполнения таких запросов. В связи с этим представляется невозможным контролировать сроки и работу компетентных органов запрашиваемого государства, ускорить сроки направления ответов. По некоторым данным международные поручения в РФ в страны дальнего зарубежья с учетом объема и сложности исполняются в сроки от 6 месяцев и более. Указанные отрезки времени превышают сроки, отведенные уголовно-процессуальным законодательством для производства по уголовному делу, что нередко приводит к необоснованному затягиванию расследования. При этом эффективность противодействия транснациональным преступлениям нередко зависит именно от своевременного получения правовой помощи от компетентных органов и должностных лиц зарубежных государств.

Еще одним проблемным аспектом является излишне сложный порядок оформления и направления запросов. Поскольку практически любые уголовно-процессуальные действия затрагивают права и законные интересы отдельных граждан [11, с. 292], на соответствующие органы возлагается дополнительная ответственность за обеспечение эффективной защиты этих прав и интересов. Основным вопросом, изначально решаемым запрашиваемым государством, должен стать вопрос о наличии достаточных гарантий защиты прав этого лица [12, с. 13].

Например, уголовно-процессуальное законодательство РФ предусматривает возможность вызвать интересующее лицо на территорию сво-

его государства для производства отдельных процессуальных действий, однако правоохранительный орган сразу сталкивается с рядом законных ограничений: не допускается принудительное доставление лица, отказавшегося от добровольного прибытия в Россию; такое лицо не может быть привлечено в качестве обвиняемого, взято под стражу или подвергнуто иным ограничениям личной свободы. Российской стороне фактически ставится в обязанность не только указать на причастность интересующего лица к расследуемому российскими правоохранительными органами преступлению, но и предоставить соответствующие тому доказательства.

Одновременно следует обосновывать невозможность получения искомых доказательств внутри страны, прилагать с этой целью соответствующие нормативные материалы (нормы УПК РФ, касающиеся доказывания по российскому уголовному процессу, относимости и допустимости доказательств, принципов их оценки и т.д.) для уяснения иностранным исполнителем запроса стоящей перед ним задачи.

Нормы уголовно-процессуального законодательства РФ не содержат прямых указаний на особенности правоприменения по делам в отношении лиц, совершивших преступления в составе транснациональных групп. Однако, положения, определяющие порядок такого взаимодействия предусматривают не только повышенные требования к запросам об оказании правовой помощи, но и необходимость их направления через соответствующие центральные инстанции (Следственный комитет России, Министерство юстиции РФ, Генеральная прокуратура РФ). Такой порядок в большинстве случаев влечет несвоевременное производство следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств и нередко приводит к их безвозвратной утрате.

Особую проблематичность подобное требование вызывает в отдаленных регионах, направляющих официальные запросы через вышестоящие центральные представительства компетентных органов, даже тогда, когда речь идет об оказании правовой помощи на территории сопредельных государств. Сказанное актуально, например, для Дальнего Востока России при взаимодействии с представительствами стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим возникает настоятельная необходимость упрощения порядка сношений с органами юстиции зарубежных стран, что особенно важно для развития сотрудничества приграничных регионов.

Полагаем, что направление поручений сотрудничающим сторонам сопредельных территорий, минуя центральные органы, сократило бы сроки их исполнения. Так как действующий механизм сотрудничества не предоставляет необходимой оперативности, на практике в неотложных случаях нередко случаи отступления от общепринятой процедуры и направление их напрямую компетентным органам. В связи с этим впоследствии

возникают вопросы о доказательственном значении полученных в результате таких запросов материалов.

Сложность применения процедур оказания международной правовой помощи, закрепленных во множестве разрозненных нормативно-правовых актов, усугубляется отсутствием разработанных рекомендаций и методических указаний для сотрудников следственных подразделений о порядке использования возможностей международного сотрудничества. Практика свидетельствует о том, что сотрудники правоохранительных органов, прибегая к помощи иностранных коллег, не всегда обладают достаточными знаниями о правовой базе такого сотрудничества.

Исследователями отмечается, что сотрудники в случае необходимости обращения за международной правовой помощью обычно ориентируются исключительно на уголовно-процессуальное законодательство РФ. О существовании дополнительных правил договоров, не закрепленных в российских законах, известно небольшому числу лиц [13, с. 134]. Во многих случаях органы иностранного государства возвращают запрос обратно по причине отсутствия каких-либо обязательных реквизитов или из-за некачественного перевода [14, с. 139].

Полагаем, что в связи с этим необходимо более широкое освещение текстов ратифицированных конвенций, договоров в рассматриваемой сфере, а также весьма эффективными могли бы оказаться шаги по проведению сравнительного анализа положений конвенций с нормами нашего законодательства наряду с подготовкой разъясняющих документов.

Многие не знакомы с порядком и возможностями направления международных поручений и не имеют представления, каким образом может быть получена интересующая их информация от коллег из других стран. Представляется, что сказанное порождает необходимость и целесообразность разработки специальных методических рекомендаций, пособий, инструкций, сборников образцов международных процессуальных документов для использования в повседневной работе при необходимости обращения к иностранным коллегам, уделять должное внимание методическому обеспечению и сопровождению нормативных документов.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации альтернативой сложным процедурам в разрешении конкретных вопросов при расследовании транснациональных преступлений на сегодняшний день выступает установление непосредственных полицейских контактов. Использование таких контактов позволяет избежать многочисленных бюрократических формальностей и путем личного прямого взаимодействия сотрудников достигать поставленных задач расследования. Ключевым моментом в таком взаимодействии выступает общая заинтересованность его субъектов, поэтому приходится констатировать, что на практике оно оказывается значительно более эффективным, чем официальное сотрудничество на высшем уровне.

Таким образом, успех взаимодействия с конкретными государствами при расследовании транснациональных преступлений зависит как от степени адаптированности его правовой основы к реальным условиям, так и от наличия реальной заинтересованности в разрешении конкретных вопросов. До момента установления повсеместной практики использования процессуально закрепленных видов международной правовой помощи и упрощения ее процедур, налаживание прямых контактов представляется направлением, отвечающим требованиям оперативности и целеустремленности в расследовании транснациональных преступлений.

Литература:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «» // Российская газета, 2009. - № 88.

2. Дохийская декларация о включении вопросов предупреждения преступности и уголовного правосудия в более широкую повестку дня Организации Объединенных Наций в целях решения социальных и экономических проблем и содействия обеспечению верховенства права на национальном и международном уровнях, а также участию общественности. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2015.

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Бюллетень международных договоров. № 2. 2005. С. 3 - 33.

4. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 17.03.1978) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 51 – 59.

5. Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия (вместе с Факультативным протоколом к Типовому договору о взаимной помощи в области уголовного правосудия, касающимся доходов от преступлений) (принят 14.12.1990) // Документ опубликован не был.

6. Типовой договор о выдаче: резолюция № 45/116 Генеральной Ассамблеи ООН (принята 14.12.1990 на 68-ом пленарном заседании 45-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Документ опубликован не был.

7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 17.06.1999) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 2. С. 46 - 53.

8. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Пекине 19.06.1992) // Бюллетень международных договоров. № 5. 2013. С. 12 - 18.

9. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) (с изм. от 17.03.1978) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 51 – 59.

10. Договор между Российской Федерацией и Республикой Корея о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 28.05.1999) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 9. С. 3 – 10.

11. Гонтарь, С.Н. Развитие конституционного права лица на неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства в новейшей истории / С.Н. Гонтарь, Н.А. Уваров // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014. - № 13. - С. 290 – 292.

12. Гаужаева, В.А. Использование псевдонима как одна из мер государственной защиты свидетелей и потерпевших на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства / В.А. Гаужаева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки, 2015. - № 1(20). - С. 13 – 17.

13. Феоктистова, Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: монография / Е.Е. Феоктистова. - М.: ВНИИ МВД России, 2010.

14. Захаренкова, В.В. Условия, определяющие порядок подготовки и направления международного поручения о правовой помощи по уголовным делам / В.В. Захаренкова // Закон, 2014. - № 1. - С. 131 - 139.

Шадрин О. Ю.,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института,
профессор Российской Академии Естествознания, член Российской секции
Международной полицейской ассоциации (International Police Association),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

ДОПРОС ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Одними из первых ученых-криминалистов, осветивших особенности проведения этого вида следственных действий с участием иностранцев, были А.Г. Крамарев и В.П. Лавров [1], исследования которых мы и принимаем за фундамент наших выводов в данном вопросе.

Объектом анализа при допросе является *сообщение* - словесное описание образов, представлений, сформировавшихся на основе восприятия уголовно-релевантных явлений. Словесное описание явлений и само явление не могут полностью совпадать. Одни и те же слова, фразы в устах различных людей могут иметь различный смысл. А если эти показания исходят от гражданина иностранного государства, слабо или совсем не владеющего русским языком и находящегося в чужой стране, что естественно откладывает свой отпечаток на его восприятие и понимание окружающей его обстановки. Еще А.Ф. Кони писал: «Правила Наказа 1860 года требовали признания негодными показания иностранцев, поведение коих неизвестно, а, следовательно - деяния иностранцев оценивать косвенными уликами, за исключением наличности собственного признания обвиняемого» [2].

Из сказанного следует, что при допросе следует учитывать ведущие анализаторные системы данного иностранца с учетом его национальных, психологических особенностей - зрительное и слуховое восприятие и запоминание событий в непривычной для него обстановке. Все следы памяти имеют тенденцию к угасанию, затормаживанию, а в описанных нами условиях этот процесс значительно ускорен. Поэтому общим правилом допроса является необходимость его производства при минимальном истечении времени после расследуемого события.

В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности допроса граждан КНР, т.к. в свете современных, активно развивающихся формах сотрудничества наших стран, значительно увеличится приток китайских граждан, что, безусловно, чревато повышенным вниманием к ним криминальных кругов.

Одним из наиболее важных в числе общих положений тактики допроса является установление и поддержание психологического контакта с допрашиваемым. А так как контакт - это психологически соответствующая

обстановка для восприятия и усвоения информации, исходящей от собеседника, то немаловажное значение, по нашему мнению, необходимо придавать знанию тактико-криминалистических особенностей общения с допрашиваемым иностранным гражданином.

При первом общении (независимо от процессуального положения иностранца) не следует сразу демонстрировать повышенного интереса к китайцам и, тем более, допускать элемента навязчивости. В этой связи уместно отметить привычку китайцев придавать особое значение впечатлению от первого знакомства, тем более от иностранца. Если оно окажется благоприятным, то при наличии соответствующих возможностей, данный фактор будет во многом способствовать дальнейшему развитию всего следствия по делу.

При первом знакомстве не следует слишком настойчиво "вытягивать" из китайца детали его биографии, хотя в пределах требуемых норм делать это необходимо. Вполне уместно, например, попросить точно написать иероглифами свою фамилию, дать визитную карточку и т.д. Поскольку в дальнейшей работе интересоваться подобными деталями будет попросту неудобно.

Немаловажное значение имеет и правильный выбор тем для разговора. В частности, им весьма импонирует спортивная тема, так как на этом поприще Китай достиг немало успехов; сказать что-то лестное о его родине, событиях культурной жизни. Можно говорить о домочадцах, а в случае каких-либо затруднений у него в семье - проявить сочувствие или заботу. Не исключены и темы, в которых фигурирует супруга китайца. В китайских семьях жены играют очень большую роль, а подчас и руководящую, если у них в семье сыновья. Однако в ходе беседы на эту тему нужно внимательно следить за реакцией собеседника и подмечать, насколько он склонен ее поддержать [3]. Для установления психологического контакта следует не затрагивать внешнеполитические аспекты (напряженность Китая с Японией, Тайванем и т.д.). Лучше сначала выбирать нейтральные темы: из области быта, жилья, материального достатка, поскольку это ни в коем образе не затрагивает репутацию китайцев.

При работе с иностранными гражданами нельзя забывать, что всегда для них на первом месте будет бизнес, а потом - сотрудничество. Они всегда готовы давать исчерпывающую информацию на российских граждан и своих конкурентах из числа соотечественников, но не в ущерб своему бизнесу.

С большим уважением китайцы относятся к тем, кто знает их язык, культуру, историю, искусство, театр.

Можно сказать, что только при тщательной продуманности и подготовке встречи, хорошем знании предмета разговора, следует рассчитывать на успех беседы. В противном случае можно оказаться в глазах

китайца человеком несведущим и, следовательно, самому потерять "лицо", что может привести к возникновению конфликтной ситуации.

Деление следственных ситуаций на конфликтные и бесконфликтные, заимствованное криминалистикой у психологии, основывается на характеристике одного из психологических компонентов следственной ситуации: соперничества и противодействия сторон, цели и интересы которых при расследовании преступления не совпадают [4].

Одним из проявлений подобной ситуации на допросе - дача ложных показаний.

Проведенные исследования допроса иностранных граждан позволили сформулировать некоторые положения ориентирующего характера о различных ложных и правдивых показаниях по ряду косвенных признаков. Инструментом в анализе служат некоторые общие критерии соответствия показаний описываемой действительности.

Критерий компетентности допрашиваемого. Помогает определить его способность к измышлению. Правдивый допрашиваемый часто не может объяснить описываемые события, выходящие за рамки обычной осведомленности. Объясняются они независимой от показаний информацией.

Критерий осведомленности. Помогает установить обратное явление - незнание допрашиваемым обстоятельств и деталей, которые должны быть ему известны и не могли быть забыты.

Критерий уникальности показаний. Если сообщения придают индивидуальность описываемому событию, отличаются большим количеством деталей, то более основательно считать его правдивым. Ложные сообщения обычно ограничиваются изложением нужного лжецу события, поэтому они схематичны и лишены уникальности. Необходимо помнить, что иностранный гражданин не может знать тонкостей уклада жизни страны пребывания, особенностей поведения местных жителей. Исключения могут составлять лица длительное время работающие по межправительственным соглашениям в нашей стране, либо аккредитованные своей страной для дипломатической или иной работы.

Критерий эмоциональной насыщенности. Замечено, что правдивые показания в отличие от ложных содержат больше эмоциональных моментов, указаний на переживания, связанные с описываемым событием.

Критерий несоответствий. Добросовестный допрашиваемый, описывая события, не всегда согласует его детали, не стремится устранить несоответствия, источник которых ему может быть неясен. Это кажущееся несоответствие разъясняется иными доказательствами. Лжец, напротив, приводит в соответствие независимые детали описания и при этом вступает в противоречие с истиной.

Приведенные соображения носят ориентирующий характер, не являясь рекомендациями, определяющими оценку показаний. Такая ори-

ентировка при допросе не только полезна, но фактически всегда имеет место и зачастую носит интуитивный характер.

Иностранец, оказавшийся в роли участника уголовного процесса в чужой стране оказывается в крайне затруднительном положении. Этому способствуют его незнание местного законодательства, память о боязни перед отечественными правоохранительными органами и зачастую - свою причастность к противоправной деятельности. Поэтому иногда решение дать ложные показания возникает у потерпевшего, свидетеля или подозреваемого во время допроса. Но время между решением, обдумыванием ложных показаний и их изложением следователю предельно ограничено. Это затрудняет процесс формирования ложной информации. Дефицит времени, испытываемый допрашиваемым в этом случае, невозможность быстрой оценки ситуации в малознакомой обстановке, помогает следователю убедить допрашиваемого изменить позицию и дать правдивые показания [5].

Ложные показания могут быть даны иностранным гражданином в силу заблуждения, не понимания складывающихся обстоятельств. Так же пассивная ложь возможна в случае утаивания факта преступных действий со стороны близких ему людей, или нежеланием помочь следствию.

Активная ложь применяется в случаях запугивания допрашиваемого лицами, причастными к совершению преступления; компаньоны по бизнесу в случае его личной заинтересованности; нежелании выглядеть невыгодно в глазах соотечественников.

Еще одной причиной возникновения конфликтной ситуации может явиться незнание норм поведения с гражданами азиатских стран, при обсуждении возникающих вопросов религии. На эту особенность при допросе верующих обращал внимание в своем исследовании Замылин Е.И. [6].

В ходе допроса гражданина иностранного государства следует обратить внимание на следующую особенность.

Известно, что восприятие окружающей действительности зависит от *направленности* внимания. Это внимание предполагает волевые усилия, психическую деятельность, которые направлены на полное восприятие того или иного события. Иностранец, не понимая языка, концентрирует свое внимание на внешности, походке, мимике, с помощью которой зачастую и происходит общение. Так, потерпевший, при правильно поставленных вопросах, может вспомнить особенности и черты лица, кистей рук, так как общение непонимающих друг друга лиц идет «на пальцах».

Но это необходимо помнить и с другой целью. Каждый жест следователя, каждое слово и форма молчания прочно ложатся в тактику отношений с данным человеком. Ни одна деталь не должна остаться без внимания [7].

Часто при допросе иностранцев возникает ситуация, когда необходимо разъяснить допрашиваемому своеобразные отличия, уклад нашей

жизни и законодательства в частности. Вот здесь и следует оговорить особенности взаимодействия с переводчиком. При допросе с его участием надо иметь в виду, что обвиняемый, не владеющий языком, на котором ведется следствие, иногда проявляет по отношению к следователю опасение, что тот может воспользоваться его незнанием языка. Для установления психологического контакта с таким допрашиваемым важно, чтобы обвиняемый доверял переводчику. При допуске переводчика к работе по уголовному делу необходимо на наш взгляд, выяснить:

- * компетентность переводчика, где, когда и в каком объеме изучал язык;
- * если допрашиваемый и переводчик одной национальности, не были ли они ранее знакомы, не принадлежат ли к одному землячеству или к взаимно враждебным по отношению друг к другу;
- * знание возможных вариантов языка, его диалектов;
- * в процессе работы следить за четким определением понятий в допросе, максимально подробного перевода. Важно, чтобы переводчик и допрашиваемый понимали суть сказанного каждым из них, четко и ясно определяли используемые понятия и придерживались данного значения.

Учитывая личный опыт службы в следственных подразделениях, автор поддерживает высказанное В.П. Лавровым еще одно требование - во время допроса четко и кратко формулировать вопросы, избегая местных выражений, диалектизмов, иносказаний, поскольку они могут привести к искажению смысла вопроса при переводе и к неточным показаниям [8].

В ходе допроса следователь должен твердо придерживаться правила: допрос ведет он, а не переводчик. Поэтому переводчик задает вопросы, комментирует какие-либо положения, лишь получив разрешение следователя. Наводящие вопросы, естественно, не допускаются. При необходимости - требовать замены переводчика.

Представляется, что во избежание излишних замен, а соответственно и потерей времени и для своевременного пресечения нарушений, которые могут быть допущены переводчиком, необходимо выполнить следующие подготовительные действия:

1. Разъяснить переводчику, что:
 - * никаких поручений со стороны допрашиваемого, минуя органы расследования и суда, переводчик выполнять не имеет права;
 - * не имеет права высказывать свою точку зрения на обсуждаемые вопросы, устрашать или стыдить допрашиваемого, высказывать свое понимание на роль допрашиваемого в расследуемом преступлении;
 - * задавать уточняющие вопросы только по существу перевода;
 - * не имеет права разглашать ставшие ему известные в ходе допроса обстоятельства дела;
2. Предупредить переводчика об ответственности за заведомо неправильный перевод в соответствии с уголовным законодательством.

Так же, с целью исключения возможности неправильной трактовки юридических терминов, появлению осложнений в процессе перевода связанных с непониманием специфики уголовного судопроизводства, по нашему мнению, необходимо решить вопрос с подготовкой переводчиков в системе учебных заведений МВД России.

Использование в ходе допроса иностранного гражданина звукозаписи, по нашему мнению, также имеет свои особенности, вызванные следующими обстоятельствами.

Круг вопросов, подлежащих выяснению в ходе допроса иностранца, зачастую обширен и звукозапись всего допроса неоправданна вследствие очень значительных временных затрат. Необходимо помнить, что присутствующий на допросе переводчик является «платным» участником процесса, оплата услуг которого осуществляется из бюджета правоохранительных органов, так как для иностранного гражданина действует «Международный пакт о гражданских и политических правах», где в пункте 'f' статьи 14 прямо указано на право пользоваться бесплатной помощью переводчика [9]. Допрашиваемый иностранец, также зачастую, в силу обстоятельств не располагает большим промежутком времени. При изучении материалов уголовных дел, нами установлено, что в среднем, каждый допрос продолжается не менее 1,5-2 часа. Применение звукозаписи требует прослушивание фонограммы, которое будет длиться такой же промежуток времени. С учетом подготовительного этапа, этот допрос займет весь рабочий день. Если в допросе участвует представитель консульства страны проживания допрашиваемого, он откажется от такого следственного действия.

В этой связи, по нашему мнению, возможно проводить запись наиболее значимого для предварительного расследования фрагмента допроса, что нередко делается сотрудниками специализированных подразделений в настоящее время, создавая фонд аудиозаписей для оперативных целей и возможного выдвижения и проверки версий.

Представляется, что фрагментарная запись содержания допроса, с последующим использованием зафиксированных сведений в качестве доказательств по делу, может значительно повлиять на эффективность труда следователя, в профессиональной деятельности которого допрос является самым распространенным следственным действием.

Так как уголовно-процессуальное законодательство РФ требует при использовании звукозаписи во время допроса записывать весь ход следственного действия, предлагаем **внести в нее изменения**, разрешающие:

во-первых, производить звукозапись не всего хода допроса, а его фрагментов:

- * производить звукозапись перевода только ответов допрашиваемого иностранного гражданина;
- * не производить звукозапись перевода вопросов следователя;

* не производить звукозапись перевода присутствующих при допросе лиц;

во-вторых, не объявлять данные присутствующих при допросе лиц, а ограничиться их указанием в протоколе допроса.

На необходимость изменения процедуры звукозаписи допроса указывал и Р.С. Белкин [10].

При проведении разновидности допроса - **очной ставки** между обвиняемым и потерпевшим, где обе стороны иностранные граждане одного государства, следует соблюдать крайнюю осторожность, так как часто обвиняемые добиваются очных ставок с потерпевшими, или другими привлекаемыми к уголовной ответственности соотечественниками, с целью оказания психологического давления, внушения им необходимости придерживаться той или иной системы противодействий следствию. Это достигается благодаря затруднению контроля со стороны следователя из-за существующего языкового барьера. Поэтому, в начале следственного действия оговариваются следующие условия:

* не разговаривать с противоположной стороной «напрямую» - без переводчика и без разрешения следователя;

* задавать вопросы присутствующим лицам без разрешения следователя.

Таким образом, знание психологических и национальных особенностей иностранных граждан, участвующих в формировании показаний, способствует предупреждению возможных субъективных ошибок, повышает степень надежности информации, полученной в ходе допроса.

Литература:

1. Крамарев, А.Г. Особенности допроса граждан иностранных государств / А.Г. Крамарев, В.П. Лавров. - М., 1976.
2. Кони, А.Ф. Из записок судебного деятеля / А.Ф. Кони // Собрание сочинений в 8 томах. - Том 1. - М., 1982. - С.111.
3. Об особенностях проведения следственных действий с участием иностранных граждан с учётом их национально-психологических черт см. подробнее: Шадрин О.Ю. Методика расследования преступлений, совершаемых иностранными гражданами и в отношении граждан иностранных государств (по материалам Дальневосточного региона): дисс. ...канд. юрид. наук – М.: Академия управления МВД России, 1998.
4. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к практике / Р.С. Белкин. - М.: Юридическая литература, 1988. - С.97.
5. Доспулов, Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии / Г.Г. Доспулов. - М.: Юридическая литература, 1976. - С.110.

6. Замылин, Е.И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации: дДисс. ...канд. юрид. наук - Волгоград, 1996. С.69.
7. Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. Том I. - Гродно: ГГУ, 1994. - С.73.
8. Криминалистика. Том 2. Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. (Автор главы Лавров В.П.) - Волгоград: ВСШ МВД России, 1994. - С.525.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах. // Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. Сб. Документов. Составители Бирюков П.Н., Панюшкин В.А. - Воронеж, 1997. - С.15.
10. Белкин, Р.С. Курс криминалистики в 3 томах. Том 2. Частные криминалистические теории / Р.С. Белкин. - М., 1997. - С.126.

Шутемова Т. В.,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права Самарского государственного
экономического университета
(г. Самара)

К МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ БАНДИТИЗМА

Большинство предлагаемых методик расследования бандитизма построено, в основном, по трем типам изложения материала. По первому типу даны криминалистическая характеристика бандитизма, типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования и программа действий следователя по их разрешению, особенности тактики проведения отдельных следственных действий [1]. По второму - криминалистическая характеристика бандитизма дополняется изложением программно-целевого метода, обобщаются следственные ситуации на первоначальном этапе расследования, предлагаются рекомендации по организации первоначального этапа расследования и особенностям проведения отдельных следственных действий [2]. И, наконец, третий тип характеризуется рассмотрением правовой характеристики бандитизма (уголовно-правовая и криминалистическая), особенностей возбуждения уголовного дела, обстоятельств, подлежащих доказыванию, организации расследования (выдвижение версий о совершении преступлений бандой и ее составе и признаки, лежащие в их основе, взаимодействие следователя с органами дознания) и производства отдельных следственных действий [3].

Подавляющая часть рекомендаций как по организации расследования бандитизма в целом, так и по тактике проведения отдельных следственных действий основана на методиках расследования групповых общеуголовных преступлений (убийства, разбои, грабежи и др.). Так, авторы методического пособия «Расследование бандитизма» пишут, что «члены бандформирований совершают различные преступления, но главенствующая роль отводится разбойным нападениям на граждан и жилище, служащих организаций, водителей легкового и грузового автотранспорта. Поэтому доскональное установление всех деталей подобных разбойных нападений является залогом успешного доказывания таких признаков причастной к ним группы лиц, как вооруженность, устойчивость, то есть признаков, позволяющих считать эту группу бандой» [3, с.122]

Бандитизм является классическим составным преступлением, т.е. каждое деяние, указанное в диспозиции ст. 209 УК РФ, представляет собой самостоятельный состав преступления:

- создание банды;
- руководство бандой;

- участие в банде;
- участие в совершаемых бандой нападениях.

Основой отнесения бандитизма не только к сложным составам преступлений, но и к усеченным составам, выступает банда. Раскрывая некоторые понятия, связанные с организованной преступностью, А.И. Долгова при определении организованной преступной деятельности применяет такой термин, как «коллективный субъект» (например, группа лиц, действующих по единому плану, слаженно, организованно) [4]. Полагаем, что применительно к бандитизму возможно использование этого понятия для разграничения собственно банды, как «коллективного субъекта», и бандитизма, как деятельности банды, проявляющейся в совершении различного рода, как правило, общеуголовных преступлений. Это позволяет методику расследования бандитизма представить как три взаимосвязанных части, касающихся деятельности по установлению:

1. Факта создания банды, доказывания ее признаков и совершения ею преступлений;
2. Фактов совершения бандой отдельных нападений (как фактов отдельных преступлений);
3. Действий конкретного лица по созданию, руководству, участию в банде и в совершенных ею нападениях.

Особо, полагаем, стоит обратить внимание на обстоятельства создания банды. Уже отмечалось, что можно выделить следующие формы создания банды:

1. изначальное непосредственное создание банды;
2. преобразование группы в ходе ее преступной деятельности в банду.

Действия лица (лиц), изначальное поставившего (их) перед собой задачу создания банды с целью нападения на граждан и организации, направлены на следующее:

- определение круга предполагаемых объектов нападения, исходя из их количества, расположения, возможностей для оказания сопротивления и других их неотъемлемых и приобретаемых свойств и особенностей;
- определение круга лиц, способных по своим физическим и интеллектуальным качествам осуществлять нападения и другую деятельность в составе банды в ее интересах;
- определение оснований объединения таких лиц в устойчивую группу (корысть, угрозы, использование каких-либо личных мотивов и др.);
- выбор оружия и определение путей его появления в банде (приобретение, хищение, изготовление и др.);
- определение источников финансирования для существования банды и ее деятельности.

Практическое осуществление таких действий и будет представлять собой создание банды. Причем конкретные проявления характеризуются

системообразующей взаимосвязью между собой, когда одним или несколькими действиями достигается подавляющее большинство целей.

Преобразование группы (например, занимавшейся кражами, грабежами, вымогательствами и др.) в ходе ее преступной деятельности в банду означает ее качественное изменение, связанное с переменой ориентирующих приоритетов у лиц, ее возглавляющих, либо у лиц, составляющих ее большинство [5].

При составлении основополагающих документов предварительного следствия по уголовным делам о бандитизме - постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении - необходимо дать описание создания банды и ее деятельности. Трудности, как правило, связаны с отражением многоэпизодной преступной деятельности значительного числа обвиняемых. Использование принципа двухчастевого описания фактической стороны позволяет в значительной степени облегчить решение этой задачи. В первой части стоит отразить краткую информацию о времени и месте создания банды, ее количественном и качественном составе с указанием времени вступления в банду и выполняемой роли (организатор, руководитель, участник и др.) каждого лица, о мотиве и цели организации банды, о наличии оружия с указанием времени и источника его поступления.

Во второй части постановления описываются конкретные действия лица по эпизодам преступной деятельности банды. Применение такой формулы постановления о привлечении в качестве обвиняемого позволяет отразить все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. В обвинительном заключении доказательственный материал возможно расположить логично и последовательно по признакам банды, эпизодам конкретных бандитских нападений и иных преступлений, совершенных членами банды, применительно к каждому обвиняемому [6].

Уголовно-процессуальные требования к обвинительному заключению (ст.220 УПК РФ) приводят к тому, что по уголовным делам о групповых многоэпизодных преступлениях объем обвинительного заключения значительно увеличивается из-за необходимости повтора тех доказательств, которые относятся к общей групповой деятельности (например, по уголовным делам о бандитизме это касается вооруженности банды, включая осведомленность каждого участника банды о наличии оружия в банде). Полагаем, что в таких случаях возможно выделение так называемых «общих» доказательств создания банды и ее признаков и изложение их в логичной последовательности как доказательств обвинения создателя (организатора) и /или руководителя банды, а затем ссылка на их содержание при доказывании участия в банде членов банды, а приведение доказательств совершения ими иных конкретных преступлений - по обычному правилу.

Таким образом, специфика бандитизма, как преступления, должна

находить свое отражение в специфике методики расследования этого преступления.

Литература:

1. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. проф. Т.В. Аверьяновой и проф. Р.С. Белькина. М., 1997. С.245-256; Криминалистика: учебник для вузов / А.Ф. Волынский, Т.В. Аверьянова, И.Л. Александрова и др.; Под ред. проф. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С.377-397; Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. М., Проспект, 2011. - С.488-515.
2. Никитин Л.Н. Бандитизм. Расследование и прокурорский надзор: учебное пособие / Л.Н. Никитин, В.И. Рохлин, Е.Б. Серова, А.А. Степанов. СПб., 1998 - С.5-33.
3. Расследование бандитизма: методическое пособие. – М.: Издательство «Приоритет», 2000. - С.5 –167.
4. Организованная преступность / под редакцией доктора юридических наук, профессора Долговой А.И. М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. - С.229.
5. Шутемова Т.В. Особенности доказывания факта создания банды// Законность, 1999, № 9. С.15.
6. Шутемова, Т.В. Об особенностях составления постановления о привлечении в качестве обвиняемого и заключения по уголовным делам о бандитизме / Т.В. Шутемова // Следователь, 1998. - № 4. - С.36-37.

Научное издание

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ И
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

26 февраля 2016 года

Материалы к Всероссийского
научно-практического круглого стола

Часть 2

Подписано в печать 15.02.2016 г. Формат 60 X 84 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Гарнитура "Times". Печать ризография.
Усл. п.л. 7,6. Тираж 0,05 тыс.экз. Заказ № 501.

Отпечатано в типографии Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России.
355000, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 43.